

557363

Юзеф
Совесек

БРИГАДА ГРЮНВАЛЬД

**JÓZEF
SOBIESIAK**

BRYGADA GRUNWALD

**WYDAWNICTWO MINISTERSTWA
OBRONY NARODOWEJ
WARSZAWA • 1964**

юзеф Собесяк

БРИГАДА "ГРЮНВАЛЬД"

Перевод спольского
—
—

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1967

Собесяк Ю.

С55 Бригада «Грюнвальд». Воспоминания. Перевод спольского Кашкуревича Л. Г., Киселева В. И. и Гроссмана М. Ф. М., Военное издательство, 1967.

240 с. 65 000 экз. 79 коп.

«Бригада «Грюнвальд» — заключительная часть трилогии, первые две части которой вышли на русском языке в 1965 г. под названием «Земля горит». После освобождения Киева советскими войсками Украинский штаб партизанского движения принял решение сформировать на основе советско-польской бригады имени М. В. Фрунзе, которой командовал Ю. Собесяк, новое партизанское соединение и перебросить его в тыл врага, на территорию Польши. Ю. Собесяк был назначен командиром этого соединения, которое получило название — бригада «Грюнвальд».

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ «ГРЮНВАЛЬД»

Б

еседой в ЦК КП(б)У я остался очень доволен. Мне была предоставлена возможность сформировать польскую партизанскую бригаду, которой предстояло в скором времени перейти линию фронта и начать диверсионную деятельность на Люблинщине. Еще раньше в Ровно мы с генералом Строкачом, начальником Украинского штаба партизанского движения, договорились, что новая бригада будет создана на базе бригады имени М. В. Фрунзе. И вот теперь, когда было принято окончательное решение и бригада получила название «Грюнвальд», я мог спокойно продолжать начатую работу.

Легко сказать: спокойно! Так казалось только на первый взгляд. Об этом я и думал на обратном пути из Киева, сидя в «кукурузнике». Но едва мои ноги ступили на землю, едва я очутился среди своих партизан в Пшебраже, как на меня навалились хлопоты, связанные с реорганизацией бригады.

Итак, в первую очередь нужно было укомплектовать бригаду. После того как из бригады имени М. В. Фрунзе были отозваны советские граждане (за исключением

Дмитрия Хвищука, который воевал рядом со мной почти с самого начала нашей партизанской деятельности), в ней насчитывалось несколько десятков бойцов.

Мне предстояло немедленно заняться пополнением и довести численность бригады до тысячи человек. С рядовым составом хлопот было меньше. Часть людей к нам направили советские районные военкоматы. Это были польские парни, ежегодно призываемые в действующую армию. Кроме того, пополнение шло за счет добровольцев, прибывавших из городов и деревень, и, конечно, из самого Пшебраже, где еще во время оккупации существовала многочисленная, хорошо организованная самообороны. Бойцы из бывшей бригады имени М. В. Фрунзе, простые крестьянские парни родом преимущественно из Полесья и южной части Волыни, стали ядром новой бригады. Из их числа назначались младшие командиры отделений и взводов. Вскоре из Луцка, Сары и Ровно прибыла большая группа бывших кадровых офицеров и подофицеров. Это было солидное подкрепление. Правда, я не имел возможности проверить их военную подготовку, а тем более определить моральное и душевное состояние. В короткой беседе трудно сразу узнать человека. Зрелость политических взглядов ряда людей, которыми укомплектовывалась бригада, вызывала у меня сомнение. И мне, и всему политическому аппарату предстояло усилить работу, направленную на то, чтобы сделать отношение наших людей к Советскому Союзу правильным. Для нас это являлось важнейшей политической проблемой. Мы видели, что предубеждение к Советскому Союзу у некоторых людей накапливалось на протяжении многих лет, начиная с довоенного времени. Этому способствовала антисоветская политика реакционных польских правительств. Позже возымела действие немецкая пропаганда и не в последнюю очередь антисоветская пропагандистская деятельность агентуры польского эмигрантского правительства, обосновавшегося в Лондоне. Поэтому мы не могли действовать необдуманно. Работали мы с осторожностью, но часто все-таки вслепую. И это не удивительно: у нас не было никаких пропагандистских материалов, даже печатные издания Первой армии Войска Польского до нас не доходили. Мы целиком и полностью полагались на собственные силы. А силы наши были крайне малы. Нам самим не-

доставало должного политического образования. Менялись времена, менялся язык политических деятелей, должен был меняться и язык агитаторов. В общем, мы не имели права пренебрегать работой среди людей, даже несмотря на некоторую примитивность используемых средств. Все, кто входили в нашу политическую группу (в том числе Янина Журек, до войны член Коммунистической партии Польши, Тадеуш Рыковский, Михал Левецкий и Францишек Чижевский), считали, что начинать работу следует с разъяснения исторических перемен, произошедших в польско-советских отношениях с началом войны с гитлеровской Германией; затем необходимо перейти к разъяснению деятельности Польской рабочей партии (ППР) и Союза польских патриотов в СССР, пропагандировать идею польско-советского братства по оружию; доносить до каждого мысль, что послевоенная Польша не останется помещичье-капиталистической, санационной¹; она будет народной Польшей, государством социальной справедливости. Во время бесед мы обо всем этом подробно рассказывали нашим людям, подчеркивали, что, только действуя рука об руку с Советской Армией, мы сможем окончательно разбить ненавистного врага. Тем, кого волновал крестьянский вопрос, мы объясняли, что прежде всего будет проведена аграрная реформа, что все безземельные и малоземельные получат наделы земли, отобранной у помещиков. Мы говорили также, что и промышленность станет собственностью народа. Партизаны реагировали на наши разъяснения по-разному, часто с недоверием. Не раз жалел я о роспуске людей старой интернациональной бригады. Значительно легче было бы перейти линию фронта и выполнять трудные боевые задания с людьми политически зрелыми, проверенными в нелегких партизанских боях. И все же мы должны были сделать все от нас зависящее, чтобы убедительно доказать польскому населению, стонущему под немецко-фашистским игом, правильность лозунгов, провозглашенных ППР и ОРП (Объединенной рабочей партией), и особенно лозунга сотрудничества и дружбы с Советским Союзом. Именно в этом заключался смысл существования поль-

¹ Санационный — распространенное наименование фашистского режима, существовавшего в Польше в 1926—1936 гг. — Прим. ред.

ской бригады «Грюнвальд». «Задумано все хорошо, — размышлял я, — но как пропагандировать эти идеи с помощью людей, у которых так мало опыта?» Вопрос этот мучил меня, тем более что политико-воспитательная работа продвигалась медленно. Одно утешало: люди рвались в бой с фашистами. И это давало возможность предполагать, что вновь создаваемая партизанская бригада будет боеспособной.

Одновременно с политико-просветительной работой мы с жаром взялись за организационную работу и учебу. Прибывших в бригаду людей мы разбили на подразделения в соответствии с принятой в армии схемой, а для подготовки младших командиров (командиров отделений и диверсионных групп) организовали подофицерскую школу. Начальником школы был назначен подхорунжий Виктор Козак.

Школа готовила людей к проведению диверсий в тылу врага. Практически это означало умение ориентироваться на местности в любых условиях и в любое время дня и ночи, использовать местность в боевой обстановке, искусно маскироваться, незаметно подходить к железнодорожной линии, мосту, виадику и т. п., вести рукопашный бой, нападать на противника и обезоруживать его, вести прицельный огонь не только днем, но и ночью, быстро закладывать мины под мосты, железнодорожное полотно, строения и т. п. На овладение всеми этими премудростями требовалось время, а его-то как раз и не хватало. Поэтому работать приходилось с полной нагрузкой.

В бригаде уже насчитывалось около девятисот человек. Вот как выглядело командование бригады: командир бригады — майор Юзеф Собесяк (Макс), заместитель командира бригады — поручик Тадеуш Рыковский, начальник штаба — поручик Вальчак, офицер по просветительной работе — подпоручик Янина Журек, интендант — поручик Вацлав Добровольский.

В состав штаба входили также Францишек Чижевский, Ежи Яцняцкий и Мирослав Петелицкий.

Командирами наших трех батальонов были назначены поручик Фульгенты Вонсович, Генрик Цыбульский и Ян Лесиньский.

Получив от Украинского штаба партизанского движения необходимое вооружение и средства связи, мы

приняли к исполнению задание, определенное письменным приказом следующего содержания.

Совершенно секретно.
Киев 15.3 1944 г.

ПРИКАЗ № 0023
Начальника Украинского штаба
партизанского движения

Относительно: выступления польской партизанской бригады «Грюнвальд» с целью развертывания боевых действий на территории Люблинского воеводства.

В соответствии с решением ЦК КП(б) Украины от 14.3 1944 г. о формировании польской партизанской бригады «Грюнвальд» для оказания помощи наступающим частям Красной Армии с задачей:

- задерживать боевое снабжение врага;
- не допускать вывоза в Германию советских и польских граждан, а также хлеба, промышленного оборудования и т. п.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиру польской партизанской бригады «Грюнвальд» товарищу Ю. Собесяку выйти с бригадой в составе трех батальонов (500 человек) на территорию Польши в район Люблина с целью развертывания боевых действий и активизации партизанского движения среди польского населения.

2. Начать боевые и диверсионные действия на железнодорожных линиях Люблин — Хелм, Люблин — Лукув, Люблин — Демблин и Рейовец — Замостье, на дорогах автогужевого транспорта Красныстав — Люблин — Демблин, Аннополь — Люблин — Парчев, Пяски — Хелм, а также на водных путях Западного Буга и Вислы.

3. Вести систематическую разведку во вражеском тылу в районе боевых действий бригады.

4. Командиру бригады ежедневно присыпать донесения Украинскому штабу партизанского движения о месте дислокации бригады, о ее деятельности и добытых сведениях о противнике.

Начальник Украинского штаба партизанского движения
генерал-майор С тро ка ч.

Выполнение этого приказа зависело главным образом от слаженности нашей подготовительной работы. Но она неожиданно была приостановлена из-за одного крайне неприятного происшествия.

Однажды в субботний мартовский день ко мне обратилось несколько офицеров бригады с просьбой разрешить им съездить в Луцк к своим семьям. У меня не было оснований отказать им. Я только попросил их вернуться в лагерь в понедельник. Но в понедельник они не вернулись. Начальник штаба доложил об аресте в Луцке поручников Косидлы, Яворского, Юзефа Цыбульского и еще нескольких офицеров. Я тотчас же вскочил на коня и помчался в Луцк. В городе обратился к представителю органов государственной безопасности. Меня принял полковник, худой, с усталым лицом и красными от недосыпания глазами.

Выслушав меня, он сказал:

— Зайдите ко мне через три дня.

Три дня спустя я снова был у полковника. Он предложил сесть поудобнее, угостил папиросой. Потом достал из сейфа какие-то бумаги, написанные по-польски. Я молча ждал разъяснений.

— Когда вы были у меня первый раз, — заговорил наконец полковник, — я намеревался задержать и вас, товарищ майор. Рад, что не сделал этого, так как сегодня оказался бы в глупом положении. Специально по вашему делу я поехал в Киев. Там мне все объяснили. Теперь могу говорить откровенно. А за то, что было, — прошу меня извинить...

Я хотел прервать его, но полковник остановил меня движением руки.

— Позвольте, позвольте, — продолжал он, — вы уже объяснили. Теперь дайте объяснить мне. Дело ваших

офицеров выглядит не очень красиво... Так вот, в период оккупации в Луцке подвизался представитель лондонского правительства, человек, скрывавшийся под псевдонимом Адам. До поры до времени он действовал, надо признать, успешно. По его указанию перед приходом наших войск двадцать седьмая дивизия Армии Крайовой¹ покинула эти места и отошла за Западный Буг. Адам, однако, остался со своим штабом. Он имел задание лондонского правительства организовать здесь разведывательную сеть для наших западных союзников. Когда Луцк был освобожден, Адам, убедившись, что у него нет возможности выполнить задание, решил перейти линию фронта и добраться до Варшавы. Он двинулся в дорогу со своей секретаршей и начальником связи. Но ему не повезло. Задержанный нашими органами безопасности, он выкручивался довольно ловко, но найденные у него документы и деньги разоблачили его.

Полковник показал на лежащую перед ним пачку долларовых банкнот. Только теперь я заметил, что на столе лежали и немецкие оккупационные марки, и золотые десятирублевки.

— Вам, вероятно, небезынтересно будет узнать, — продолжал полковник, потирая ладонью худое лицо, — как Адам распорядился своим штабом? Он приказал всем офицерам штаба вступить в вашу бригаду. Прослушайте, с каким приказом они пришли к вам: завербовать Макса и сколотить ядро из преданных себе людей, захватить командование всеми подразделениями бригады и войти в ее штаб, помочь Максу в быстром переходе линии фронта, а с прибытием на Люблинщину предложить Максу и его людям признать лондонское правительство. В случае отказа Макса покончить с ним и возглавить командование бригадой...

Полковник замолчал.

Я просмотрел документы, списки людей, приказы и другие бумаги, подтверждающие слова полковника.

¹ Армия Крайова — подпольные вооруженные отряды, созданные на территории Польши польским эмигрантским правительством с целью предотвращения роста движения Сопротивления, а также для укрепления своих позиций в Польше. Низовые звенья АК нередко вели борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, сотрудничая с отрядами Армии Людовой, которой руководила Польская рабочая партия (ППР). — Прим. ред.

Буркнув что-то неразборчивое, означавшее, видимо, «до свидания», я вышел.

Вскоре после разговора с полковником были арестованы начальник штаба бригады поручик Вальчак и еще несколько офицеров. Через некоторое время в Пшебраже прибыл майор из управления госбезопасности и заявил, что хочет видеть Генрика Цыбульского.

- Вы хотите его задержать? — спросил я.
- Ничего не поделаешь, товарищ майор...
- В чем дело? Можете объяснить?
- Цыбульский сотрудничал с немцами в оккупации.
- Сейчас приведу его, — сказал я и вышел.

На землю опустились сумерки. Я остановился посреди улицы и задумался. Генрика Цыбульского я знал не первый день и потому не мог согласиться с его арестом.

Цыбульского я застал у одного из активистов Пшебраже Альберта Василевского. Там было еще несколько человек.

Мы поговорили немного, потом я попросил Цыбульского проводить меня до дому.

— На улице такая темень, хоть глаз выколи, — объяснил я. А когда мы вышли, сказал: — Знай, парень, другого решения нет. Кто-то втравил тебя в скверную историю.

— Чтоб ему пусто было, — в сердцах выругался Цыбульский. Он пожал мне руку и исчез в ночной тьме.

Вернувшись домой, я уведомил майора, что Цыбульского нигде нет. Куда исчез — неизвестно.

Арест офицеров люди комментировали по-разному. Мы делали все возможное, чтобы вернуть бригаде былой престиж, проводили беседы и совещания. Некоторые товарищи приходили ко мне с личными делами. Делились своими сомнениями, опасениями, спрашивали, что в подобной ситуации надо делать. «Бороться!» — говорил я. Потом добавлял, что бригада начинает последние учения, что вскоре мы отправимся за линию фронта и будем бить гитлеровцев. Иногда советовал: если не хотите оставаться с нами, партизанами, но горите желанием отдать свои силы борьбе за освобождение Родины, идите в Сумы. Там размещен польский запасный полк, где обучаются солдаты для пополнения частей Первой армии.

Довольно большая группа последовала моему совету. Осталось нас около шестисот человек. И все же это была значительная сила. Костяк ее составляли мои старые товарищи, а те, новые, что остались с нами, имели репутацию людей решительных и твердых. Да и вооружение мы получили замечательное: автоматы, пулеметы, минометы, противотанковые ружья, гранаты, взрывчатку и большое количество боеприпасов.

Как-то, это было после подлого убийства бандой УПА командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Ватутина¹, меня вторично вызвали в Луцк. Принял меня знакомый полковник. Он достал из ящика письменного стола стопку листков, исписанных от руки.

— Скажите, товарищ майор, — спросил полковник, — сколько человек расстреляно вами до освобождения Волыни?

Я помолчал с минуту, чувствуя на себе внимательный взгляд полковника.

— Лично мной ни одного. По моему приказанию по-рядочно. Сколько, к сожалению, сказать не могу. Таким делам я учета не вел.

— Жаль, — заметил полковник. Затянулся папиросой и выпустил из носа две струйки дыма. — Жаль, — повторил он задумавшись и тут же добавил: — А что за люди были расстреляны по вашему приказанию?

— Известно кто, — ответил я. — Враги. Предатели, шпионы и тому подобная мразь. Те, кто учинял расправу над мирным населением, выслуживался перед оккупантами, ну и, конечно, гитлеровцы.

— А скажите, пожалуйста, среди расстрелянных были только такие, чья вина доказана, или же попадались наши люди, ни в чем не повинные?

— Товарищ полковник, — ответил я, — как вы знаете, нам приходилось бороться с немецко-фашистскими

¹ Генерал армии Н. Ф. Ватутин был смертельно ранен 29 февраля 1944 г. бандитами — украинскими буржуазными националистами, членами так называемой Украинской повстанческой армии (УПА). 15 апреля 1944 г. Н. Ф. Ватутин скончался. Советские люди, воины Вооруженных Сил свято чтят память этого выдающегося военачальника Советской Армии. — Прим. ред.

оккупантами в неслыханно трудных условиях. С фашистами дело обстояло сравнительно просто. Это были враги внешние. И здесь у нас не возникало никаких сомнений. А вот враг внутренний — предатели и шпионы, коллаборационисты и обыкновенные бандиты — выступал в самых разнообразных масках. Иногда он оказывался опаснее немцев, поэтому нам приходилось быть беспощадными, и гарантировать, что мы не совершили ошибок, к сожалению, не могу.

Полковник в ответ взял одну из лежащих перед ним карточек и стал читать:

— «На территории районов Маневичи, Камень-Каширский, Рафаловка в период оккупации действовала банда, возглавляемая польским офицером — националистом Максом. Банда эта расстреливала ни в чем не повинное украинское население. Так, в мае 1942 года в Наброске расстреляно...»

Затем следовал длинный список фамилий. В заключение автор доноса требовал сурового наказания «для бандита Макса и его людей».

Я внимательно слушал. Большая часть перечисленных имен была мне знакома. Сразу же вспомнились тяжкие преступления, совершенные этими людьми, и я пришел к выводу, что с чистой совестью сделал бы сейчас то же самое.

Полковник отложил в сторону бумаги и поднял на меня свои зоркие, с прищуром глаза.

— Что вы на это скажете?

— Как вы знаете, я был командиром советского партизанского отряда. Вначале подчинялся партизанскому штабу в Москве, потом Украинскому штабу партизанского движения. Об этом, полагаю, генерал Строкач успел вас проинформировать. Сам я поляк, но у меня в отряде были люди разных национальностей — украинцы, русские, белорусы, узбеки, татары, евреи. Удельный же вес моих соотечественников был незначителен. Этот факт сам по себе говорит о том, насколько далек я от национализма. Это может подтвердить мое непосредственное начальство и партизаны, особенно украинцы. Свои обязанности солдата-партизана я выполнял честно... И еще, — добавил я, наклонившись. — Думаю, что если бы мы отправили на тот свет побольше бандеровцев¹, сего-

дня значительно меньше погибало бы советских солдат. Возможно, не погиб бы и генерал Ватутин...

В глазах полковника зажглись огоньки. Он сгреб со стола листки, разорвал их и бросил в корзину. Потом поднялся и протянул мне руку на прощание.

— Порядок, — сказал он. — Все подтверждается. Спасибо, желаю успеха.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Вместо поручника Вальчака¹ я назначил начальником штаба бригады поручника запаса Михала Левецкого, учителя из-под Сарн. Это был человек молчаливый и на редкость работоспособный. Я хорошо знал его. Во время оккупации он сотрудничал с нами, выполняя в районе Сарн разведывательно-диверсионные задания. Левецкий сразу приступил к работе.

Прежде всего мы проверили, как обстоит дело с обучением и дисциплиной в бригаде. Результаты оказались неплохими. Поэтому мы решили не медлить и выступить к линии фронта. Мы торопились еще и потому, что поддержание морального духа бригады требовало значительных усилий.

В разгар весенней распутицы после непродолжительных приготовлений мы выступили в поход по маршруту Пшебраже — Тростянец — Колки — Оконск — Маневичи — Конинск. Это был первый этап марша протяженностью около ста пятидесяти километров.

Бригада вытянулась в длинную колонну, которую замыкал обоз из тридцати подвод. В передовое охранение была выслана конная разведка — подразделение численностью пятьдесят кавалеристов, возглавляемое старшим сержантом Копровским.

На первый очаг мы остановились в деревне Тростянец. На следующий день из-за нерасторопности наших интендантов бригада выступила из деревни не в семь

¹ Шайки украинских националистов возглавлял Степан Бандера — фашист, платный агент гитлеровской разведки, враг украинского народа, организатор тяжчайших злодействий против народов Советского Союза. После разгрома гитлеровской Германии проживал в ФРГ. Из-за боязни разоблачений в 1959 г. был отравлен сообщниками. — Прим. ред.

утра, как намечалось, а на час позже. Злой, расстроенный, я ехал в конце колонны и смотрел на партизан. Лошади с натугой тянули нагруженные доверху телеги. Я поторапливал колонну как мог, хотя и понимал, что легко подгонять людей, когда сам удобно сидишь в седле, имея под собой Орлика, превосходного казацкого коня каштановой масти, захваченного когда-то у немцев. И вот в то самое время, когда я так ругался, больше про себя, чем вслух, где-то впереди раздались частые выстрелы. Я подхлестнул коня и галопом помчался к голове колонны. Проскакав с полкилометра, я вылетел из придорожных зарослей на поляну и увидел, что цепь партизан под командой поручника Фульгенты Вонсовича атакует опушку леса, росшего метрах в двухстах от дороги, по которой двигалась колонна. Партизаны продвигались вперед перебежками. Вот они уже близко: до моего слуха донеслось громкое «ура». Вот они достигли леса. Автоматные очереди слились с криками. Потом наступила тишина. Я подъехал ближе. Наши вели пленных. Между деревьями я заметил трупы убитых. Поручник Вонсович с довольным видом доложил:

— Гражданин майор, наш батальон наткнулся на засаду. Боковое охранение обнаружило бандеровцев раньше. Одна рота развернулась в цепь, и мы атаковали с тыла. Убито шесть человек, в плен взято двенадцать. Захвачен один станковый пулемет, несколько автоматов и винтовок. Отличились разведчики из охранения.

Я поблагодарил бойцов за проявленную бдительность и отвагу.

Взятых в плен бандеровцев мы передали в Колках советским властям, после чего двинулись дальше.

На пятый день марша, около полудня, бригада вступила в Маневичи. Жители местечка устроили нам трогательную встречу. Невольно вспомнился день, когда поздней осенью 1941 года фашистская полиция вела меня вместе с Янеком Войтовичем этими улицами. И вот теперь по велению судьбы я снова увидел эти дома, но уже совсем в другой обстановке. А ведь именно здесь я начинал свою подпольную деятельность в местной типографии.

Ко мне подходили рабочие паркетной фабрики, слушающие и приглашали на праздничный обед. Мы вспоминали о нашем сотрудничестве в период оккупации. В па-

мяти вставали давние события: мой рискованный, отчаянный побег из Гулевичей, блуждание по лесу, мороз, снег, облава, потом захват оружия, возникновение отряда, тяжелые, изматывающие бои с фашистами, развертывание партизанской борьбы... Если бы не эти самоотверженные, шедшие на риск люди — жители сел, местечек и городов, — не только я не уцелел бы в том трудном до отчаяния положении, но и само вооруженное сопротивление не имело бы шансов на успех. Глядя на радостные, возбужденные лица встречавших нас людей, я чувствовал, как у меня подступает комок к горлу. Без ложного стыда признаюсь, что я тогда сильно волновался, на глаза навернулись слезы. Мне захотелось прижать этих людей к груди, сделать для них что-то очень хорошее.

После хлебосольного обеда партизаны, сердечно прощавшись с жителями местечка, выступили к Конинску.

Деревня Конинск, безлюдная и глухая, напоминала огромное кладбище. Дворы замерли в тревожной неподвижности. Избы пугали темными глазницами выбитых окон. Дороги и тропинки поросли травой. Вспугнутые нами одичавшие собаки и кошки бросались в кусты. На полях виднелись полосы прошлогодних, вымерзших овощей и невыкопанного картофеля. Нетрудно было представить себе, в какой спешке люди покидали родные места.

Однако вскоре мы узнали, что в нескольких дворах продолжается более или менее нормальная жизнь. Как выяснилось, несколько смельчаков решили остаться. С радостью я узнал в них испытанных друзей по борьбе в период оккупации. Они тоже очень обрадовались нашему появлению. Мы были для них символом становления нового времени. И опорой. Именно опорой. Ведь их соседи покинули насиженные места из-за отсутствия такой опоры. Они опасались мести банд УПА, бесчинствовавших в округе, и осели в городах, даже на Люблинщине.

В Конинске мы предполагали оставаться две недели. Надо было довести до конца обучение людей, пополнить боеприпасы, которые нам обещали прислать еще в Маневичи. Вместе с интендантом бригады поручиком Добровольским мы уточнили в деревне районы расквар-

тирования, распорядились привести их в надлежащий порядок и подготовить места отдыха для бойцов. Партизаны расположились в избах, а также в ригах, где осталось достаточно соломы и сена. Штаб принял меры по охранению места расположения бригады и выслал разведчиков. Последние получили задание изучить окрестности и установить связь с бывшими партизанами, которые после освобождения оккупированной территории вернулись к мирному труду. На освобожденной территории нам не разрешалось самовольно реквизировать продовольствие, да и неизвестно было, где его раздобыть, так как население ближайших деревень, ограбленное оккупантами, жило в крайней нужде. Все усилия тыла были подчинены лозунгу: «Все для фронта!» В таких условиях снабжать бригаду продовольствием стоило немалых трудов. Случались дни, когда мы попросту голодали. Постоянно не хватало соли, а о сахаре оставалось только мечтать. Табака не было.

Мы должны были любыми путями накормить несколько сот физически здоровых людей. У меня сердце кровью обливалось при виде наших ребят, рывшихся на поле в поисках подгнившей картошки. Мы обратились за содействием к секретарю областного комитета партии генералу Бегме, моему другу и товарищу по совместной борьбе с оккупантами. Выход удалось найти. Мы получили от генерала документ, дававший нам право реквизировать излишки продовольствия в тех селах, где ходили бандеровцы.

Однажды наша разведка, которая опиралась прежде всего на бывших партизан и разведчиков, сотрудничавших с нами во время оккупации, донесла, что штаб бандитского куреня разрабатывает план нападения на бригаду «Грюнвальд». Мы представляли слишком крупную боевую единицу, чтобы бандеровцы отважились открыто атаковать нас. Их план строился на скрытности и внезапности. Нам также стало известно, что штаб бандеровцев, взявшийся провести эту операцию, находится в Волчецке — логове националистических банд. Мы приняли решение опередить бандеровцев. Оставалось выбрать подходящий момент. Задача заключалась в том, чтобы не только нанести сокрушительный удар, но и окончательно разгромить бандитов. Наши люди из Волчека — Максимчук и Архип Собецкий — предупредили

нас, что бандеровцы уже перебрасывают силы из Сафьяновки в Волчецк, совещаются с местными националистами и проводят учебную подготовку. Нам сообщили также, что штаб куреня организовал непрерывное наблюдение за нашей бригадой. Он пытается изучить распорядок дня в бригаде, уточнить степень нашей готовности к обороне. Наблюдение велось самыми различными способами. Например, крестьяне, которые приезжали за дровами в лес, прымывавший к Конинску, являлись тайными агентами штаба волчецкого куреня. На высоких густых елях восточной опушки леса были устроены наблюдательные посты. Мальчишки в возрасте восьми—двенадцати лет толково обслуживали бандеровцев. Ребята все чаще стали наведываться в Конинск. Они слонялись в районе расквартирования бригады, шныряли вокруг постов охранения. В основном это были голодные оборвьши. Они, как правило, начинали с кухни — выпрашивали чего-нибудь поесть. Партизаны охотно делились с ними своими скромными пайками. Истосковавшиеся по семьям бойцы быстро привязались к этим несчастным. Вечерами балагурили с ними, рассказывали им сказки. А ребята, чувствовалось, были хорошо вышколены. Они ни разу ни одним словом не проговорились о цели своих посещений. Лишь бегающие глаза выдавали их ненскренность и страх. Впрочем, это был скорее страх перед жестокостью доверителей, чем перед нами. Именно этот страх помогал им ловко маскироваться. Двое мальцов настолько осмелели, что рассказали нам явно выдуманную историю об убийстве их родителей бандеровцами, о своих скитаниях, после чего упросили пустить их в партизанские квартиры, где жили долгое время. Они казались до крайности забитыми и напуганными, а в действительности каждый день встречались со своими сверстниками, прибегавшими из Волчецка, и передавали им сведения, интересовавшие бандеровцев. Но мы во-время разгадали замысел врага. Вначале нам хотелось отшлепать этих щенят как следует и запретить им показываться в лагере, но, подумав, решили действовать похитрее. Мы сделали вид, что ни о чем не догадываемся. Пусть себе высматривают и доносят. Пусть себе бандеровцы думают, что располагают полной информацией и в любой момент смогут захватить нас врасплох. А со временем мы рассчитаемся с лихвой.

Мы могли себе позволить вести эту игру, потому что сами располагали более полными сведениями о противнике. Наши люди, находившиеся в логове бандеровцев, регулярно присыпали нам донесения о степени их готовности и замыслах.

Как-то ночью Собецкий передал мне подробный план предстоящего нападения бандеровцев. Как обычно во время таких посещений, я приказал наглухо завесить окна: ведь любой мальчишка, ночующий у нас, мог опознать Собецкого.

Бандеровцы, полагая, что они имеют точные данные о нас, и надеясь на свое знание местности, решили разделиться на штурмовые группы, под покровом ночи приблизиться к селу, незаметно обойти наши внешние посты охранения и, пустив в дело гранаты и автоматическое оружие, внезапным ударом разгромить отдельные партизанские квартиры. Три резервные группы должны были прикончить уцелевших от огня.

— Вот таким будет ваш конец, — закончил свой рассказ Собецкий. — Весело?

— Весело. Ладно, там посмотрим. А сейчас нужно узнать самое главное — день нападения и место их со-редоточения.

— Дьявольски трудная задача, — Собецкий вздохнул. — Данные сообщаются в самый последний момент. В штабе куреня об этом знают считанные люди.

— Без такой информации будем действовать вслепую.

— Верно, — согласился Собецкий. — Ладно, постараюсь вытянуть из них я эти сведения.

Мы тем временем разрабатывали свой план. К следующему дню штаб бригады имел два утвержденных варианта. Первый заключался в том, чтобы овладеть инициативой и атаковать бандеровцев в районе их со-редоточения. Второй предусматривал устроить засаду колонне при подходе ее к селу. Этот последний вариант основывался на предположении, что бандеровцы разделятся на группы не сразу, то есть не в районе сосредоточения, а лишь перед самым селом. Штаб решил до последнего момента держать в строжайшем секрете вариант, на котором мы остановимся, конечно, в том случае, если Собецкий раздобудет нужные нам сведения.

И он раздобыл их. Бандеровцы решили сосредоточиться в лесу под Олтвой. К вечеру 24 марта они замеревались подтянуть туда отдельные сотни, чтобы к двадцати двум часам быть готовыми к выступлению. Объединенная колонна должна была подойти к лесной дороге, на которой редко кто появлялся, остановиться в трех километрах от Конинска и только здесь разделиться на боевые группы. Вот этого-то и нельзя было допустить. Мы остановились на втором варианте нашего плана: решили устроить засаду у лесной дороги, ведущей из Олтвой к Конинску, в шести километрах от села. В этом месте возвышался холм с кладбищем. Дорога проходила у подножия холма. С другой стороны к нему подступало болото. Деревья, росшие на кладбище, и могильные бугорки облегчали устройство и маскировку огневых точек и служили надежной защитой от огня противника. После интенсивного обстрела с холма от колонны бандеровцев вряд ли что могло остаться. И тем не менее мы не хотели сосредоточивать в засаде всю нашу группировку. Решили, что здесь достаточно будет одной роты. Остальным подразделениям предстояло занять круговую оборону на подступах к селу.

Как решили, так и сделали. С одной только поправкой. За исключением нескольких офицеров, никто в бригаде не знал, что в действительности готовится. Мы всячески старались дать противнику понять, будто нам ничего не известно о надвигающейся опасности. И даже дерзко продемонстрировали эту «неосведомленность». В день запланированного бандеровцами нападения я перед всей бригадой зачитал приказ, согласно которому первый батальон отправлялся на три дня в Ивановку с целью реквизиции продовольствия для бригады; второй батальон также уходил из деревни для проведения двухдневных учебных занятий на местности, а третий оставался в деревне, чтобы провести занятия на месте. Штаб бригады получил задание разработать подробную инструкцию по проведению тактических занятий.

Поведение мальчишек говорило о том, что в тот же день об этом приказе будет знать командование бандеровского куреня.

На совещании в штабе с участием командиров батальонов мы утвердили и настоящие боевые задания отдельным группам.

— Итак, — подытожил я, — первый и второй батальоны, выполняя официальный приказ, отправятся в указанных направлениях. С наступлением сумерек они остановятся, а как только совсем стемнеет, возвратятся в деревню. В абсолютной тишине, — подчеркнул я. — Никаких разговоров. О курении тоже забыть. Каждый должен быть на своем месте в полной боевой готовности. Поручник Вонсович!

— Есть!

— Будете командовать ротой, назначенной в засаду. Возьмете пятьдесят человек и сразу же после обеда отправитесь на мнимые учения в направлении Карасина. Оттуда пройдете лесами до дороги Олтова — Конинск. В двадцать один час займете позицию на кладбище. Приказ сохранять в тайне до семнадцати часов. Все ясно?

— Так точно!

— Перейдем к деталям...

Мы вначале сомневались, достаточно ли пятидесяти бойцов в засаду? Ведь бандеровцев будет по меньшей мере несколько сот. Но внезапный огонь с удобной позиции должен сразу поразить врага. Главное — сохранить присутствие духа, не спешить. Пропустить разведку и головное охранение и открыть плотный огонь, когда у подножия холма появятся основные силы противника. То, что сравнительно небольшую группу труднее обнаружить и что в случае непредвиденных осложнений она будет действовать более маневренно, также имело немаловажное значение.

Распределив между собой остальные боевые задачи, мы разошлись.

После обеда, когда я проверял, как готовятся к выступлению подразделения, один из партизан отвел меня в сторону и прошептал:

— Те мальцы, что в нашей избе жили...

— Что?

— Исчезли.

— Как это «исчезли»? И след простыл?

— Ну да. И след простыл. Вроде пташек. Чирик-чирик — и нет.

— Ну и что с того?

— Думается мне, — ответил парень, — что не к добру все это.

— Почему? Пришли, подкормились и ушли.

— Да так-то оно так. — Партизан оглянулся, словно ища у кого-то поддержки. — Мальцы показались мне уж больно любопытными. А сегодня, когда вы, пан майор, зачитывали приказ, у этих щенят уши прямо на глазах росли.

— В этом возрасте ребятам все в диковинку, — заметил я.

— Пан майор так думает? — Он покачал головой. — Может быть, я глупости говорю и напраслину возвожу на пацанов, но мне почему-то кажется, что они шпионы, и все тут...

Я поблагодарил парня и обещал принять во внимание его опасения.

— Ну и хорошо, — проговорил он. — Так оно или не так, а лучше все-таки смотреть повнимательнее. Верно?

— Несомненно, — согласился я. — Молодец...

Козыри, перехваченные у противника, вступили в игру. В тот же день все встало на свои места.

На подходе к Карасину рота сделала короткий привал. Вонсович выставил часовых. Остальных партизан собрал вокруг себя. Было пять часов вечера, и поэтому он уже мог разъяснить своим хлопцам поставленную перед ними задачу.

— Хватит играть в прятки, — сказал он. — Пора приниматься за работу. Бандеровцам наша бригада стала поперек горла, и они решили ликвидировать ее. Сегодня в ночь они попытаются прикончить нас. Как думаете, стоит этому помешать?

Ответ был единодушным. Наконец-то предстоит настоящее, солдатское дело!

Вонсович изложил боевую задачу. Сообщил, что колонна бандеровцев будет насчитывать несколько сот и должна появиться на дороге Олтова — Конинск, что роте необходимо занять позиции на кладбище.

— Главное — действовать слаженно, — закончил он. — Без моего приказа огня не открывать. Ни в коем случае. Ясно?

Чего яснее! Засада для партизанской братии — дело привычное, так сказать, их специальность.

С наступлением сумерек, избегая дорог, рота двинулась через лес в направлении кладбища.

В километре от цели Вонсович еще раз остановил роту.

— Теперь молчать! — приказал он. — На кладбище занять позиции, замаскироваться и не шевелиться, даже если вас будут топтать. Боковое охранение противника, видимо, будет продвигаться по лесу. Нельзя допустить, чтобы оно обнаружило нас. Понятно?

Разумеется, все поняли. Каждый знал, чем грозит преждевременное обнаружение пятидесяти партизан бандеровскими головорезами. Пятьдесят человек против нескольких сот бандитов...

Теперь бойцы шли неслышным партизанским шагом. Только изредка раздавался треск сломанной ветки да шелестели раздвигаемые кусты.

К девяти часам вечера рота была на кладбище. Полчаса спустя здесь царила мертвая тишина. Партизаны затаились между могилами. Исчез куда-то и сам Вонсович. Он долго проверял посты. Шепотом отдавал последние приказания.

Дорога, безлюдная и загадочная, лежала перед партизанами как на ладони. Люди томились в ожидании. Холод и сырость проникали под старые шинели, пробирая до костей.

Второй час напряженного бодрствования был на исходе, а лес со стороны Оптовой все молчал. Около полуночи чуткое ухо партизана, лежащего с фланга, уловило в тишине подозрительный шум. Парню показалось, что тишина ожила. Будто все такая же, но уже не прежняя: она сменила тон, наполнилась каким-то беспокойством, перестала действовать усыпляюще.

Головной разведывательный дозор бандеровцев, появившись из лесной чащобы, вышел на открытое место, выше болота. Еще два километра — и он достигнет перекрестка основной дороги с лесной, где колонна должна разделиться. Здесь дорога просматривалась на длинном отрезке. Кончилась поляна. Позади остались болото, кладбище на холме, густые кроны деревьев.

Лесная тишина взорвалась неожиданно. И, падая на землю, бандеровские разведчики ничего не понимали. Выстрелы грохотали на значительном расстоянии за ними, обрушились на сомкнутую колонну тех, кого развед-

чики обязаны были охранять. Случайность? Засада? Где? Что проглядели? Когда опомнились, выйти на поляну уже не смогли. Под убийственным огнем, хлынувшим с холма, колонна извивалась на дороге, как гигантская обезумевшая змея. Скоро силы этого чудовища иссякли. Оно распадалось на куски, изыхало...

Часть бандеровцев сумела вырваться из огненного потока и укрыться в лесу. Остальные повернули назад. Те, что бросились в сторону от дороги, пытаясь уйти подальше от смертоносного кладбища, увязли в болоте. И тут же меткие очереди настигли их и скостили. Кое-где бандиты пробовали отстреливаться, организовать подобие сопротивления. Но тщетно. Везде их доставала партизанская пуля или граната. Крупная банда бандеровцев, намеревавшаяся уничтожить польскую партизанскую бригаду, перестала существовать.

После ликвидации бандеровской группировки в ближайших окрестностях воцарилось относительное спокойствие. Уцелевшие бандиты попрятались в укромных местах и только временами давали о себе знать: несколько раз вблизи нашей деревни в небо взмывали ракеты, указывая немецким летчикам цель. Бомбы падали, но значительного ущерба причинить нам не смогли.

А весна тем временем полностью вступала в свои права. Зазеленели поля. На деревьях набухли почки. Солнце щедро дарило нам свое тепло. Но трудности, связанные со снабжением, к сожалению, не уменьшились. Наоборот, в эту пору у жителей сел и деревень запасы продовольствия, сделанные с осени, подходили к концу. С каждым новым днем группам продовольственного снабжения приходилось совершать все более продолжительные рейды, причем возвращались они с гораздо меньшей добычей. Батальонам вменялось в обязанность проявлять в этом отношении максимальную инициативу. И в основном они ее проявляли. Однако к командиру второго батальона у меня были серьезные претензии.

Командовал этим батальоном капитан Б. Кадровый офицер, он знал толк в военном деле. Но наша бригада была не регулярной воинской частью, а партизанской группировкой. Мы не представляли собой даже самой

маленькой шестеренки в мощной военной машине со всеми ее звенями и, самое главное, уставными положениями. Мы являлись самостоятельной шестерней, и ее бесперебойное функционирование зависело в основном от наших собственных усилий. Капитану Б. было не-легко привыкнуть к новым, непривычным для него методам командования. Главное здесь заключалось в умении уяснить смысл присущих партизанской группировке характерных особенностей.

На первый взгляд казалось, что партизанское соединение ничем не отличается от подобного воинского соединения. Как будто бы и цели и задачи у них одни и те же. Взять хотя бы главную — одержать победу над врагом. Или, например, вопросы дисциплины. Как будто то же самое, а практически совсем не то. Капитан Б. во всех этих тонкостях плохо разбирался, тем более что батальоны в нашей организационной структуре сохранили достаточно большую самостоятельность. А это требовало от командира умения отдавать приказы, являющиеся развитием приказов свыше.

Чтобы успех в значительной степени зависел от личной инициативы каждого бойца подразделения, командир должен иметь, как говорится, нюх на такую инициативу. Командовать партизанами — значит не только отдавать приказы и требовать их безоговорочного выполнения, но и глубоко верить в находчивость, ум и зрелость подчиненных. Не раз приходилось мне сталкиваться с командирами, которые этим умением не обладали. Таким был и капитан Б. Партизаны его батальона всегда ходили голодные, зато обязаны были четко отбивать шаг, стоять по стойке «смирно» и т. п. Люди злились, считая, что вся эта муштра мало чем поможет в бою. Не раз я обращал внимание капитана на то, что его «деревянные методы» вызывают в батальоне нежелательную реакцию. Указывал на необходимость изменить такое положение. Не помогло. Видимо, он просто был не в силах перестроиться.

Капитана Б. пришлось отстранить от командования батальоном и перевести в штаб. Правда, офицеров у нас не хватало, но зато были люди, уже не раз проявившие свои способности в сложной боевой обстановке. Я давно присматривался к Ежи Ядняцкому из этого же, второго, батальона. До прихода к нам он возглавлял самооборо-

иу в своей деревне в Хороховском уезде на Волыни. Этот человек отличался исключительной находчивостью, имел доброе сердце. Посоветовавшись с Левецким и Рыковским, я изложил на совещании в штабе суть дела, и мы решили назначить Яцняцкого командиром второго батальона.

Я вызвал его к себе. Яцняцкий приехал верхом на лошади. Ловко спрыгнув с седла, он вытянулся и энергично доложил о своем прибытии. Я с восхищением смотрел на него. Он был тщательно выбрит. Форма подогнана по фигуре.

— Ну и ну, — проговорил я с удивлением. В наших условиях подобное не часто встретишь. — Что это ты, братец, расфрантился?

Яцняцкий заулыбался и стал покручивать усы.

— Послушайте, пан офицер, — продолжал я, не сводя с него глаз. — Разве эти шпалы подходят к такому мундиру?

Он еще улыбался, но в живых голубых глазах промелькнуло беспокойство.

— Мне кажется, не очень подходят, — произнес я уже строгим голосом. — А ну, братец, снимай мундир!

Улыбка на его лице сменилась жалкой гримасой.

— Если я действительно...

— Снимай! — резко оборвал я его.

Он молча выполнил приказание и, протянув мне мундир, застыл в беспомощной позе. В этот момент он напоминал школьника, уличенного в неблаговидном поступке.

— Отпори шпалы!

Окончательно сбитый с толку, он прижал мундир к груди.

— Быстрее! — торопил я его. — Чего ждешь?

— За что? — простонал он. — Служу... как умею. Почему? Мундир, конечно, могу сменить... Но шпалы?

— Именно шпалы, — отрезал я. — Немедленно! Срываи!

Ежи был потрясен. Он внимательно посмотрел на меня, потом склонил голову над мундиром и дрожащими руками спорол нашивки.

— Ей-богу, ничего не понимаю! — не выдержал он.

В этот момент он увидел на моей вытянутой ладони звездочки и уставился на них каким-то бессмысленным взглядом. Наверное, он долго смотрел бы на них, если бы я не вернул его к действительности.

— Ничего не понял? Нацепи, черт возьми!

Яцняцкий медленно протянул руку, сгреб с моей ладони звездочки и, глядя на них исподлобья, закрепил их на погонах.

— А теперь надень мундир и застегнись как положено!

Он молча повиновался.

— Прекрасно, — похвалил я. — Вот теперь совсем другое дело. Теперь ты настоящий командир батальона. Поручник, поздравляю!

— Бог мой! — охнул парень. — Что за шутки?

— Какие могут быть шутки, — ответил я серьезно и протянул ему руку. — Назначаю тебя командиром второго батальона. Приступай к исполнению обязанностей.

Шутка была, в сущности, невинная, но немножко жестокая. Яцняцкий позднее признался, что вначале он чувствовал себя так, будто ему плеснули в лицо, так как не знал за собой никакой вины. Правда, в то же время он не видел повода для столь высокого назначения. Я успокоил его.

— Трудная предстоит работа, — сказал новоиспеченный поручник. — Черт его знает, как это примут люди.

— Хорошо примут, — заверил я его.

Когда мы стояли перед строем батальона, я на всякий случай предупредил хлопцев, что командование бригады не потерпит даже малейшего нарушения приказов нового командира.

— Вы обязаны не только беспрекословно выполнять приказания поручника Яцняцкого, но и помогать ему, — сказал я в заключение. — Дружба дружбой, а служба службой. Желаю успеха вам и вашему новому командиру.

Вначале Яцняцкому пришлось трудно, но зато в дальнейшем, завоевав себе авторитет, он добился того, что его батальон стал образцовой боевой частью. Стоит упомянуть, что осенью 1944 года Яцняцкий вступил в армию, где неплохо командовал одним из батальонов 16-го пехотного полка. В боях под Колобжегом его тяжело ранило. Дослужился он до звания капитана.

ПЕРВАЯ АРМИЯ И ПОЛЬСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ШТАБ

В апреле обучение бригады подходило к концу. Не только отдельные подразделения, но и все соединение было приведено в полную боевую готовность. После окончательного отбора оно насчитывало свыше шестисот человек. Мы располагали первоклассным вооружением, солидным количеством боеприпасов и взрывчатки, средствами связи. В условиях партизанской борьбы бригада являлась серьезной силой. Теперь мне хотелось как можно быстрее привести эту силу в действие. Я надеялся, что вскоре мы перейдем линию фронта, прoberемся во вражеский тыл и сможем оказать немалую помощь партизанам Люблинщины, в том числе и оружием. Ведь нам обещали сбросить с парашютами много различных грузов и даже, если позволит обстановка, высыпать в район боевых действий советские транспортные самолеты.

Украинский штаб партизанского движения согласовал со штабом 1-го Украинского фронта вопрос о переходе нашей бригады через Западный Буг, и нам оставалось только ждать последнего приказа. И вот приказ пришел. Это было в конце апреля. Бригада находилась в полной готовности к выступлению. Бойцы рвались в бой с врагом. И вдруг радиограмма: «Командиру бригады «Грюнвальд». Немедленно выступить из района сосредоточения по маршруту Маневичи — Колки — Деражно. К 3 мая сосредоточить подразделения бригады в районе деревни Жешувц у Горыни. После выполнения приказа явиться лично для доклада в Ровно».

Я прочитал приказ еще раз, не веря своим глазам и ничего не понимая. Почему вдруг нашу бригаду отводят в восточном направлении? Что случилось? Как это не вовремя! Ведь все мы были готовы к бою.

Приказ, однако, оставался приказом. Я ознакомил с ним штаб, затем батальоны. Мне казалось, что это какое-то досадное недоразумение и что скоро я смогу лично выяснить все в Ровно.

Мы быстро свернули лагерь, распрощались с Конинским, отвесили низкий поклон нашим уютным квартирам и выступили по маршруту, указанному в радиограмме.

Вслед за нами двинулись в путь и последние жители Конинска. Лишившись нашей опеки, они перебрались в Маневичи.

Мы шли по земле, истерзанной войной. Буйная волынская весна убрала землю зеленью трав и озимых, желтизной калужниц, белизной маргариток. Однако сожженные деревни, опустошенные местечки, свежие могилы нельзя было сирятать. Обработанные поля ожили. Можно замучить человека, землю — труднее. Можно замучить великое множество людей, но всех никогда не удастся. Они выходили на поля, пахали, бороновали, сеяли. Повторялась извечная мистерия веры в будущее. Но какие это были люди! Бледные, изможденные. Женщины, старики. Молодежь исчезла из деревни. Часть вывезли в Германию, часть погибла во время оккупации, остальные с оружием в руках боролись; одни воевали за справедливость в рядах Советской Армии, другие — обманутые, слепые — пристали к бандеровским бандам и воевали за чуждые им интересы. Было солнечно и тепло, звонко пели птицы, монотонно жужжали насекомые, но ничто не могло заглушить свиста пули. Война цеплялась за эту расцветающую землю: захватчики отступали, а брат продолжал убивать брата...

Колонна подошла к железной дороге. Здесь следы войны представили перед нами в грозном виде и... вызвали чувство удовлетворения. Вдоль железнодорожной насыпи лежали обломки разбитых паровозов, вагонов. Тут и там зарылись в землю исковерканные «тигры» и «пантеры», торчали стволы орудий, громоздились оставы автомобилей. В оврагах валялись заржавевшие патроны, испорченные винтовки, автоматы, истлевшие мундиры гитлеровских вояк. Все это было делом наших рук. Оказывается, уничтожили мы немало.

Впервые нам представился случай увидеть собственными глазами плоды наших усилий. Ведь обычно наши операции проводились под покровом ночи, и у нас, естественно, не было возможности радоваться их результатам.

После нескольких дней марша мы достигли места назначения — Жешуцка. Эту красивую деревушку, расположенную среди лесов, война почти не тронула. Когда мы остановились на привал на ее окраине и осмотрелись, нам показалось, будто мы видим что-то необычное. Ни-

чего не поделаешь, наши глаза отвыкли видеть мирный пейзаж, а деревня была именно мирной. Старая, нетронутая украинская деревня. Особую красоту придавали ей буйные, зеленые луга и спокойно текущая река Горынь.

«Сейчас весна, — думал я, — тепло, рядом чудесный лес, река. Чем не место для лагеря?» Так я и распорядился. Бойцы тотчас же приступили к сооружению плацдармного городка, полевых кухонь, умывальников. Не забыли мы и о маскировке, хотя немецкие самолеты появлялись не так часто, как прежде.

Передав временно командование бригадой Левецкому и Рыковскому, я подобрал конную охрану и тронулся в Ровно.

По прибытии в город я сразу же направился в комитет партии. Меня принял генерал Бегма. Мы сердечно поздоровались и тут же перешли к делу.

— Почему нас вернули? — спросил я.

Бегма усмехнулся, поднял телефонную трубку и попросил с кем-то его соединить.

— Так, — сказал он, кладя трубку на рычажок. — Не терпится вам в бой. А я вот сижу в кабинете, а чувствую себя как на фронте. Чего стоит восстановление полностью истребленной администрации района, сколько сил надо положить, чтобы нормально работал транспорт, от чего зависит бесперебойность снабжения фронта, не говорю о многих других неотложных делах. А люди, брат, продолжают гибнуть...

Я знал, что бандеровские банды доставляли немало неприятностей местным советским властям, но сейчас никак не мог сосредоточиться на сетованиях Бегмы. Меня сейчас заботило другое: что будет с моей бригадой? Почему Бегма так долго не говорит о своих планах? Кого он вызвал по телефону? Кого мы дожидаемся?

Наконец этот человек появился. На вид молодой, худощавый, приятной внешности, в форме полковника Войска Польского. Он поздоровался с Бегмой, потом повернулся ко мне.

— Здравствуйте, товарищ Макс, — произнес полковник, приветливо улыбнувшись. — Рад, что наконец могу с вами познакомиться... Притыцкий, — представился он и пожал мне руку.

Бегма пригласил нас к столу, усадил в удобные кресла. Я стал приглядываться к полковнику. Фамилия его

показалась мне знакомой. Может быть, я о нем где-то читал? Так и есть! Ну конечно, читал! До войны... В газетах тридцать шестого года, возможно, тридцать седьмого... Судебная расправа над коммунистами в Вильно... Дает показания провокатор из польской охранки. Кто-то из зала стреляет. Шпик падает замертво...

— Погодите, погодите, — прервал я полковника. — Вы когда-нибудь были в Вильно?

— Да, — ответил он с некоторым удивлением.

— Вы имели какое-то отношение к процессу против коммунистов?

— Да.

Я попросил полковника рассказать коротко свою биографию. Притыцкий согласился.

Действительно, это он застрелил провокатора, когда тот давал показания. Этот негодяй стал членом Коммунистической партии Западной Белоруссии, а потом предавал, кого только мог.

Притыцкий не обольщал себя надеждой, что уцелеет после расправы с провокатором. Его схватили в зале суда и вскоре приговорили к смертной казни. Приговор вызвал бурю протестов в рабочих и прогрессивных организациях во всей Польше, и казнь ему заменили пожизненным заключением. Спустя два года Притыцкому удалось вырваться на свободу. Когда части Красной Армии вступили в Западную Белоруссию, он опять ушел в партийную работу. Его избрали депутатом Верховного Совета СССР. В 1941 году Притыцкий вступил в Красную Армию, где служил политкомиссаром на разных участках фронта. Позже, когда в Советском Союзе возникло Войско Польское, его прикомандировали к Первой армии.

— Исповедался, — закончил он улыбаясь. — Других грехов за собой не помню.

Извинившись за свое любопытство, я поблагодарил полковника и сказал, что очень рад нашему знакомству. Бегма тоже признался, что слушал Притыцкого с большим удовольствием.

— Ну ладно, — оборвал его Притыцкий с притворной резкостью, скрывая волнение. — Приступим теперь к делу... Так вот, товарищ Макс, с данного момента ваша бригада поступает в распоряжение Польского партизанского штаба. Вас это устраивает?

— Конечно, — ответил я, не скрывая удивления. — Хотя, признаюсь, слышу об этом впервые.

— Не удивительно, — согласился Притыцкий. — Польский партизанский штаб возник недавно. Полагаю, вам интересно будет узнать некоторые подробности. Хотим объединить все части и группы польских партизан. И в какой-то мере отобрать хлеб у Украинского партизанского штаба, — усмехнулся он и взглянул на Бегму.

— На здоровье, — весело проговорил Бегма.

— Благодарю, — отозвался полковник. — Штаб расположился здесь, на Волыни, в имении Шпанув. Начальником штаба назначен заместитель командующего Первой армией Войска Польского генерал Завадский. Я — заместитель начальника штаба и от его имени прибыл на встречу с вами.

— Я в вашем распоряжении, товарищ полковник, — сказал я, вставая.

Мы попрощались с Бегмой и покинули здание комитета партии.

— О ваших новых задачах поговорим позже, согласны? — предложил Притыцкий, когда мы остановились у его «виллиса».

— Согласен. Не хотите ли посмотреть подчиненное вам подразделение? — предложил я.

— С удовольствием. Садитесь, поедем вместе.

Я поручил бойцам из охраны позаботиться о моем коне, сел рядом с Притыцким, и «виллис» тронулся, за-прыгнул на ухабах.

Я стал делиться с полковником мыслями о будущем бригады. В ближайшее время возможность непосредственного участия в борьбе с врагом отпадала. Но то, что делом польских партизан наконец-то занялась польская военная организация, само по себе уже было положительным фактом. А если уж она занялась, то, возможно, как раз с целью упорядочить организацию помощи движению Сопротивления в стране. Значит, переход через линию фронта и впредь останется главной задачей нашей бригады. Лишь бы в штабе не мудрили слишком долго. Притыцкий успокоил меня, сказав, что никто не собирается устраивать для нас мирной жизни с удобствами.

— Договоримся, разработаем вместе подробный план действий — и айда! — закончил он.

По приезде в наш лагерь под Жешувцом я тотчас же сообщил партизанам о произошедших организационных переменах. Бойцы были довольны. Как и я, они надеялись, что бригада не застрянет здесь надолго.

Несколько дней спустя Притыцкий, Боркович и я доехали на «виллисе» сначала до Киверец, а оттуда отправились на юг. Вокруг все знакомо. Вот леса, исхоженные нами вдоль и поперек. Вот дороги, где мы перехватывали немецкие обозы с продовольствием... А там, дальше, Пшебраже — польская деревня, прославившаяся своей замечательно организованной самообороной. Месяца два назад мы собирали здесь нашу бригаду «Грюнвальд».

— Куда вы меня везете? — спросил я товарищей.
— В Хопнев.
— Зачем в Хопнев?
— В штаб Первой армии.
— Вот что! Честь, прямо скажем, немалая.
— Несомненно, — согласился Притыцкий. — Конференция на высшем уровне. Генеральском.
— Фью, фью! — невольно свистнул я. — Скажите мне, бедному дикарю, церемониал там обязателен?
— Конечно! — Притыцкий улыбнулся и с размаху хлопнул ладонью по моему колену. — Перед Завадским надо стать на колени, а перед Берлингом пасть ниц.
— А кто этого не умеет, может просто сесть, — добавил Боркович.
— Если так, — я с облегчением вздохнул, — то как-нибудь справлюсь.
— Будем за вас молиться, — рассмеялся Притыцкий.
— Спасибо, — ответил я с притворной серьезностью. — На всякий случай малость причешусь. Плохо вот только нет зеркальца.
— А может и лучше... — негромко проворчал Боркович и отвернулся.

Я повел плечами, не видя причин обижаться. Борковича я считал другом. Он был одним из первых польских офицеров, с которым я познакомился после освобождения. Он приехал тогда в Ровно с Ежи Путраментом. «Казаки! — подумал я. — Сидят себе в штабе, вот и могут блестеть и пахнуть. У нас в бригаде некоторые парни и сапог не имеют...»

В Хопневе, прежде чем доложить о себе в штабе, я с любопытством осмотрел лагерь. Впервые мне представился случай соприкоснуться с регулярным народным Войском Польским. В разных местах шли строевые и учебные занятия. В шеренгах я видел семнадцатилетних мальчишек рядом с сорокапятилетними «стариками». Безусые юнцы старались ни в чем не отставать от видавших виды солдат. И форма на всех одинаковая, как положено. Приятно было смотреть на них, радостно, и чуточку даже зависть брала. Я соврал бы, если бы не признался в этом чувстве.

По-видимому, солдаты узнали, что в лагере появился какой-то партизанский командир, потому что вскоре меня окружили доброжелательно настроенные люди. Мы приглядывались друг к другу с одинаковым любопытством. Я расспрашивал солдат об их военных делах, а они меня о наших, партизанских. Я не мог совладать с волнением, слушая речь собеседников; в их словах звучали оттенки диалектов чуть не всех уголков Польши. Рядом с «громовым» силезцем, возле варшавянина с митинговым лексиконом, стояли солдаты, говорившие на очень чистом польском языке девятнадцатого века. Лишь позже я сделал открытие: это были потомки повстанцев, сосланных в свое время царизмом в Сибирь, люди, сохранившие в чистоте язык отцов и дедов.

Я с удовольствием остался бы подольше среди бойцов, но надо было идти к генералу Завадскому. Один из солдат проводил меня до избы, в которой остановился заместитель командующего Первой армией.

Я вошел и доложил о себе. Из-за заваленного картами стола поднялся худощавый мужчина с гладко зачесанными белокурыми волосами. Он подошел ко мне и протянул руку.

— Значит, так выглядит Макс? Знаменитый Макс? — проговорил он, разглядывая меня внимательными, живыми глазами.

— Так точно! — ответил я смущенно.

— Завадский, — представился генерал.

Он предложил мне сесть. Глядя на его открытое лицо, я постепенно стал успокаиваться. Генерал задал несколько вопросов, касающихся моего происхождения, ловоенской работы, партизанских дел. Мои ответы он слушал с заметным интересом. Когда я заговорил об

участии польского народа в борьбе с гитлеровскими захватчиками, заинтересованность генерала возросла еще больше.

— Все это очень важно и свидетельствует о том, что даже в труднейших условиях польский народ не покорился завоевателям. Где бы ни приходилось быть поляку в годы войны — на родине, на востоке, на западе, — он везде активно участвовал в борьбе с фашизмом. И заметьте: коммунисты всегда шли в первых рядах...

Затем я рассказал генералу, что в нашей группировке всегда царил дух интернационализма, что бригада им. М. В. Фрунзе была интернациональной.

— А главное, — подчеркнул я, — одно неоспоримо: немногого достигли бы мы, действуя в одиночку. Поэтому мы пошли на тесное, подлинно братское сотрудничество с советскими партизанами.

Товарищ Завадский в знак одобрения кивнул.

— Думаю, — заметил он, — это дало эффект не только военный. Это была одновременно и отличная пропагандистская работа, ломавшая у наших земляков все и всяческие предубеждения в отношении Советского Союза, а их, увы, накопилось немало...

Завадский посмотрел в окно, за которым белели цветущие яблони.

— Это для нас важно, — досказал он свою мысль, слегка наклонившись в мою сторону, — и сейчас, и в дальнейшем. Именно это. Ну а теперь поговорим о том, что нам предстоит сделать за линией фронта, на еще не освобожденной территории.

Завадский вкратце пояснил цели, для осуществления которых создан Польский партизанский штаб. Я узнал, что Бюро польских коммунистов, возглавляемое Александром Завадским, обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить создание на территории СССР распорядительного центра, который стал бы основным организатором помощи сражающейся Польше. Советское правительство поддержало эту инициативу. Вначале в Первой армии возник специальный штурмовой батальон, предназначавшийся для подготовки диверсионных групп, которые должны были действовать в оккупированных районах Польши. Позже, когда стало известно, что на территории освобожденной Волыни во время оккупации действовали сильные отряды польских

партизан, не только боровшиеся с гитлеровскими захватчиками, но и выступавшие за тесное сотрудничество с Советским Союзом, решено было опереться прежде всего на эти отряды. Они представляли собой испытанную силу, были подготовлены для борьбы во вражеском тылу. Их следовало подчинить единому командованию. Такую руководящую роль и был призван выполнять Польский партизанский штаб.

Надо ли говорить, как привлекла меня эта идея. И прежде всего потому, что она явилась проявлением официального признания той борьбы, которую мы вели с оккупантами, и выражением доверия. А доверие — это основа всякой справедливой деятельности...

Я смотрел на спокойное лицо генерала и с предельным вниманием слушал его.

Завадский говорил о пропагандистских задачах бригады, подчеркивая их важность.

— Вооруженная борьба в тылу врага не перестает быть вашей целью. Но параллельно возникает еще одна: сискать доверие населения к идеям и лозунгам, проповеданным ППР и Бюро польских коммунистов, доверие к Красной Армии, с которой плечом к плечу борется стотысячная польская армия. Вы будете как бы одним из авангардов Войска Польского, его олицетворением, символом...

Беседа затянулась. Генерал потер усталые глаза. Внимательно посмотрел на меня:

— А вам, пожалуй, можно побриться.

В ответ я пробормотал что-то невнятное.

Генерал сказал:

— Вы, майор, уже только наполовину партизан. Теперь вы в какой-то степени и представитель регулярных войск. Вам еще необходимо представиться командующему армией генералу Берлингу. А тот очень не любит обросших офицеров. Уверяет, что это признак неряшливости.

— Ясно, — ответил я. — Немедленно иду к парикмахеру.

— А деньги у вас есть?

— Деньги? — с удивлением переспросил я. — Зачем они мне?

Генерал рассмеялся.

— Вот так и получается, — пояснил он, продолжая смеяться, — что у парикмахеров возникает непреодолимое отвращение к бритью за «бог заплатит».

«Да, — подумал я, — здесь уже цивилизованный мир в полном смысле этого слова!»

От денег мы отвыкли. Нужное для жизни мы отбивали у врага. В дружественных деревнях допускали меновую торговлю — товар за товар. Не припомню, имел ли я в те времена больше того, что носил на спине. Однажды, правда, в рукопашной схватке с немецким офицером я добыл превосходный пистолет «зазур»...

Генерал открыл портфель, достал несколько рублевых бумажек и протянул их мне.

— Прошу вас, возьмите на мелкие расходы. После войны рассчитаемся... К сожалению, жалованья платить вам не могу. Вы не значитесь в наших платежных ведомостях.

Я поблагодарил генерала, а про себя подумал: «Когда нужно драться с врагом, никто не спрашивает тебя, значится ли твоя фамилия в платежной ведомости. Нельзя же все время рассчитывать на отзывчивое сердце генерала». А Завадский оказался парнем хоть куда. В общем, он не дал мне долго пребывать в состоянии уныния.

От парикмахера я вышел совсем другим человеком. Теперь можно было смело идти к командующему армией.

Генерал Берлинг принял меня доброжелательно и попросил, чтобы я вначале рассказал немного о себе. Выслушав мою исповедь, генерал заметил:

— Хорошо. Уверен, что вы успешно справитесь и с новыми задачами.

Командующий изложил их в общих чертах. Они заключались в том, чтобы после выхода в глубокий тыл врага уничтожать его живую силу и технику, активно действовать на коммуникациях, устанавливать тесное сотрудничество с населением, пропагандировать польско-советский союз. Из слов генерала я понял, что пока еще не пришло время для разработки более детального плана боевых действий нашей бригады. Вполне возможно, что такого плана пока не существовало.

НОВЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Итак, наша бригада перешла в подчинение нового командования. Как обычно бывает в подобных случаях, поначалу случалось множество недоразумений и даже забавных происшествий. Полагаю, что основная причина этого коренилась в том, что нашим партизанам, привыкшим к относительной свободе, нелегко было сразу приспособиться к уставным армейским порядкам.

Началось с того, что генерал Завадский командировал в бригаду поручника Юзефа Краковского для ведения политической работы. Сейчас не имеет смысла подробно анализировать итоги нашего сотрудничества, которое оказалось коротким, но поучительным. Достаточно сказать, что мы не смогли найти общего языка.

Эта первая неудача меня не обескуражила. Я продолжал искать новых людей в Первой армии, в основном в штурмовом батальоне, стоявшем в Житыне. Знакомство и дружеские отношения с такими людьми, как командир батальона майор Торуньчик, майор Эугениуш Шир, капитан Рубинштейн, капитан Шлейен, поручник Краузе, не могли не оказать на меня благотворного влияния.

Готовясь к будущим действиям, мы должны были сотрудничать именно со штурмовым батальоном, поэтому я договорился с майором Торуньчиком, что он возьмет к себе на обучение двадцать бойцов нашей бригады.

Следует сказать, что после подчинения бригады новому командованию в системе ее обеспечения никаких изменений не произошло. Поэтому главной заботой для меня по-прежнему оставалось питание. Партизаны с видным терпением переносили всякого рода невзгоды и проходили повторное обучение. Я уважал их выдержку, стойкость и делал все, что было в моих силах, чтобы обеспечить бойцам хотя бы минимальный продовольственный паек. Нам приходилось впредь пользоваться разрешением Бегмы добывать продукты в деревнях, сотрудничающих с бандеровцами. Труднее всего было с солью, и я даже побаивался, что из-за постоянной нехватки соли люди вконец разболеются. К тому же и речи пока не было о конкретных для нас заданиях.

Как-то, потеряв терпение, я в сопровождении нескольких разведчиков отправился в Польский партизан-

ский штаб. Размещался он в Шпануве, в бывшей резиденции одного из князей Радзивиллов. В красивом старом парке стоял особняк в стиле ренессанс. В нем-то и находился штаб.

Первым, кого я встретил, был капитан Антоний Альстер, офицер, политработник штаба. Я рассказал ему о своих заботах.

Но помочь мне он ничем не мог. Тогда я обратился к полковнику Притыцкому. Ведь он как-никак был заместителем начальника штаба.

Мы уединились в парке, удобно устроившись на зеленой траве. Я начал с обычного «что слышно?». К моему удивлению, вопрос оказался не таким уж праздным. Притыцкий сообщил мне, что первоначальный вариант перехода нашей бригадой линии фронта отменен.

— Вы шутите, товарищ полковник! — Я вскочил на ноги и посмотрел на Притыцкого с явным недоверием.

— Не шучу, — спокойно ответил он. — Думаем перебросить вас по воздуху.

Я с облегчением вздохнул.

— Надеюсь, нам не придется прыгать? — спросил я.

— А почему бы и нет, — ответил Притыцкий. — Именно так и будет.

— Но, товарищ полковник! Ведь бойцы бригады не только никогда не прыгали с парашютом, но даже не летали. А некоторые вообще не видели самолета вблизи.

— Во-первых, — сказал полковник, — не думаю, что в этой операции примут участие все ваши люди. Во-вторых, вероятнее всего, дело не обойдется без обучения прыжкам с парашютом.

— Замечательно! — обрадовался я. — Но когда?

Притыцкий пристально посмотрел на меня:

— Что, уже не терпится?

— Ну конечно! — подтвердил я. — Какой толк торчать здесь до бесконечности? Люди рвутся в бой.

— Понимаю!.. — Притыцкий помолчал. — Боюсь, что придется немножко подождать.

— Мне кажется, — возразил я в тон ему, — что вы все тут в штабе уж очень любите выжидать.

Полковник кусал травинку и наблюдал за муравейником. Казалось, он целиком был поглощен тем, что там творится.

— Возможно, — признался он, — что в какой-то степени вы правы... Но нужно подготовить все как следует.

Разумеется, подготовка необходима, и притом тщательная. Но я понимал, что дело пошло бы быстрее, если бы самому штабу не приходилось испытывать трудности. Например, терять время на согласование множества вопросов в вышестоящих инстанциях, как советских, так и польских. Я не стал продолжать разговор на эту тему и рассказал о цели своего приезда.

— Надо бы в конце концов решить мой вопрос, — закончил я.

Притыцкий беспомощно развел руками и сказал, что не в состоянии что-либо сделать, ибо интендантство работает в соответствии с железными правилами военного времени. Полковник заверил, что рад бы помочь нам, но в этом деле даже его вмешательство ничего не даст.

Вдруг мое внимание привлекло небольшое стадо, которое паслось невдалеке, между запущенными, заросшими травой цветочными клумбами.

— Чье? — спросил я Притыцкого.

— Наше, — ответил полковник. — Продовольственный резерв штаба.

— Гм, — буркнул я многозначительно. — А вы не поделились бы с нами?

Притыцкий снова развел руками, демонстрируя свою беспомощность.

— Никуда не денешься. Во всем приходится отчитываться. Если бы вы числились у нас на продовольственном учете...

Эти слова я слышал не раз.

Мы вернулись в штаб. Здесь Притыцкий поймал одного из офицеров интендантской службы и предложил приступить к менее формальным переговорам. Напрасный труд: интендант был несгибаем, как телеграфный столб. «Черт с вами, — подумал я, — на коленях умолять не буду». Притыцкий искренне огорчился.

— Клянусь вам, если бы от меня зависело, вы получили бы несколько голов...

— Ничего, — сказал я спокойно, — как-нибудь вывернемся. Привет!

Сопровождавших меня разведчиков я нашел в конце парка. Они болтали с солдатами из охраны штаба.

— Хлопцы, — обратился я к ним, когда все уже сидели в седлах, а солдаты охраны отошли прочь. — Хорошенько присмотритесь к тем изящным творениям в парке. Хороши?

Ребята понимающие переглянулись.

— Да-да, — ответил один из них.

— Как по-вашему, неплохое жаркое из них получится?

— Да-да, — согласился парень.

— Знаете расстановку караулов?

— Конечно. Даже ночью...

— Вот и все. Но только — молчать.

— Так точно! — крикнули все разом.

Я мог на них положиться. Партизаны не такие дела делали! Покидали мы Шпанув в отличном настроении.

На другой день с раннего утра в лагере царило необычное оживление. Каждый батальон занялся освежеванием полученного. Стадо наконец сменило хозяина.

Задымили кухни. По лагерю распространился волнующий аромат. Повара трудились не покладая рук: давно у них не было работы! Партизаны вертелись у котлов: их манил дразнящий запах вареного мяса.

Около полудня перед моей квартирой, скрипнув тормозами, остановился штабной «виллис». Из него выскочили несколько офицеров, в том числе и тот интендант, с которым накануне Притыцкий познакомил меня в Шпануве.

— По указанию начальника штаба я обязан произвести в лагере осмотр, — доложил интендант.

— Пожалуйста, — ответил я с улыбкой.

Внешне интендант остался сдержанным, но я мог поклясться, что внутри у него все кипело от бешенства. Да это и не удивительно: я бы сам взбесился, если бы у меня из-под носа с подобной наглостью увели такую аппетитную шкварку.

Я проводил гостя в лагерь.

— Что-нибудь случилось? — спросил я его таким голосом, будто ничего не случилось.

— Вам лучше знать. Разрешите заглянуть на кухню.

— Окажите милость, прошу, — с готовностью согласился я.

На кухне было шумно. Повар достал внушительных

размеров кусок сваренного мяса и, ловко орудуя длинным, как сабля, ножом, стал резать его на равные порции. Ароматный запах приятно щекотал ноздри.

— Свежее мясо, — заметил офицер.

— Свеженькое, — подтвердил я.

— Откуда получили?

— Божьей помощью.

— Издеваетесь!

Я посмотрел на интенданта и сделал обиженное лицо.

Офицер повернулся к повару:

— Откуда получил мясо?

Повар поднял голову. Лицо его было в крупных каплях пота. Он посмотрел внимательно на офицера, бросил осторожный взгляд в мою сторону и ответил:

— По распределению. Откуда же еще?

— По какому такому распределению?

Повар шмыгнул носом, и мне показалось, что он смотрит на интенданта с некоторым сочувствием.

— Эх! — выдохнул он и с размаху всадил нож в кусок мяса. — Не мое это дело.

Офицер промолчал. Потом попросил меня показать следующую кухню.

В третьем батальоне раздача пищи закончилась. Бойцы уселись под деревьями и с волчьим аппетитом ели поваристый суп и уплетали увесистые куски мяса. Офицер подошел к ним и задал тот же вопрос. Все посмотрели на него, как на заморское чудо.

— Откуда, говорите, взялось мясо? — спросил один партизан. — Забивают бычка, снимают с него шкуру, потрошат, остальное бросают в котел. Вот и все.

— А откуда берутся бычки? — упорствовал офицер.

— Так вы не знаете откуда? Сперва приводят к корове быка-производителя, потом у коровы начинает расти брюхо, потом...

— Да чего там! — запротестовал другой. — Аист приносит бычков, как детей...

Бойцы подняли головы от котелков и зашлись смехом.

Я отвел интенданта в сторону.

— Почему вас так интересует наше продовольственное снабжение? — спросил я, прикинувшись панически простачком. — Не заговорила ли в вас совесть после моего вчерашнего разговора с вами?

Офицер сощурил глаза. Сжал кулаки. Краска гнева залила его лицо.

— Это скандал! — зашипел он. — Невероятный скандал!

— Что? — Я наклонил голову и злорадно посмотрел на него. — То, что мои люди могут наконец поесть?

— Постыдились бы! — вспылил он. — Это разбой! Вы должны немедленно вернуть стадо!

— О каком стаде вы говорите?

— Как это о каком? О том самом, которое вы ночью угнали!

— Угнали?!

— Хватит! — крикнул офицер. — Не прикидывайтесь невинным младенцем. Было у нас вчера стадо коров? Бросали вы на него алчные взгляды, жалуясь, что народ у вас оголодал? Сегодня стада в Шпануве нет. Зато вы, как дикари, пожираете свеженькую говядину. Что говорит логика?

— Логика говорит, — ответил я спокойно, — что ваши рассуждения правильны, но в то же время бесполезны. Знаете, говорят: не пойман — не вор. Так вот, советую вам выбирать выражения!

Интендант негодовал еще некоторое время, взывая к моей совести, пугал генералом Завадским. Убедившись, что я непреклонен, он, вконец измученный, сменил тон и почти плачущим голосом взмолился:

— У нас дела тоже не лучше. Хотя бы половину стада вернули.

— Мне нечего возвращать, — отрезал я.

— Тогда хотя бы отдайте шкуры, чтобы было чем отчитаться.

Я готов был пойти на уступки, но, вспомнив его жестокость, проявленную накануне, попросил оставить меня в покое, ибо о его коровах мне ничего не известно... Только позже я понял, какую совершил бы ошибку, если бы пожалел его. Это было бы равносильно признанию в краже, что, в свою очередь, привело бы ко всякого рода неприятным последствиям. С формальной стороны мои действия заслуживали наказания, но тогда я считал, что совесть моя была чиста.

Как я и ожидал, генерал Завадский вскоре намылил мне голову за эту дерзкую операцию. Я упорно настаивал на своей непричастности. И поскольку доказа-

тельств моей вины раздобыть не удалось, нагоняй был не слишком суровым и не слишком огорчительным для меня. У меня сложилось впечатление, что начальник партизанского штаба отчитывал меня для очистки совести и в глубине души не был на меня в обиде. В довершение всего он выразил желание встретиться с бойцами бригады «Грюнвальд». Я искренне обрадовался. Во-первых, это подняло бы еще больше моральный дух бригады, а во-вторых, дало бы генералу возможность на месте изучить наши нужды.

Несколько дней спустя Завадский появился у нас в лагере. Я приказал собрать бригаду. Генерал приветствовал партизан. Мне показалось, что он взволнован. Мы стояли перед строем бойцов, внешний вид которых мог вызвать самые противоречивые чувства. Лично я только в этот момент понял одну пренеприятную истину: вот эта самая бригада, с чьей славой, боевым духом и подготовкой я носился как павлин, выглядит бандой оборванцев. На одних — штатская одежда, на других — польская форма, на третьих — немецкая. И все в лохмотьях. А на ногах что.. Кто в лаптях, а кто совсем босиком... Никогда еще внешний вид моих людей не потрясал меня так сильно, как в присутствии генерала Завадского. В период нелегкой партизанской борьбы с оккупантами я никогда не задумывался над этим. Наша нищета была нормальным явлением. Теперь же, когда мы вплотную соприкоснулись с регулярным, хорошо обмундированным войском, пренебрежительное отношение к партизанской бригаде показалось мне досадным недоразумением. Я смотрел на этих застывших в напряжении гордых боярек и думал: кто заставляет их переносить все это? Вернее, что? Видно, только великое дело способно возвысить человеческое достоинство над голодом, холодом и лохмотьями.

Генерал Завадский медленно шел вдоль строя. Вглядывался в лица молодых и убеленных сединой партизан. Останавливался. Беседовал. Скорее как отец, чем как генерал. Расспрашивал то одного, то другого: откуда родом, кто по профессии, о судьбе семьи. Бойцы охотно отвечали, пересыпая свои рассказы шутками. Только отбывшие в свое время срочную военную службу заметно волновались: как-никак, а перед ними генерал!

Потом Завадский немного отступил назад — и через минуту мы уже стояли в тесном кругу бойцов.

— Слушайте, — начал генерал. — Мне хотелось бы поговорить с вами о том, что ждет вас впереди. Буду очень рад, если мои слова помогут вам уяснить место каждого из вас и всей бригады в той борьбе, которую мы ведем с ненавистным врагом.

Вначале Завадский коротко рассказал о положении на фронтах и, конечно, не забыл сказать, что Советская Армия, а вместе с ней народное Войско Польское уже освобождают нашу родную землю.

— Это нужно иметь в виду, — подчеркнул генерал, — при оценке военной и политической обстановки. Война выиграна, но не закончена. Немцы яростно обороняются, и немало еще прольется крови, прежде чем Польша будет полностью освобождена.

Генерал говорил с чувством. Партизаны внимательно слушали его.

— Идет смертельная схватка, — продолжал Завадский, — с самым жестоким врагом не только Польши, но и всего человечества — фашизмом. Где место всех честных людей? Где место поляков в этой борьбе? Вряд ли надо вам объяснять это. Вы его уже нашли. Оно — в рядах борющихся. Но, сражаясь за Польшу, каждый должен задать себе вопрос: за какую Польшу? Каждый польский патриот ответит: мы сражаемся за новую Польшу, Польшу социальной справедливости, Польшу людей труда. Какие дороги ведут в эту Польшу? С кем идти? Вместе с реакционным польским эмигрантским правительством, сидящим в Лондоне, и генералом Андерсоном или плечом к плечу с теми, кто предложил нам братскую помощь, а именно с Советской Армией? Ответ на этот вопрос может быть только один: мы пойдем вместе с теми, кто под Сталинградом нанес смертельный удар фашистскому зверю, кто сегодня освобождает нашу землю и кто является символом прогресса и социализма.

Затем генерал Завадский рассказал, как создавалась Первая армия, ставшая не только сильным боевым объединением, но и школой патриотизма, о возникшей в стране Польской рабочей партии, которая ведет огромную работу, направленную на сплочение народа и

организацию его вооруженных сил для борьбы с ненавистным оккупантом.

— Наши совместные усилия, — сказал он, — должны привести к победе над фашизмом и созданию подлинно демократического государства.

Я с восхищением смотрел на этого невысокого человека, и мне невольно вспомнилось его прошлое. Именно этому прошлому он был обязан силой своих убеждений и даром убеждать других. До войны он, деятель рабочего движения, член Коммунистической партии Польши, не раз сидел в тюрьмах. Позднее он один из организаторов Союза польских патриотов и Войска Польского на территории Советского Союза.

— Знайте, — продолжал товарищ Завадский, перейдя к вопросам, касающимся нас, — мы испытываем гордость от всего того, что вы совершили в годы оккупации. Мы преисполнены глубоким уважением к вам и благодарностью. Знаю, как трудно было в то страшное время взяться за оружие и направить его против сильного, вооруженного до зубов врага. Знаю, в каких трудных условиях пришлось вам вести борьбу. Мы высоко ценим сам факт организации отпора оккупантам в тот момент, когда многим казалось, что закованная в сталь армия Гитлера непобедима. Своим примером вы показали, что нельзя терять надежды, а надо верить в то, что военная авантюра фашистов окончится поражением, и нужно делать все, чтобы приблизить час нашей победы. И вы приблизили этот час, товарищи партизаны...

Товарищ Завадский сделал минутную паузу, словно предоставляя нам возможность порадоваться искреннему признанию наших дел.

— Но это еще не конец, — вновь обратился генерал к партизанам. — Борьба с захватчиками продолжается. Очень скоро часть из вас снова окажется в тылу врага. Верю, что и на этот раз вы достойно выполните свой солдатский долг. Вы становитесь авангардом Первой армии Войска Польского и будете действовать от ее имени. Ваша цель — не только вооруженная партизанская борьба. Вам придется также вести разъяснительную работу. Нужно, чтобы все большее число людей в Польше знало, что плечом к плечу с Советской Армией, которая освобождает польскую землю из-под гнета оккупантов, сражается более чем стотысячная польская

армия. Это армия, рожденная дружбой с нашим восточным братом — Советским Союзом, армия, которая на своих штыках несет свободу, справедливость и единство народа. Нам нужна Польша новая, народная, рабоче-крестьянская. Но находятся люди, которые не хотят этого. Их представляет польское эмигрантское правительство в Лондоне, которое располагает сильными боевыми организациями. Они уже сегодня готовы развернуть борьбу с нами, с Польской рабочей партией — выразительницей интересов трудового народа, с Армией Людовой. Они готовы начать братоубийственную борьбу. Это была бы страшная борьба... А ведь наша первейшая задача — изгнание из пределов Польши оккупантов. И чем быстрее, тем лучше. Желаю этого и вам, и себе...

Разумеется, я лишь коротко изложил то, о чем говорил генерал Завадский. Однако самое главное запомнил. Беседа с Завадским дала богатую пищу для разговоров. После отъезда начальника партизанского штаба я вдосталь наслушался этих разговоров и пришел к выводу, что его визит был очень полезным. И бойцам, и прежде всего мне самому. Завадский многое разъяснил мне, дал советы нашему политическому активу.

Вскоре в наше распоряжение прибыло несколько офицеров Первой армии. Они должны были помочь нам в политической работе. Подпоручник Ян Пухала пришел на должность заместителя командира бригады по политчасти, Ян Шевчик и Адам Корнецкий — на должности заместителей командиров батальонов. Все трое несколько лет находились вдали от родины (до вступления в Перву армию они жили в Советском Союзе), поэтому плохо ориентировались в неразберихе, которая создалась в оккупированных районах. Один лишь Шевчик быстро нашел себя и снискал доверие и уважение наших партизан.

К тому времени политическая работа в бригаде широко развернулась.

Успехи эти стали предвестниками дальнейших, значительных перемен. Вскоре наша группировка как таковая перестала существовать. Ее расформировали из-за необходимости уменьшить численность группы, которую предстояло перебросить по воздуху на родину. Это означало для нас и конец наших мук: часть брига-

ды, готовившаяся к выброске, была взята на продовольственное снабжение партизанского штаба. Остальных людей зачислили в подразделения Первой армии.

Для выполнения задания в тылу врага осталось только сто бойцов. Из внушительной группировки, насчитывающей несколько сот человек, отобрали самых достойных. С этими можно было идти хоть на край света. Прежде чем мы отправились, а точнее полетели, нашу группу разделили на две. Обе должны были стать ядром новых партизанских бригад — «Грюнвальд-1» и «Грюнвальд-2», которые предстояло создать уже на месте. Я принял командование первой группой. Командиром второй назначили поручника Теодора Дуду, офицера-политработника Первой армии. Его заместителем стал бывший деятель рабочего движения из Краснystавского повята¹ поручник Юзеф Ковальский.

Поскольку предусматривалась одновременная переброска обеих групп через линию фронта, а также совместные боевые действия в тылу врага (по крайней мере до того момента, когда они станут полноценными партизанскими бригадами), мы держались вместе и находились в том же подчинении. Как я уже упоминал, прежде всего нас принял на продовольственное снабжение Польский партизанский штаб, а затем мы получили новое обмундирование. Больше всего партизаны радовались хромовым сапогам, шапкам-конфедераткам с пястовским орлом. Помимо перечисленного нам выдали новое оружие: каждый получил автомат, пистолет «ТТ», финский нож, четыре гранаты и тысячу штук патронов. Это было, так сказать, личное вооружение партизана. Кроме того, обе группы получили тридцать ручных пулеметов Дегтярева, десять противотанковых ружей, шесть минометов, запасное автоматическое оружие, достаточно большое количество боеприпасов и тонну тротила. Учитывая, что каждому бойцу выдали еще и вещевой мешок, две пары белья, индивидуальный пакет, а также консервы и сухари — трехдневный неприкосновенный запас, — могло показаться, что теперь-то мы подготовлены окончательно: осталось только собраться и лететь.

В действительности это была лишь приятная видимость. Когда мы немного поразмыслили, то быстро об-

¹ Повят — уезд, район.

наружили, что, во-первых, нам не хватает высококвалифицированных радиостов, во-вторых, у нас нет ни одного врача и, в-третьих, мы даже представления не имеем о прыжках с парашютом.

Не располагая необходимым количеством квалифицированных радиостов, мы обратились за помощью к советским товарищам. Нам прислали шесть человек. Это были не только замечательные специалисты, но и закаленные в боях партизаны. Так же, впрочем, мы вышли из положения и с медицинским персоналом: из Советской Армии к нам прибыли молодой врач капитан Корж и фельдшер Сова, полька по происхождению.

Несколько слов о женской проблеме. Я сталкивался с ней и раньше, когда партизанил на Волыни. Тогда девчата в общем вели себя как подобает. Их присутствие в отряде стало вполне естественным явлением. Но ведь в то время нам не приходилось выбирать: все, кто находился в партизанском лагере, должен был участвовать в боях. Сейчас возможность выбора не исключалась. Я не раз задумывался: а разумно ли подвергать женщин излишнему риску? Я даже пытался что-то предпринять в этом отношении. Но с самого начала у меня ничего не вышло. Как-то, после предварительного отбора, я собрал бойцов и зачитал фамилии тех, кому предстояло лететь за линию фронта. В этом списке отсутствовала фамилия одной из наших подрывниц — Ядзю-Юзека. Едва я закончил перекличку, как девушка выступила вперед и заявила: либо она полетит с нами, либо застрелится. В голосе ее звучала такая решимость, что я не осмелился не принять всерьез угрозу девушки. Ядзю-Юзека я знал хорошо: она не относилась к истеричкам, наоборот, в ее характере было больше мужских черт, она даже одевалась, как мужчина. Отсюда, между прочим, и пошло это ее двойное имя Ядзя-Юзек. Принеслось капитулировать. Уступив один раз, я должен был быть последовательным, по крайней мере в отношении еще нескольких женщин. И уж совсем неудобно было бы отказать присланным нам двум радиосткам и фельдшерице. Итак, наше «дамское отделение», как сказано выше, состояло из двух радиосток, фельдшерицы, офицера-политработника Янки Журек-Дудовой, подрывницы Ядвиги-Юзека, санитарки Ягудки, Валентины Лопко и моей жены, которая тоже была подрывницей. Правда,

я решил включить их в нашу группу с некоторыми колебаниями, но, к счастью, в дальнейшем о своем решении мне ни разу не пришлось пожалеть.

Итак, обе группы были наконец полностью укомплектованы, оставалось только пройти начальное обучение прыжкам с парашютом и... до свидания, земля! Увы, это случилось не так скоро, как нам хотелось. Подготовка сильно затянулась, и я даже стал подумывать, что мы, наверное, никогда не улетим. Партизаны начали высказывать недовольство, ворчать: не для того, мол, взялись за оружие, чтобы столько времени бездействовать.

И только в один из погожих июньских дней нашим ожиданиям пришел конец. Сначала предстояло принять торжественную присягу. Я взбунтовался. Столько лет мы боролись, думал я, но никому никогда не приходило в голову требовать от нас принятия присяги. Впрочем, я не уверен, что на мое отношение к этой процедуре не повлияла невыносимая жара. Разумеется, я не имел намерения демонстрировать свое недовольство.

Сразу же после принятия присяги мы должны были погрузиться на машины и отправиться на аэродром. И вот несколько грузовиков покатили в сторону Житомира по Волынскому шоссе. Нашему взору открылся необозримый пейзаж. Назад убегали желтеющие поля, зеленые островки садов и белые хаты под соломенными крышами. Волна теплого ветра убаюкивала, заставляла забыть все заботы. Она ошеломляла, пробуждала чувство грусти. Я не сразу понял причину этого состояния. Места, по которым мы проезжали, напомнили мне родные края. Деревенька у дороги чем-то была похожа на Пильяшковице. Но там еще враг...

Короткий отдых в Полонии оказался кстати: езда утомила ребят. На рынке, где остановились машины, кругом одни обломки да черные пепелища сожженных домов. Но уже через несколько минут откуда-то из погребов, из уцелевших улочек стали выползать исхудавшие жители: женщины, дети. Наше странное обмундирование вызывало у них недоумение.

— Кто такие? — спросила нас пожилая женщина.

Один из бойцов ответил по-украински, что мы поляки, солдаты Войска Польского.

Девушки, увидев, как весело смеются наши парни, тоже осмелились, подошли ближе. Пошептавшись между

собой, они принялись хохотать, прикрывая рот ладонями.

— Шо це за птица у вас на шапках? — спросила одна высокая, статная девчина.

Бойцы объяснили. Потом стали перебрасываться с девчатами шутками.

Короткий отдых кончился быстро. Партизанам никак не хотелось садиться в машину, но изчего не поделаешь: приказ есть приказ. Хлопцы посыпали девчатам с грузовиков воздушные поцелуи. Вскоре облако пыли, поднявшееся из-под колес, встало непроницаемой стеною между провожающими и нами.

Наконец мы добрались до цели. Это было большое колхозное село Варваровка, расположенное неподалеку от военного аэродрома. Здесь нам приказали разбить последний перед отлетом лагерь. Осмотрев село, мы и на этот раз решили, что целесообразнее отказаться от изб и сеновалов и поставить палатки в перелеске у восточной окраины Варваровки. Теплая погода благоприятствовала такому решению.

В НЕИЗВЕСТНОЕ

И снова потекли однообразные дни. Партизанский штаб пока еще не выбрал для нас место высадки.

С аэродрома к нам приехали на вездеходе два советских капитана. Один из них, летчик, прибыл по поручению командира полка, обслуживающего аэродром. Другой, капитан Пушкиов, представился в шутливой форме:

— Я ваш ухажер. Буду провожать вас в тыл врага.

Мне понравился этот невысокий, веселый парень с красивым интеллигентным лицом, живыми глазами и смешливым ртом. В отличие от многих офицеров прифронтовой полосы он был одет с иголочки. Но это не была напыщенная щеголеватость. Ее попросту не могло быть у капитана Пушкиова, человека непосредственного, доброжелательного. Мы быстро закончили официальную часть нашего разговора, и капитан направился к машине. На его груди в такт шагам позывали ордена и медали. Надо сказать, боевых наград у него было немало. Через минуту он вернулся, торжественно неся объемистую бутыль спирту. Вряд ли стоит

добавлять, что после этого мы прониклись друг к другу еще большей симпатией.

Я думал, что визит Пушкина означает скорое расставание с гостепримной житомирской землей. Но позднее выяснилось, что наш партизанский штаб в Шпануве все еще не мог решить, на каком из трех разработанных вариантов выброски нашей группы следует остановиться. Люблинское воеводство отпало сразу, потому что, по поступавшим оттуда донесениям, оно и без того было районом довольно интенсивного партизанского движения. Так же мало подходили для этой цели и Билгорайско-Любачевские леса, на границе Люблинского и Жешувского воеводств, так как здесь гитлеровцы сосредоточили крупные силы, а это грозило нашей группе немедленным уничтожением. Генерал Завадский отклонил также и вариант выброски в районе Кросно-Ясло. Оставался последний вариант, признанный наиболее приемлемым, — приземление за Вислой, на территории Келецкого воеводства.

С этим проектом Притыцкий прибыл в наш лагерь под Варваровкой.

— Конечно, — оговорился полковник, начав излагать этот план, — у него есть слабые стороны, а именно: полное отсутствие достоверных сведений об этом районе. Нам известно, что там действуют отряды Армии Людовой, но, вероятно, еще больше там аковских отрядов и, что хуже, энэсзетовских¹. Поэтому выброска будет сопряжена с большим риском, но, если она удастся, это может дать прекрасные результаты.

Я заметил, что о результатах говорить пока преждевременно, но верю, что наша группа действительно пригодится здесь больше, чем в любом другом месте, и было бы неплохо, если бы выброска прошла в относительно спокойной обстановке.

Притыцкий согласился со мной. В итоге мы единодушно решили, что правильнее было бы выслать сначала разведку, которая на месте выберет район приземления и сообщит нам об этом по радио. Всегда легче

¹ Реакционные вооруженные отряды НСЗ — Народове силы збройне (Национальные вооруженные силы) — были созданы польским Эмигрантским правительством для расправы с демократическими силами сопротивления. НСЗ сотрудничали с немецко-фашистскими захватчиками. — Прим. ред.

высадиться незаметно десяти бойцам, чем сотне. Перед группой разведчиков ставилась исключительно трудная и ответственная задача. У них не было никаких гарантий, что они опустятся в безлюдном месте, а не на головы гитлеровцев. Если бы им и удалось избежать встречи с последними, не следовало забывать и о свирепствовавших там отрядах польских фашистов НСЗ и об отрядах Армии Крайовой, которые не питали к нам особых симпатий. Лучше всего было бы встретиться с подразделениями Армии Людовой или Батальонов Хлопских¹, но об их местонахождении мы не имели ни малейшего представления. В случае успеха разведчикам предстояло, не теряя времени, подготовить в лесу относительно безопасную площадку для высадки всей группы. Здесь ни в коем случае нельзя было допустить промаха.

Мы сошлись на мысли, что в этой группе очень пригодились бы люди из тех мест. Начали искать их. Вскоре двоих нашли. Один из них, поручник Вацлав Добровольский, родом из Енджеевского повята, в межвоенный период учителяствовал на Волыни, в последний раз был на родине в тридцать девятом, поэтому не имел понятия, что там сейчас происходит. Ненадежными сведениями о своих краях располагал и второй из кандидатов в проводники — поручник Тадеуш Рыковский, уроженец Радома, в котором он не был с тридцать третьего года. И все же можно сказать, что нам в общем повезло, тем более что это были офицеры, следовательно, кандидаты не только в проводники, но и в командиры. Обдумав все как следует, мы решили, что нет смысла посыпать обоих одновременно — один полетит, другой на всякий случай останется с нами.

Рыковский до войны заведовал лесничеством на Волыни. Он сроднился с лесом, особенно когда был партизаном. Поэтому я не без оснований надеялся, что он не растеряется в новой, не менее сложной обстановке. Несожданно мне пришла в голову мысль назначить его командиром разведгруппы. Я не сомневался, что мой выбор удачен. Но, к сожалению, не все так считали.

¹ Батальоны Хлопске (БХ) — стихийно возникшие крестьянские отряды самозащиты от произвола гитлеровцев. В 1944 г. большая их часть вошла в состав Армии Людовой. — Прим. ред.

Работники штаба, сопровождавшие Притыцкого, поморщились.

— На такое ответственное дело нельзя посыпать человека, не имеющего хорошей идейной закалки, — заметил капитан Альстер, один из офицеров-политработников штаба.

— Верно, — поддакнул кто-то, — Рыковский интelleгент.

— Вы напрасно беспокоитесь, — возразил я. — Рыковский прежде всего партизан, к тому же небезызвестный.

— Никто и не умаляет его качеств партизана и солдата, — услышал я. — Но не забывайте, товарищ майор, что этот человек может встретиться с людьми пролондонской ориентации и подпасть под столь сильное влияние, что... Нет, мы не утверждаем, что Рыковский изменит. Просто предупреждаем, что такая возможность, пусть самая минимальная, не исключена. А рисковать в таком серьезном деле неразумно.

— Такая возможность в нашем деле не исключена, — заметил я. — Но только теоретически. Если бы мы опасались подобного рода возможностей, то вряд ли смогли бы успешно провести даже незначительную операцию.

— Во-первых, вы преувеличиваете, товарищ майор, — возразил кто-то. — Во-вторых, с Рыковским такое может произойти скорее, чем с любым другим, потому что ему, как и всякому интelleгенту, присущ способ мышления, который желателен больше нашим политическим противникам, чем нам. Сейчас он разделяет наши взгляды, однако в трудной обстановке он надломится скорее, чем тот, у кого революция в крови.

— А я ему полностью доверяю, — не сдавался я. — Убежден, что никто лучше его не выполнит такое трудное задание.

В этом не было преувеличения. Я знал Рыковского не первый день и не раз имел возможность убедиться в том, какой это замечательный человек. Настоящий офицер и пламенный патриот. Верно, он интelleгент. Но для меня это был прежде всего человек умный и рассудительный. Ему были присущи и многие другие положительные черты, благодаря которым он быстро сходился с людьми и повсюду приобретал друзей. Я имею в виду прежде всего те, в которых не мог усом-

виться, — смелость и умение держать себя в руках. За это человека уважают в любой среде. Поэтому-то я и не видел оснований уступать.

— Вот что, товарищи! — решительно заявил я. — Продолжать спор нет смысла. Рисковать придется нам, поэтому лучше нам самим и решать, кто полетит во главе разведгруппы.

Притыцкий внимательно посмотрел на меня и кивнул.

— Конечно, — согласился он. — Принимайте решение.

Я приказал вызвать Рыковского. Поручник тотчас же явился. Я изложил ему цель задания.

— Ваша группа будет состоять из одиннадцати человек. Группе придается радиостанция, — сказал я в заключение. — Людей подберете по своему усмотрению. Согласны?

— Так точно, гражданин майор!

После этих слов на душе у меня стало легко. Судьба ста человек на какое-то время вверялась в руки стоящего передо мной человека.

Я подошел к Рыковскому и крепко пожал ему руку. Остальные последовали моему примеру.

Теперь оставалось только уточнить место выброски. Мы расселись на пушистом мху под высоченной елью. Офицеры штаба разложили карты. Перед нами лежало все Келецкое воеводство. Наклонив головы, мы путешествовали пальцами по Секерзынским лесам, по дорогам и угодьям, по зеленой сетке Козеницкой пущи.

— Здесь! — сказал Рыковский. Его палец ткнулся в центр большого лесного массива, между Ракувом и Далешице. — Район малонаселенный, гористый, значит, труднодоступный. Я выбрал бы его.

Никто не возражал.

— А точнее? — попросил я. — Место приземления?

Рыковский наклонился еще ниже. Его палец остановился на едва видимой на карте поляне.

— Предлагаю это место, — сказал он. — В районе деревень Цисув, Виделки.

— Согласен. Замечания будут? — обратился я к офицерам штаба.

Все снова склонили головы над картой. Кто-то показал на другой район, но Рыковский привел веские до-

воды в пользу предложенного им места. Возражений не последовало.

— Будем считать, что вопрос улажен, — подытожил я и обозначил крестиком место, выбранное Рыковским.

Итак, решение принято, но пока еще не окончательно. Его должен был утвердить начальник партизанского штаба. К счастью, долго ждать не пришлось. На следующий день к нам приехал генерал Завадский. Внимательно выслушав меня, он сказал:

— Честно говоря, эта карта мне не очень нравится. Ее составляли чуть ли не семь лет назад. За это время многое могло здесь измениться. — Он ткнул пальцем в обозначенный карандашом крестик на карте. — К сожалению, у нас нет возможности проверить, поэтому остается только принять ваше предложение.

После этого мы с генералом отправились в лес. Бродили по едва заметным тропинкам, вдыхая теплый, пахнущий смолой воздух, и непринужденно беседовали. Остановившись перед большим муравейником и с интересом наблюдая за деловитой беготней черных созданий, он вновь обратился ко мне:

— Послушайте меня внимательно. Мне не хотелось бы вам надоедать, товарищ Макс, но я хочу еще раз поговорить о том, что ждет вас на далекой, но близкой нашему сердцу Келецкой земле. Район, где будет действовать ваша группа, вам незнаком. Какие там условия — тоже неизвестно. Вы окажетесь в самом сердце нашей родины. Задания вам определены в приказе. О них мы уже с вами говорили. Я только повторю их: сбор необходимых фронту разведывательных данных, организация диверсий на железных дорогах, уничтожение немецких колонн на шоссе, ликвидация мелких гарнизонов и постов и не в последнюю очередь пропаганда идей строительства новой Польши, Польши трудового народа. Мне хотелось бы, чтобы вы выслушали несколько моих советов. Будьте осторожны, продумывайте операцию до мельчайших деталей, не рискуйте напрасно людьми... Установите тесную связь с местным населением, помогите ему, берите под защиту, не давайте возможности полицейским отрядам чинить расправу в деревнях, не допускайте угона молодежи в Германию. Особо заботьтесь об оказании помощи всем тем, кто представляет

Армию Людову и Польскую рабочую партию. В то же время избегайте столкновений с партизанскими отрядами, представляющими другие подпольные организации. Ни в коем случае нельзя допускать братоубийства. Это уже почти приказ... В общем, действуйте. И полагаю, что за ручку вас водить не надо. Голова у вас на плечах есть. Поступайте в каждом случае по велению разума и совести. Вы испытанный партизанский командир, и я целиком полагаюсь на вас. — Отойдя от муравейника, Завадский улыбнулся, словно извиняясь. — Простите за проповедь, но это входит в мои обязанности.

— Спасибо, товарищ генерал, — ответил я. — Разумные советы всегда полезны.

— И я так считаю, — согласился генерал.

Мы повернули обратно. Когда мы уже подходили к лагерю, Завадский остановился.

— У меня, товарищ Макс, есть еще два дополнительных поручения. Во-первых, необходимо установить связь с командующим Армией Людовой генералом Михалом Роля-Жимерским, а также с известным общественным деятелем Винценты Витосом. Как только встретитесь с ними, немедленно сообщите нам по радио. Во-вторых, придется вам организовать прием самолета и переправить этих людей в штаб Первой армии. Вот и все. А теперь пойдем чего-нибудь перекусим.

Рано утром я прибыл на аэродром и, не дожидаясь сигнала, прошел к командиру авиационного полка. Его удивил столь ранний визит.

— Лично вы никогда не прыгали с парашютом? — спросил он, когда я изложил ему свою просьбу.

— Нет.

— Очень хорошо. А ваши люди? Много таких, которые не прыгали?

— Никто не прыгал... За исключением одного, — ответил я, вспомнив подпоручника Петелицкого.

— Очень хорошо, — опять обрадовался русский.

— Не понимаю... — недоумевал я.

— Все очень просто. Такие прыгают лучше других.

— Неужели?

— Честное слово! — воскликнул командир авиационного полка, ударив себя кулаком в грудь. — Но кое-что

об этом знать надо. Завтра мы организуем коротенькую лекцию, добро?

— Идет! А как насчет пробного полета?

— С этим дело хуже, — огорченно проговорил он. — Все машины, способные нести бомбовой груз, заняты.

— Но они летают только ночью, — заметил я.

— Это верно. Днем на них не полетишь. Сразу подбьют. Да вы сами взгляните!

Мы вышли. У края поляны притаились замаскированные самолеты. Ближайший к нам имел довольно жалкий вид.

— До самого вечера будем ремонтировать, — заметил комполка. — Некогда нам прохладиться: фронт требует. Но я все-таки помогу вам. Выделяю в ваше распоряжение свой «кукурузник». Устраивает?

— Конечно, — обрадовался я.

Капитан Пушкин, которого я встретил на аэродроме, придерживался того же мнения, что и командир полка.

— Зря тревожитесь, — успокоил меня капитан, приглаживая взлохмаченные волосы. — Ребята ваши молодые, смелые. Не вас первых забрасываем в немецкий тыл. Увидите — все будет отлично. Только сам полет некоторые переносят неважко...

В тот же день я решил ознакомить хотя бы часть бойцов с условиями пребывания в воздухе. Парни, конечно, волновались. Разумеется, основательной проверки провести было нельзя, так как времени для продолжительного полета не хватало. Поэтому «кукурузник» делал два-три круга над аэродромом и садился. Но это кое-что дало ребятам: они перестали страшиться простора. Только сержант Антось Дубеньский, мой адъютант, могучий детина из Полесья с густой светлой шевелюрой и добрым сердцем, плохо перенес эту первую воздушную прогулку. Выйдя из кабины, он еще долго шатался.

— Ну что же, Антось, не всем дано летать. Придется тебе остаться, — с сожалением сказал я.

— Что?! — воскликнул парень и уставился на меня. — Даже если вы не дадите мне парашюта, я все равно полечу с вами.

— Дай твою руку, Антек. Молодец.

На следующий день мы собирались на аэродроме в

одном из бараков. Здесь лежали приготовленные для нас парашюты. Инструктор разъяснил нам принцип их действия. Затем развернул один из них и показал, как его следует сложить.

— Чтобы удачно приземлиться, нужно знать, как выполняется прыжок, — продолжил объяснение инструктор. Затем он вывел нас на аэродром. Мы уселись в кружок и выслушали еще несколько наставлений.

— Если во время прыжка вы выполните все движения правильно, как я показал, то все пойдет как по маслу. Счастливого пути! — закончил он.

«Веселый парень, ничего не скажешь, — подумал я. — Выполнить все в точности после полуторачасового обучения! Ну что ж, попробуем».

Я вызвал Рыковского и еще раз подробно обсудил с ним задания, порученные его группе. Мы договорились, что сразу после приземления он передаст нам радиограмму. Затем Рыковский собрал свою группу, в которую вошли также поручник Францишек Чижевский, подпоручник Станислав Старонь, хорунжий Бернард Фургол, сержанты Владислав Цыбульский и Анатолий Жук. Разведчики тщательно проверили свое снаряжение. Все оказалось в порядке.

Я пригласил всех на прощальный ужин. Повара оказались на высоте. Сварили отменный суп. А наш интендант поручик Добровольский раздобыл где-то самогону.

Мы расселись на траве по-турецки и подняли тост за счастливый полет, за успешное выполнение разведчиками задания. Рыковский присел к своему земляку Добровольскому.

В сумерки с аэродрома подъехал грузовик. Я сел вместе с разведчиками и проводил их до самолета. Сердечно попрощался с Рыковским.

— Держись, парень! — напутствовал я Рыковского. — Знай, мы на тебя очень надеемся!

Ровно в 22.00 самолет поднялся над аэродромом, сделал прощальный круг и взял курс на запад. Я вернулся в лагерь.

Утро следующего дня началось для меня с неожиданности: вся разведывательная группа вернулась в лагерь. Оказалось, летчик не смог отыскать обозначенного на карте места выброски и вынужден был вернуться на аэродром, не выполнив задания. Я притворился, что

не слишком огорчен неудачей, хотя, по правде говоря, был страшно зол. Рыковский тоже вначале ходил грустный, но потом взял себя в руки.

Ночь на 25 июня оказалась удачной. Самолет с группой разведчиков вновь стартовал и на этот раз вернулся один. Рано утром мы приняли первую радиограмму от Рыковского.

Как мы обрадовались! Лагерь оживился. Все надеялись, что теперь и остальные полетят, что пришел конец прозябанию в тылу.

В течение дня я несколько раз заглядывал к радиостанции, но радиограмм больше не поступало. Я не очень огорчился, надеясь завтра получить новую весть от Рыковского.

Увы, следующий день ничего нового не принес. Я совсем замучил радиостанции, требуя от них невозможного. Группа Рыковского молчала. Радиостанции регулярно посыпали в эфир позывной сигнал, переходили на прием, но безрезультатно.

Ночью я не спал. В голову лезло только самое худшее. Открывая глаза, я смотрел на полосу звездного неба и обольщался надеждой, что сейчас сквозь темно-синий воздух июньской ночи уже несутся сигналы из-за Вислы, что наши радиостанции принимают их с бьющимся сердцем и сейчас у входа появится связной с донесением, что...

Наступивший день был такой же безрадостный. Что-то случилось. Но что? Повреждена радиостанция? Это было бы, пожалуй, меньшим из всех зол: повреждение можно устраниить. Не могут выбрать подходящее место для принятия всей группы? А если разведчики попали в засаду и гитлеровцы схватили их? В это не хотелось верить.

В лагере стало тихо. Партизаны приуныли.

Шел четвертый день после отлета группы Рыковского. Из штаба к нам приехал капитан Альстер.

— Вот видишь, Макс, — были его первые слова, — я оказался прав.

Меня словно обухом по голове ударили. И без того мои нервы были напряжены до предела, а этот опять бахвалится своей подозрительностью. Я сдержался и промолчал.

Мое молчание капитан воспринял по-своему.

— Для меня вопрос ясен. До места добрались, вежливо об этом известили, а потом Рыковский встретился

со «своими». Они, конечно, быстро нашли общий язык... Я не хочу сказать, что у него с самого начала было такое намерение. Нет! Это уже там его поприжали. А теперь ищи ветра в поле. Глупо. И по отношению к нам, и по отношению к советским товарищам, которых мы переубедили. Эх ты, не поверил нам...

— Да отвяжись ты! — крикнул я, не в силах больше молчать. — Тоже мне пророк нашелся!

Альстер посмотрел на меня с сожалением, пожал плечами, давая понять, что с таким типом, как я, продолжать разговор не имеет смысла, и уехал.

И снова я остался один на один со своими мыслями, от которых в голове у меня начинало гудеть. Рыковскому я доверял и был убежден, что если и случилось что с группой, то уж, конечно, не то, что предполагал Альстер.

«Ничего, — говорил я себе, — подождем еще день...»

Пришло новое утро. Мрачные мысли не переставали меня терзать. Днем, когда я, уединившись, сидел под деревом, меня позвали:

— Товарищ майор! Товарищ майор!

— Что? — спросил я, нехотя повернув голову, и тут же вскочил на ноги — выражение на лице начальника радиоузла не оставляло никаких сомнений: что-то произошло.

— Есть связь, — выдохнул он, протягивая листок.

Я впился глазами в русский текст радиограммы: «Все в порядке. Ждем людей. Вооружения пока не присылайте. Координаты и сигналы передам дополнительно. Ройко».

Я схватил радиста и стиснув его так, что он охнул.

— Молодец! — воскликнул я, хлопнув его по плечу. — Молодец, ей-богу, молодец!

Только немногого погодя я сообразил, что мою похвалу радиист отнес к себе. «Пусть радуется, — подумал я, — сегодня мы все именинники».

Не успел я оглянуться, как вокруг нас собрались почти все партизаны. Весть о радиограмме Рыковского с быстротой молнии облетела лагерь. Бойцы бежали к нам со всех сторон, желая убедиться, что это правда. А когда услышали подтверждение, обрадовались не меньше меня.

Мощное «ура» потрясло лагерь.

Шапки летели вверх, партизаны хлопали друг друга по плечу, а один даже пустился в пляс. На радостях я приказал выдать всем самогона.

В тот же день было получено еще несколько донесений от Рыковского. Он сообщил подробные данные о месте нашего будущего приземления.

Ранним утром следующего дня ко мне забежал капитан Пушкин и, пожав руку, сердечно поздравил с успехом. От души поблагодарив Пушкина, я спросил, нет ли вестей с аэродрома.

— Теперь нам нельзя медлить, — сказал я. — Лучше было бы лететь сразу всем. Мы готовы к отлету хоть сегодня.

— Золотые слова! — рассмеялся капитан. — Честь имею доложить, что именно сегодня в двадцать два часа девять транспортных самолетов будут готовы к отлету.

— Это не шутка?

— Ну как можно? — обиделся Пушкин. — К шестнадцати часам вам нужно быть на аэродроме. Пришел конец вашим ожиданиям.

— Конец! — повторил я.

Я связался с поручником Дудой, и мы договорились, какие распоряжения необходимо отдать. Решили, что партизаны соберутся по группам и после этого получат приказ о свертывании лагеря.

Час спустя лагерь был похож на разрытый муравейник.

Когда после обеда подъехали машины и мы погрузились со всем нашим имуществом, Варваровка словно ожила. На дорогу высыпала вся деревня. Провожали нас добрым словом и слезами, напутствиями, цветами, свертками с едой и лентами, красными, как кровь...

К аэродрому мы подъехали в приподнятом настроении.

Машины подкатили к открытым люкам транспортных самолетов. Все тяжелое и запасное снаряжение быстро погрузили. У нас осталось только самое необходимое. Но и этого было достаточно, чтобы выглядеть, как павлюченные верблюды.

Шел десятый час. Солнце скрылось за лесом. На землю опустились ранние сумерки. Партизаны выстроились

в шеренгу. Когда летчики в последний раз проверили, правильно ли уложены у всех парашюты, к аэродрому подъехала штабная машина и из нее вышел генерал Завадский.

Времени для прощания оставалось мало. Генерал произнес короткую, но очень сердечную речь. Едва прозвучали последние напутственные слова, летчики запустили моторы. Ребята несмело поднимались по лесенкам и один за другим исчезали в темных утробах подрагивающих машин.

Мы расселись на скамьях. Рядом со мной примостился Пушкин. Улыбаясь, он стал что-то говорить мне, но шум моторов заглушал его слова.

Наконец самолет взлетел. Мелькнули внизу кроны деревьев, осталось позади поле аэродрома. Прощальный круг. Через иллюминатор я увидел похожие на спичечные коробки строения Варваровки, островок опустевшего перелеска, колхозные поля. Потом все это убежало под крыло. Где-то вдали забелело покрывало туманов над лугами, а мы уже летели в ту сторону, где полыхало зарево заката.

В самолете стало тише, и я отчетливо услышал Пушкина.

— Как будто полетели, — произнес он с удовлетворением. — Наконец-то...

— Наконец-то, — повторил я. — Прощай, Украина! Прощай, гостеприимный край! Прощайте, волынские леса!

— А ведь это частица жизни, верно?

— Да, — проговорил я. И мне вдруг сделалось немножко грустно: что-то начиналось, но что-то и кончилось, осталось позади. И быть может, навсегда.

— Хорошей жизни, да?

— Хорошей? Не знаю... Трудной, — поправил я его. Мне хотелось выразить свои чувства иначе, но нужные слова не приходили в голову. Перед мысленным взором проносились обрывки прожитого. — Много, слишком много крови... — пробормотал я.

— Да-а, — протянул Пушкин. На его красивом, добродушном лице появился налет печали. — Скорее бы покончить с этой фашистской ноганью. А после войны все будет иначе.

— А как?

— Лучше, — ответил он с уверенностью. — Это точно. Люди поумнеют. Честное слово, поумнеют.

— Хороший вы человек, Пушкин. Жаль, что нельзя вам прыгать с нами.

— Жаль, — согласился капитан. — Я бы с удовольствием, но служба есть служба. А вот обменяться адресами мы можем. Напишем друг другу письма после войны, глядишь — встретимся. Радости будет сколько, а?

— Только бы дожить до этого времени.

— Надо верить.

— Надо...

Мы обменялись адресами, после чего каждый погрузился в свои мысли.

Вдруг снаружи что-то сверкнуло, грохнуло. Видимо, мы пролетали над линией фронта. Все инстинктивно припали к полу и лишь через минуту сообразили, что в самодете этого можно не делать. Мы вернулись на свои места, укоризненно глядя друг на друга и дивясь силе наших земных, навыков самозащиты.

Стрельба стала реже. Только прожекторы продолжали рыскать по небу. Мы с облегчением вздохнули. Но ненадолго. Резкий рывок машины повалил всех в одну сторону; Но не успели мы опомниться, как полетели в другую. Затем вперед... Назад... Машина проделывала какие-то дьявольские упражнения: падала вниз, стремительно взмывала и вдруг ложилась на крыло. Мы катались, как дробинки в жестяной банке. Ни секунды передышки. В голове — грохот...

А когда машина столь же внезапно выровнялась и словно покатилась по широкой автостраде, мы еще не сразу пришли в себя. Все застыли в странных позах, боясь пошевельнуться. И лишь ворчливый голос Пушкина вернул нас к действительности.

— Сволочи! — выругался капитан.

— Кто? — спросил я, вытаскивая ноги из-под бойца, упавшего на меня.

— Кто же как не фрицы! Подстрелить как утку хотели. Думали, с лопухами дело имеют.

— Как думаешь, остальные проскочили?

Я приказал ребятам привести себя в порядок и двинулся за Пушкиным к кабине летчиков. Сначала мы подошли к радиисту.

— Сейчас узнаем, — сказал он, услышав вопрос, и по очереди стал вызывать радиостов остальных самолетов. Я внимательно следил за его действиями, с беспокойством ожидая результатов: теперь я знал, что проскочить непредвидимыми через заградительный огонь над линией фронта — дело не из легких.

Спустя несколько минут, показавшихся мне вечностью, радиост снял наушники.

— Все в порядке, — сообщил он.

Я облегченно вздохнул: одно препятствие позади. Теперь меня интересовало уже другое: каким образом в такой темноте мы попадем на место? Конечно, я знал, что на поляне, на которую будем прыгать, должен быть выложен из костров знак в виде буквы «Т», но как увидеть его с такой высоты? Я спросил об этом Пушкива, а Пушкив штурмана.

— Сначала долетим до Вислы, — ответил штурман, — а потом вдоль реки до впадения в нее Сана. Посмотрите, уже видно.

И действительно, несмотря на темноту ночи, земля под нами не казалась черной, бесформенной массой. Среди окутанных мраком лесов можно было разглядеть светлую полосу дороги, иногда поблескивали железнодорожные пути, а прямо под нами светилась широкая лента. Висла, королева польских рек...

— А потом, — добавил штурман, — автопилот поведет нас по азимуту. Семь минут полета в западном направлении — и прощай, родина, надо прыгать.

— Кому прощай, а кому здравствуй, — заметил я по-русски.

— Это верно, — согласился штурман. — Вы поляки. Мы привыкли выбрасывать своих, русских.

Я вернулся к ребятам. В этот момент послышалась короткая сирена, и через минуту прозвучал приказ:

— Товарищи партизаны, приготовиться к прыжку!

НОЧНОЙ ПРЫЖОК

Мы поднялись со скамеек. Пушкив и один из летчиков расставили у каждой двери по шесть человек. Пушкив проверил, все ли зацепили карабины вытяжных фалов за грос, проходящий вверху вдоль борта самолета.

та, и предложил мне посмотреть вниз. Я увидел несколько костров, выложенных буквой «Т». Их мигание ободряло. Там наши ребята. Через минуту и мы будем на земле, встретимся с ними, начнем новый боевой путь. Пушкин обнял меня и сказал:

— Желаю успеха и скорой встречи в свободной Польше!

Я стоял первым у двери и первым должен был прыгать. Конечно, я волновался, но страха не испытывал. Едва дверь открылась, как вперед вырвался Антек Дубенский и с возгласом «Я первый, товарищ майор!» рухнул вниз. Я последовал за ним. Стремительный рывок — и я повис в темноте. Взглянул вверх, откуда доносились завывание моторов. Людей не было видно. Только белые купола парашютов выделялись в темноте. Мысль о том, что я в воздухе не один, ободрила меня, но не надолго. Взгляд вниз опять породил беспокойство. Пылающие костры слепили глаза. Было такое ощущение, что я не падаю, а ветер относит меня все дальше от желанной поляны. Свет костров исчез. Замаячило ласково колеблющееся ровное место. Озеро? Откуда оно взялось, черт возьми! Я беспомощно осмотрелся, как бы ища поддержки. Вдали забелела стена деревенской избы. Значит, я все же приближался к земле. «Черт побери! — думал я с беспокойством. — На карте не обозначено никакого озера, даже пруда, и Рыковский об этом в своем донесении не упоминал! Что за дьявольщина? Не хватает еще плюхнуться в воду навьюченному, как мул!» Беспокойство нарастало. Что делать? Освободиться от груза? Я принялся держать за стропы парашюта, чтобы меня отнесло подальше от этого озера. Автомат болтался на груди, будто театральный реквизит. Высеребренная звездами гладь озера продолжала надвигаться на меня. «Чтоб ему пусто было, этому Рыковскому, с его подробной информацией!» — выругался я про себя.

Вдруг стало темно. Меня чем-то хлестнуло по лицу. Я был уверен, что вот так именно бывает, когда человектонет. Однако продолжал дышать глубоко и ровно. Мог свободно двигать руками и ногами. Теперь уже сомнений не было: я повис на дереве, а то, что принял за озеро, в действительности оказалось полем пшеницы, колыхавшейся под ночным ветром. Вот это номер! А я

уже приготовился бесславно погибнуть и вдобавок проклял ни в чем не повинного Рыковского.

Я висел между ветвями, а до земли было по меньшей мере несколько метров. Болтая ногами, я пытался спуститься ниже, но безуспешно. А ведь мне нужно было скорее добраться до поляны, собрать людей и уходить с этого места, пока нас не обнаружили гитлеровцы. Я попробовал освободиться от парашюта, но это оказалось не так-то просто. Тогда я вытащил финку, обрезал стропы и спустился на землю. Весь мокрый от пота, исцарапанный сучьями, я освободился от ремней парашюта и, взяв автомат наперевес, зашагал к поляне. Направление к ней я запомнил, когда висел на дереве: костры горели справа от меня.

Я принялся «куковать». Явно бездарно. И все же где-то впереди услышал ответное «кукование». Обрадовавшись, ускорил шаг и тут же остановился. Вверху что-то зашумело, затрещало и упало на землю перед самым носом. Я узнал Вацека Добровольского. Он быстро освободился от парашюта, стал на колени и поцеловал землю. Это был не театральный жест, а трогательное сыновнее приветствие матери-родине.

Когда мы выбрались на поляну, от недавно пылавших костров остался только один. Остальные были погашены. Самолеты сбросили уже свой груз и улетели на восток. Мы торопились: на северо-востоке небо постепенно прояснялось.

На поляне царило оживление. Из темного леса один за другим выходили партизаны и направлялись к костру.

— Командир здесь, — сказал сидевший у костра партизан, увидев меня, — значит, все в порядке.

Я заметил Рыковского. Он с кем-то разговаривал. Услышав, что я здесь, он бросился ко мне. Мы обнялись и по славянскому обычанию трижды поцеловались.

— Спасибо, Тадек, — сказал я.

Рыковский коротко доложил обстановку. Его парни и местные жители, помогавшие принять нас, прочесывали лес в поисках остальных партизан. Рыковский опасался, что мы не соберемся до рассвета: многих отнесло километра на два. А надо еще разыскать аккумуляторы и оружие.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул я. — Придется

подождать. Немцы, пожалуй, к тому времени нас не обнаружат.

— Будем надеяться, — ответил Рыковский.

— Как только соберемся, уйдем отсюда. Ты выбрал маршрут? — спросил я.

— Не столько я, сколько местные хлопцы, — уклончиво ответил Рыковский. — Жаль, что я не успел как следует изучить его. Помешала мне одна история. Думал, не вывернусь. Ну, об этом потом.

— Ладно, после расскажешь все по порядку. А сейчас нужно искать людей. Интересно, как наши женщины, не сдрейфили?

Рыковский улыбнулся. Наверное, он подумал, что я беспокоился больше всего о Рене — подрывнице, своей жене. Конечно, я немного беспокоился за жену. Я высоко ценил ее отвагу, силу духа и сметливость, но все же для меня она оставалась существом если не самым слабым, то, безусловно, нежным, а ведь иной прыжок был не из легких. Но я не хотел проявлять по отношению к ней особую заботу. Нельзя мне было этого делать, иначе я потерял бы уважение к самому себе — ведь мы были одной большой семьей, и в наших условиях забота и внимание принадлежали всем в одинаковой степени.

На поляне появилась Рена. За ней еще несколько человек. Ядзя-Юзек сильно хромала. Оказалось, ее сняли с дерева.

— Стукнулась бедром о ствол, — объяснила Ядзя-Юзек. — Думала, свалю дерево. Свалить не свалила, зато здоровенный синяк заработала!

Рассвело. После двух с половиной часов обременительных поисков так и не нашли поручника Хвищука, капитана Дуду и еще нескольких человек. Я спросил тех, кто летел с Хвищуком:

— Хвищук прыгнул?

— Прыгнул.

— Куда же он мог деться?

Потом я спросил партизан:

— Кто летел с капитаном Дудой?

Но никто не ответил. Стали припоминать, с кем летел Дуда, и сразу обнаружилось, что отсутствует группа с еще одного самолета.

Мы посовещались с Рыковским. Решили, что ждать больше не можем: нельзя подвергать опасности всех людей.

— Уходим! — распорядился я. — За день местные жители пусть еще раз прочешут район выброски и ближайшие окрестности. Пошли!

Это решение я принял с тяжелым сердцем, но другого выхода не было. Мы двинулись в северном направлении. Помимо снаряжения мы несли на себе аккумуляторы, оружие и боеприпасы. Я заметил, что кое-кто несет кавалерийские седла. Посмотрел на Яцняцкого, завязанного кавалериста, и сразу догадался, что это его рук дело. Он улыбнулся и, как бы извиняясь, пробормотал:

— Пригодятся, гражданин майор. Ей-богу, пригодятся.

И я так думал. Поэтому-то и не стал его отчитывать. Уставшие партизаны молча шагали за проводниками. Никто не жаловался.

В голове колонны произошло замешательство. Я прибавил шагу и увидел нескольких партизан, оживленно разговаривающих с пожилым крестьянином и его женой. Они стояли под надпилленной сосной и смотрели на верхушку дерева. С нее свисал купол парашюта.

— Зачем он вам? — спросил я.

Женщина начала сетовать на бедность. И что детей куча, и что из этого парашюта можно сшить прекрасное белье...

— Пожалуй, — согласился я. — Забирайте. И все остальное, что найдете поблизости. Только побыстрее, а то немцы проинюхают. Но если узнают, говорите, что нас не видели. По рукам?

Крестьянин снял шапку и низко поклонился:

— Как же, как же. Благодарим стократно пана майора...

Пройдя километров шесть, мы остановились. Вместе с Рыковским и одним из местных партизан, назвавшимся Антонием Бонгацким, я отправился на поиски места для будущего лагеря. Мы выбрали небольшой взгорок, поросший довольно густым буковым перелеском. Место показалось нам подходящим: неплохо замаскированное и удобное для организации круговой обороны.

Я попросил Бонгацкого привести сюда остальных,

и вскоре мы по-хозяйски взялись наводить на холме порядок. Когда сбросили с себя груз, настроение поднялось. Усталость как рукой сняло.

Мы наметили, где открыть окопы, где устроить гнезда для ручных пулеметов и позиции для противотанковых ружей. Разбитые на группы партизаны с жаром принялись за дело. Каждый упорно долбил твердую как камень землю, переплетенную корнями. Солнце поднялось уже высоко над лесом. Измученных, проголодавшихся людей разморило. Но мы не вправе были позволить себе преждевременный отдых — в любой момент на нас могли напасть гитлеровцы.

Я выслал в ближайшие деревни разведку. Десять наших разведчиков и несколько местных партизан получили задание собрать сведения о количестве немецких подразделений в округе, о партизанских отрядах, действующих в этом районе, а также выяснить, что говорят местные жители о выброшенном ночью десанте.

Был уже полдень, когда мне доложили, что охранение задержало крестьянина, который добивался, чтобы его провели к командиру.

Я вышел из лагеря. Крестьянин стоял под деревом. Не скрывая любопытства, он приглядывался к часовому, который его задержал.

— Здравствуйте, хозяин, — приветливо сказал я, протягивая руку. — Что привело вас к нам?

— Э-э... так... из любопытства.

Я посмотрел на него с подозрением.

— Не слишком ли вы любопытны? Как вы узнали, что мы здесь?

— Хата моя недалече... Иногда за плетень выглянешь. А выглянешь — кое-что увидишь. Не так разве?

— Когда очень хочется...

— Это верно, — согласился крестьянин.

— У вас зоркий глаз.

— Бог еще бельмом не закрыл...

— Так и немцев могли бы увидеть?

— Мог бы.

— Ну и?..

— Чего?

Он смотрел на меня, щуря глаза.

— Ну и видели?

— Кого?

Я чуть было не рассмеялся, настолько все это было шито белыми нитками.

— Немцев.

— Видел, — ответил он с неохотой. — Но давно. Редко они сюда заглядывают.

— Почему?

— Места, пан майор, не того... для них не безопасные.

— Почему?

— Ну, хотя бы такие как... ну, как вы.

— Какие?

— Всякие.

— Что значит — всякие?

— Да так, ничего.

Меня забавляла хитрость мужика.

— Не больно вы разговорчивы, — заметил я. — Сказать, как вас зовут, можете?

— Почему бы нет. Могу. Зембой Анджеем называюсь.

— Так вот, Анджей, — сказал я решительно. — Не валяйте дурака. Говорите, с чем пришли к нам? Вам не следует нас бояться: видите, что свои.

— Да вроде бы. Но какие? Есть разные свои.

— А чтоб вас!.. — прикрикнул я, потеряв терпение. — Разве не видите: Войско Польское!

— Войско Польское? — повторил он. — Откуда? С неба?

— С неба, — подтвердил я.

— Неужто правда?..

— Правда.

— Ночью прилетели?

— Ночью.

— Верно?

— Послушай, Земба, — сказал я, осуждающе покачав головой. — Не кажется ли тебе, что допрос затянулся?

Крестьянин смущался. Почесал в затылке. Посмотрел в одну сторону, в другую, но это был уже не подозрительный взгляд. Скорее беспомощный.

— Знаете, пан майор, — выдавил он, все еще колеблясь, — дело такое, что я... что я... должен быть уверенными... Нельзя мне, — он снова внимательно посмотрел на меня, — выдать человека в какие попало руки..

— Какого человека?

В глазах крестьянина мелькнул испуг. Потом с надеждой в голосе он досказал:

— А того, что упал у меня за ригой.

— Хвищук! — вскрикнул я, схватив Зембу за плечо. — Человече, почему же ты сразу не сказал об этом?

— А разве я знал, кто вы такой, пан майор?

— Живой он?

— Живой. Только сильно поврежденный... Доктора бы, — добавил он с беспокойством.

Я тотчас приказал позвать капитана Коржа с людьми.

— Вы надежно его спрятали?

— А как же. Никогда не знаешь заранее, какую сволочь к тебе привнесет.

— И вы не побоялись взять его к себе?

— Бояться-то боялся. Но ничего не поделаешь, это же польский поручник... Но больше всего боялся, — разошелся мужик, — когда все это началось. Ваши самолеты наделали ночью столько шума, что я испугался и выскошил из хаты. Гляжу, а тут над нашим лесом самолеты кружат. Ну, думаю, добрались до партизан, начнут бросать бомбы, и от нас мокрого места не останется. Говорю жене и мальчишке: выгоняйте скотину из хлева и бегите подальше. Только я это сказал, смотрю, из самолетов люди стали прыгать. Ну, думаю, люди все-таки лучше, чем бомбы. Но ничего еще не было понятно: если наши — то все в порядке, а если немцы — то лучше сразу отдать богу душу. Спрятались мы у хаты и глядим, что дальше будет. Люди опускались на лес, а одни так совсем близко от нас. Потом видим, один летит прямехонько на нас. Скверно, думаю, может нас перестрелять. Но слава богу, отнесло его в сторону, и упал он за ригой. Мы лежим, а нам все видно, что там, за ригой. Но человека, который упал, нигде не видно. А лежал он в картошке и не шевелился. Никак, думаю, убился? Еще немножко подождали. Тогда говорю я жене: «Мать, была не была, пойду посмотрю». А она в рев и за руку меня хватает. «Тише, — говорю, — надо поглядеть, что и как». Подхожу потихоньку, а жена за мной, вроде пугливая, а любопытна, как все бабы. Глядим, парашют на картошке, а подальше человек лежит и не шевелится, только страшно хрипит. Не по себе мне ста-

ло. Присмотрелся — вижу: поляк. Я говорю жене: «Отнесем его в ригу». А она свое. «Тише, — говорю, — бери за ноги». Намучились мы с ним. Мальчишка прибежал с лампой. Смотрим — офицер, под бородой рана. Что делать, думаю. К доктору его везти нельзя: напоремся на немцев, тогда всем нам крышка. Спрятали мы его в соломе. Обождали до рассвета. Потом еще маленько. Никого нет. Тогда я пошел искать вас. Должны, думаю, где-то быть поблизости. Ну и нашел. Только здорово боялся, чтоб не отдать тем, кому не надо. Разные здесь шляются...

Появился Корж с несколькими партизанами. Я объяснил им, в чем дело. Они тут же отправились вместе с Зембой к его хате. Я попрощался с крестьянином. Поблагодарил за заботу о Хвищуке.

До обеда основные работы по оборудованию оборонительной позиции вокруг лагеря были завершены. Быстро перекусив, все завалились спать. Я приказал выставить усиленное охранение.

Радисты доложили мне, что налажена связь с партизанским штабом в Шпануве. Ранее посланную мною радиограмму с донесением об успешной высадке в штабе приняли. Одновременно меня уведомили, что я должен принять командование обеими группами, так как, оказывается, капитан Дуда и его люди не высадились и вернулись на базу: летчик их самолета не обнаружил обозначенного на карте места выброски и возвратился, не выполнив задания. Повторная операция была признана бесцельной.

— Ну вот, — сказал я поручнику Пухале, своему заместителю, — остались мы одни.

— Ничего, — ответил Пухала. — Теперь нас уже сто человек. Это тебе не пятьдесят. Только вот наша группа будет не такой маневренной.

— Ничего, нам все равно пришлось бы увеличивать состав, — возразил я. — Надо сообщить ребятам, что Дуда и его люди живы и невредимы. Пусть понапрасну не горюют.

— Конечно.

— А что у тебя с ногой? — спросил я, вспомнив, что Пухала приземлился неудачно и в походе сильно хромал.

— Да чего там, — ответил он, морщась. — Поболит и перестанет.

Я присел под деревом. Хотелось обдумать все по порядку. Впечатлений накопилось много. Надо было в них разобраться. Наверное, я сильно устал, поэтому не заметил, как уснул.

Проснулся оттого, что Рыковский тряс меня за плечо.

— Какой-то капитан хочет тебя видеть.

— Какой капитан? Откуда он взялся?

— Черт его знает. Вышел из леса, наткнулся на часового и сказал, что хочет поговорить с командиром.

Рыковский повел меня к одному из передовых постов. Капитан, увидев перед собой майора с крестом «Виртути Милитари» на груди, встал по стойке «смирно» и назвался капитаном Яворским. Роста он был, пожалуй, невысокого. Габардиновый мундир, тщательно отутюженные брюки, блестящие погоны, слегка седеющие виски и смуглое лицо, затененное козырьком конфедератки.

— Чем могу служить, капитан? — спросил я, пожав ему руку и представившись Броничем.

— Я узнал, что вы прилетели от генерала Берлинга. Это так?

— Да.

— В связи с этим у меня к вам, пан майор, есть одна личная просьба, — продолжал капитан. — До войны я командовал ротой в четвертом пехотном полку. Командиром полка был генерал Берлинг. Мне очень бы хотелось как-то связаться с ним. Есть такая возможность?

Просьба капитана показалась мне необычной. Я был убежден, что визит Яворского и его желание связаться с генералом Берлингом — это только предлог, а на самом деле капитан намеревался выяснить, кто мы такие.

— Это не так просто, — ответил я уклончиво.

Капитан не огорчился моим отказом. Стал расспрашивать, где я служил до войны. Я ответил, что в Замостье, и попал, что называется, пальцем в небо: оказалось, Яворский тоже там служил.

Он сказал, что в таком случае я должен знать некоторых его приятелей. Я ответил, что знал их, но где эти офицеры сейчас, сказать трудно.

— Рассеялось братство по миру, — вздохнул я. — Одни сложили головы в борьбе с фашистами, другие сражаются в Польше и за ее пределами. А вы, капитан?

— Боремся.

— Да, мы не можем допустить, чтобы враг безнаказанно топтал нашу землю. К какой организации вы принадлежите, если не секрет? — спросил я.

Он с подозрением посмотрел на меня, на какой-то момент заколебался, но потом все-таки ответил:

— В Народовых силах збройных, у майора Казимежа.

Об этих НСЗ мне было кое-что известно. И какого рода они ведут борьбу, я тоже знал. Но сделал вид, что принял ответ капитана за чистую монету.

— Крепко бьете немцев?

Теперь уже он хотел замять разговор на эту тему.

— У вас отличное вооружение, пан майор, — заметил он, указывая на мой автомат. — Чья же это продукция?

— Советская.

— Да ну?.. Этому можно верить?

— Можно. Но если вы предпочитаете верить, будто русские колошматят немцев палками, дело ваше. Только эти палки, видно, заколдованы, если под их ударами раскалываются немецкие «тигры» и «фердинанды»...

— Существует теория, что большевики побеждают численным перевесом, для достижения цели не жалеют людей и поэтому уже обескровлены...

Мне не составило труда догадаться, чья это теория. Я предложил капитану немного пройтись и повел его вдоль оборонительной позиции нашего лагеря. «Хочет убедиться в нашей боевой мощи, — думал я, — за этим пришел, иу что ж, пожалуйста! Пусть посмотрит».

Действительно, его зоркие глаза отмечали каждую деталь. А таких деталей было достаточно. Вот из кустов торчат стволы дегтяревских пулеметов. А вот грозные противотанковые ружья.

— Какая армия сегодня не несет жертв? — начал я. — Свобода и независимость не даются даром. Каждый польский патриот готов отдать все силы, лишь бы раз и навсегда уничтожить разбойничий фашизм и освободить родину. С помощью русских мы этого обязательно добьемся. Не так ли?

— Неужели вы думаете, лан майор, что русские не выдохлись? Не измотаны?

— Думаю, недолго ждать, чтобы убедиться в обратном. У вас еще будет возможность увидеть, какое у них оружие...

На лице капитана появилось выражение не то усталости, не то смирения. Он заторопился.

— Что касается первого вопроса, — умышленно тянул я, — мне важно знать, насколько серьезны причины вашего желания связаться с генералом Берлингом. Вы понимаете, мы не на майской экскурсии за городом...

— Понимаю, — ответил он. — Ничего не поделаешь. Спасибо за теплый прием. Мне уже пора возвращаться.

Я пожелал ему счастливого пути, а когда он ушел, мы с Рыковским понимающе переглянулись.

— А теперь, чтобы уважаемый гость не смог воспользоваться полученной информацией, попроси Левецкого немного изменить систему огня с юга.

К вечеру стали возвращаться наши разведчики. Партизаны выглядели усталыми, но все были довольны — дела складывались благоприятно.

Итак, первое: о ночном десанте жители окрестных деревень уже знают. При этом, как обычно в подобных случаях, молва удесятерила наши силы. В одном месте говорили о дивизии, в другом — о полке, но в целом меньше тысячи бойцов не называли. Люди передавали из уст в уста, что пришло народное Войско Польское, что начинается что-то новое. Дело идет к переменам. Наших разведчиков встречали, как родных.

Второе: немцев в округе не было, и ничто не свидетельствовало о том, что в ближайшее время они здесь появятся. Правда, какой-то человек, недавно прибывший из Кельце, рассказывал людям, что немецкий гарнизон города приведен в состояние боевой готовности, но, видимо, со стороны гитлеровцев подобная мера была вызвана скорее соображениями оборонительного характера.

Это были добрые вести. Они вселяли надежду, позволяли рассчитывать на помощь населения. Это давало нам возможность тщательно подготовиться к очередной операции и организовать бойцам отдых после ее выполнения. Скорее всего, гитлеровцы не ждали партизанско-

го десанта. Наше появление застигло их врасплох, поэтому они не решились быстро предпринять какие-либо контрмеры. В противном случае нам пришлось бы нелегко: ведь мы были здорово измотаны. Но всего один день отдыха дал нам многое: теперь обстановка складывалась в нашу пользу. И что важно, незамедлительную помощь оказали нам местные келецкие партизаны. Добрый словом я вспоминаю Антония Бонгацкого, Станислава Лукавского, Антония и Францишека Кобрынов, Яна Бембена, Болеслава Жепу, Антония Венцека, Станислава Собата, Мариана Поневерку, Владислава Зембю, Станислава Сквороня, Яна Рака, Станислава Бартосха, Тенчика, а также Пацыгу и Дзедзица. Эти люди не только помогли группе Рыковского принять десант, но оставались с нами весь день и заботились о нас, как братья, несмотря на то что сами были основательно измотаны сначала ожиданием, а потом розысками в лесу приземлившимся партизан и сброшенного груза. Их самоотверженность создавала атмосферу единства и боевого братства. Это мне сразу бросилось в глаза. Правда, я летел сюда с надеждой. Но в то же время опасался самоизоляции, одиночества, боялся, что не смогу найти общий язык с людьми Келецчины. Это означало бы провал операции. Без помощи дружественно настроенного населения в тылу партизанский отряд обречен на изоляцию и развал, и никакая даже самая прекрасная идея не остановит этого процесса... Мы вылетали, не зная условий, в которых нам предстояло действовать, не зная расстановки классовых сил в этом районе. И поэтому, когда наши новые друзья сообщили нам, что они являются членами Стронництва Людового¹ и сражаются в рядах Батальонов Хлопских, мы искренне обрадовались тому, что с самого начала нашли поддержку у людей из массовой политической и военной организации. Таким образом, сбывались надежды: нас приняли, как своих...

Наступила ночь. Мы вновь выслали разведчиков, но на этот раз не только для оценки обстановки в рай-

¹ Стронництво Людово — крестьянская партия. Образовалась в сентябре 1944 г. Она объединила левые элементы крестьянского движения. СЛ тесно сотрудничала с ППР в проведении демократических преобразований в стране, в борьбе за создание и укрепление народно-демократического польского государства. — Прим. ред.

оне, непосредственно примыкающем к нашему лагерю, но и для того, чтобы установить связь с местным руководством левых политических организаций, действующих на Келецкой земле, таких, как Армия Людова и Батальоны Хлопске. Работы по оборудованию лагеря в основном были завершены. Бойцы легли спать. У меня наконец выдалась минута свободного времени, и Рыковский мог теперь спокойно рассказывать мне о приключениях, выпавших на его долю во время разведки.

В РАЗВЕДКЕ

Началось с того, что он чуть не переломал себе кости, и притом самым глупейшим образом. Случилось это после первого неудавшегося вылета, когда летчик не сумел отыскать место выброски; самолет, вернувшись на базу, приземлился на аэродроме у Варваровки, и удрученные люди готовились покинуть самолет. Открыли люк. И тут какой-то досужий остряк, заметив, что измученный ночным перелетом командир продолжает сладко спать, крикнул ему в самое ухо:

— Прыгай!

Рыковский вскочил как ошпаренный, бросился к люку и, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, прыгнул вниз.

Летел он недолго, но довольно сильно ударился о землю. Со стоном поднявшись, он наградил остряка проклятиями. Лишь ощупав себя и убедившись, что все обошлось без сколько-нибудь серьезных последствий, он повеселел и даже нашел, что шутка вообще-то удалась, хотя, пожалуй, и была несколько рискованной — ведь даже упав с высоты двух метров, можно сломать ноги.

На следующую ночь пропал один из партизан, уже там, в тылу, после выброски. Собрались все, за исключением одного. Обшарили поляну вдоль и поперек, плавали сигналы — все безрезультатно. Ждать больше было нельзя. Отошли на несколько километров и, едва стало светать, укрылись в небольшой, но густой рощице, втиснутой в развилику лесных дорог. Казалось, худшего места для укрытия нельзя было и придумать, так как рощица не примыкала к основному массиву леса и находилась почти у самой дороги. Однако такой опыт

ный лесничий и старый охотник, как Рыковский, знал, что именно в этой небольшой и одинокой рощице они будут в наибольшей безопасности. Никому и в голову не придет, что они укрылись именно здесь, в месте, так мало подходящем для этой цели.

Однинадцать человек, усталых, невыспавшихся, улеглись на душистую хвою, укрытые густыми кустами можжевельника. Однинадцать, а что стало с двенадцатым? Может быть, он ударился при приземлении и сейчас лежит где-нибудь без сознания? А может быть, в отчаянии бродит по лесу, безуспешно разыскивая своих товарищ? Он прыгал последним, и его могло отнести далеко в сторону. Все ли сделано, чтобы его найти? Если немцы устроят облаву, он неизбежно попадет к ним в лапы. Черт побери! Все так удачно собрались, и надо же было одному куда-то запропаститься! Теперь, когда они лежали в томительном бездействии, эти мысли начинали преследовать Рыковского неотступно.

...Он рассказывал, а у меня перед глазами стояла картина, о которой я не хотел пока говорить, не услышав откровенных признаний Рыковского, не ощущив сам того беспокойства, которое одолевало его там, в нагретой солнцем рощице...

Я стоял на зеленом ковре аэродрома, когда приземлялся самолет, вернувшийся после выброски наших разведчиков.

Заглушив неподалеку от меня моторы, летчик высыпался из кабины и доложил о выполнении задания. Облегчению вздохнув, я от всего сердца его поблагодарил и спросил, удачно ли прыгнули наши ребята. Летчик ответил, что ребята оказались молодцами, только один испугался и не прыгнул. Я почувствовал, как мое лицо покрывается краской. В этот момент в фюзеляже самолета распахнулся люк и по приставной лесенке стал неловко спускаться вниз один из наших разведчиков. Я смотрел на него, не веря своим глазам: ведь это один из тех, кого мы так тщательно отбирали, кому безоговорочно верили! Он был бледен как полотно. Мне стало так неловко, словно я сам был на месте этого несчастного. А там, в тылу, Рыковского мучили угрызения совести...

Рыковский продолжал рассказ. На дороге, видневшейся сквозь кусты, показались вооруженные люди. Из

отрывочных фраз, долетавших до разведчиков, можно было заключить, что они кого-то ищут. Правда, говорили они по-польски, и у Рыковского появился большой соблазн вступить с ними в переговоры, но, судя по отдельным их репликам, парашютистов они отнюдь не считали друзьями. Следовательно, если это и партизаны, то, видимо, не из наших. А что, если это переодетые немцы? Могло быть и так. Рыковский должен был соблюдать особую осторожность, поскольку совершенно не знал здешней обстановки. Правда, это были его родные края, но за последние годы здесь многое изменилось. Необходимо было сначала собрать хоть какие-то сведения о положении дел в этом районе, а поэтому приходилось ждать вечера. Решили под покровом темноты добраться до какой-нибудь деревни, и там, расспрашивив людей, выяснить, кто тут за кого и кто против кого...

А день выдался знойный, безветренный. Молодые соренки почти не давали тени, а густые кусты можжевельника, тесно обступившие их со всех сторон, тоже служили плохим укрытием от стоявшего в зените солнца. К полудню раскалилась даже земля, точнее говоря, хвоя, покрывавшая ее толстым упругим ковром. От ковра шел одуряющий аромат. Все было бы чудесно, если бы еще время от времени хоть легкий ветерок освежал раскаленный застывший воздух. Одним ароматом дышать не будешь, и людям грезились прибрежные луга, свежий речной ветер, прохладная глубь воды. Но надежность убежища не позволяла расслабить ни нервы, ни пояса: до слуха разведчиков то и дело доносились голоса преследователей.

Попытались уснуть, оставив трех часовых, но это не очень-то удавалось, хотя все и провели бессонную ночь. Попытались есть — жирные консервы и сухари застревали в горле, хотя организм и требовал подкрепления. Выпили остатки воды, а жажда мучила все больше. Люди чертихались, жарясь под беспощадным июньским полуденным солнцем в своем зимнем обмундировании и толстых шинелях.

Рыковский отвел взгляд от вымершего поля, которое простипалось впереди кустов можжевельника, и посмотрел на своих людей. Они лежали в разных позах и, спрятав головы в жидкые пятна тени, в полусне хватали воздух широко раскрытыми ртами.

Он смотрел на них и думал о выпавших на их долю тяготах и о том мужестве, с которым они их переносили. Они добровольно пошли на эту рискованную операцию, готовые драться, а приходится вот жариться на солнце, словно рыба на сковороде, бессмысленно топтаться в кустах целый день, не смея высунуть носа из этого жалкого убежища!

Они пришли сюда из разных концов страны. По-разному складывались их судьбы, прежде чем вывести на дорогу к родине. И дорога эта была нелегкой. Сколь же возвышенной и прекрасной была идея, которая их вела!

Нет, они не были коммунистами, не был им и сам Рыковский. Просто они были людьми, считавшими, что гитлеризм — это смертельный враг человечества и что надо сделать все, чтобы этот враг не мог больше глумиться над их родиной... Кто эти люди?

Поручник Францишек Чижевский, заместитель командира группы. Он лежит рядом с Рыковским и шепотом говорит, прикрывая воспаленные глаза:

— Мы тут как в мышеловке, чуть начнет смеркаться, надо сматываться.

Родом он из деревни, перед войной окончил лицей в Кременце, работал учителем. Людовец¹.

— Чуешь, пахнет спелой рожью, — шепчет он чуть слышно, — недели через две можно будет косить.

Чуть дальше лежит подпоручик Бронислав Фронцикевич. Прозвище Слон к нему на редкость подходит: он громаден и отличается необыкновенной силой. Говорит медленно, с мягким вильнюсским акцентом.

За ним — хорунжий Болеслав Старонь, из Силезии, шахтер из-под Катовице. Мобилизованный в немецкую армию, он сбежал из нее при первом же удобном случае и перешел к партизанам. Здесь стал незаменим и как опытный солдат, и как человек, в совершенстве владеющий немецким языком.

Похожий путь прошел и хорунжий Бернард Фургол, родом из Опольской Силезии. Он не имел ни малейшего желания служить гитлеровцам и хотел отомстить за все, что пришлось от них вытерпеть. Теперь у него для этого все возможности.

На противоположной стороне полянки — хорунжий

¹ Член ППЛ — Польской партии людовой.— Прим. ред.

Антоний Добровольский, переведенный в партизанскую бригаду из штурмового батальона как специалист-подрывник. Рядом с ним — сержант Бронислав Быкас родом с Волыни. Засунув голову в кусты, он пытается дремать.

Слева от командира тяжело дышит сержант Владислав Цыбульский, один из четырех братьев, отличившихся при обороне Пшебраже. Год назад, раненный несколькими пулями в грудь, он с трудом оправился от ран, но уйти из отряда не захотел. Силы его восстановились, но боли в груди нередко еще дают о себе знать.

— Его, кажется, начнет сейчас бить кашель, — тихо шепчет Анатолий Жук, — дайте ему что-нибудь глотнуть...

Это действительно было бы очень некстати — кашель мог привлечь незваных гостей. Жук поворачивается и внимательно осматривает лежащее впереди поле. Оттуда может прийти опасность, там рыщут преследователи. Если разведчиков обнаружат, им придется тут. Опытный партизан, Жук прекрасно понимает, насколько ничтожны шансы выдержать бой в этом небольшом редком лесочке.

Потом Жук оглядывается назад, где радиостанция Иван Колесников сонно ворочается у своей рации. Этот молодой смелый русский парень добровольцем пошел в разведку.

Если они попадут в руки к немцам, один конец ждет всех; если же их захватит отряд польских фашистов-энэсэсовцев, головой рискует в первую очередь именно этот парень из-под Калуги.

День тянулся бесконечно долго. Люди не только не отдохнули, а еще больше истомились. И только когда солнце стало клониться к лесу, а с лугов чуть потянул свежий ветерок, все немного повеселели. Было еще достаточно светло, и вставать с земли, с мягкой, нагретой солнцем хвои, пока не стоило. Люди вдыхали посвежевший воздух, и в глазах у них засветилась радость от того, что этот утомительный душный день, кажется, все-таки кончается.

Небо на востоке все больше темнело, свет дня угасал за лесом вместе с розовым закатом. Теперь наконец можно было подняться и расправить занемевшие ноги и

руки. Преследователи, видимо, ушли; Рыковский приказал выступать.

В первых прозрачных сумерках люди почувствовали себя спокойнее, но тревога не оставляла командира. Он никак не мог точно определить, в каком месте они находятся.

Разведчики дошли до леса и двинулись вдоль просеки. Рыковский внимательно осматривался по сторонам, терпеливо отыскивая дорожные знаки. Но лес, как видно, был частным владением, и никаких знаков на пути пока не попадалось. Перед разведчиками лежала холмистая местность, вдалеке угадывались контуры более высоких возвышенностей, а на карте они были обозначены почти со всех сторон. Оставалось одно: как можно скорее добраться до какого-нибудь жилья и выяснить обстановку. Конечно, при этом надо сохранять осторожность — поди знай, на кого напорешься. Безусловно, где-то здесь есть и друзья, но как их найти, как отличить от врагов? К сожалению, приходилось считаться и с тем фактом, что не только немцы могут встретить их как непрошеных гостей.

Рыковский решил двигаться строго на юг, никуда не сворачивая. Мрак еще не совсем сгустился, когда на краю одной из полян они заметили человека. После минутного колебания, внимательно осмотревшись вокруг и убедившись, что он один, разведчики осторожно подошли к нему. Это был крестьянин, он собирал в лесу хворост.

— Добрый вечер, хозяин!

— Добрый вечер, панове! — ответил крестьянин, снимая шапку и вытирая потный лоб. Он, кажется, не испугался и особенно не удивился появлению вооруженных людей.

— Хворост собираете? — вступил в разговор Рыковский.

— Да, вот... — подтвердил крестьянин.

— Отдохни, давай покурим, — предложил кто-то из разведчиков, протягивая крестьянину кисет.

— Это можно, — согласился крестьянин. — Почему не покурить.

— Далеко отсюда живете? — спросил Рыковский.

— Да нет... Километра два будет. А может, и не будет.

— А как деревня называется?

— Гута-Шклярска. Да какая это деревня, так, всего несколько халуп.

— А другие деревни здесь поблизости есть?

— Есть, а как же! Вон там, — показал он рукой, — Цисув, там Оцесенки, а если в ту сторону идти, как раз Далешице будет.

«Ага, — обрадовался Рыковский, — значит, летчики не ошиблись, это как раз тот самый район. Он обозначен на карте, о нем говорится и в приказе». Откровенно говоря, Рыковский несколько опасался, что их сбросили не там, где надо.

— Немцы здесь есть?

— Какие там немцы, панове! — ответил крестьянин. — Они сюда и носу не кажут. Даже в Далешице их нету, я уж не говорю о Цисуве или там Оцесенках. Отсиживаются в городах, в Сташуве, Лагуве, Шидлуве, ну и в Кельце, конечно.

— Что, наверно, партизаны их пуганули? — поинтересовался Рыковский.

Однако от разговора на эту тему крестьянин уклонился, почесал в затылке, шмыгнул носом и прикинулся непонимающим:

— Я, панове, в этих делах не разбираюсь, семья у меня на шее, хозяйство вести надо.

— А не продали бы вы нам чего-нибудь поесть?

— На продажу сейчас ничего нет, а поделиться, коли у вас нужда, можно, молоко и картошка найдутся.

— Ну так идем, — решил Рыковский.

— Куда?

— Да в эту вашу Гуту-Шклярску. Проводиши?

— Можно, — ответил крестьянин. — Я и так уже домой собрался.

Рыковский с крестьянином пошли впереди, за ними гуськом — партизаны. Крестьянин вёл уверенно, спокойно, но на вопросы, касающиеся подробностей жизни в оккупации, отвечал неохотно. Чувствовалось, что он не может понять, с кем имеет дело. С оружием, в форме — все это хорошо, а кто они — разве разберешься...

Житейский опыт подсказывал ему, что сейчас не те времена, чтобы болтать, а поэтому самое лучшее — побольше помалкивать. Однако имени своего он не скрывал, назывался Доманьским, рассказал, что живется в

этих краях трудно, одолевают реквизициями. Привел и еще кое-какие факты, подтверждающие трудности жизни, однако комментировать их явно не хотел. Но когда Рыковский на какое-то время умолк, он все-таки не выдержал. Взяло верх простое человеческое любопытство.

— А вы что, не тутошние? — спросил он осторожно.

— Нет, — признался Рыковский. — Мы прилетели на самолете.

— Я так и думал. — Доманьский покивал головой. — Из Англии, да?

— Нет, с востока. Из польской армии. — Рыковский сразу же подумал, не преждевременно ли он об этом сказал, может, не следовало пока говорить? И поспешил добавить: — Прилетели помочь вам бить гитлеровцев...

Крестьянин замолк. Да, видно, чуть поспешил... Крестьянин крестьянину рознь, кто его знает, на чью сторону склоняется Доманьский, как относится к армии с востока? Ведь здесь велась враждебная пропаганда.

Разведчики вышли на обширную поляну. Несколько разбросанных по ней хат выделялись светлыми пятнами на фоне темного леса. На минуту все остановились. Доманьский снова почесал в затылке, словно о чем-то размышляя, потом, решившись, предложил:

— Идемте, панове, ко мне.

Это был наилучший вариант, возражений не последовало. Едва очутившись во дворе Доманьского, разведчики первым делом попросили ведро и бросились к колодцу. Холодную воду пили с жадностью, не отрываясь. Потом умывались, охлаждая разгоряченные лица и смывая пыль. Бодрость вернулась будто по мановению волшебной палочки, особенно когда хозяйка вынесла всем по огромной краюхе хлеба и по кружке ароматного парного молока. Доманьский пригласил всех в дом, но вошли только Рыковский и Чижевский. Остальным было приказано оставаться во дворе.

— Нечего им тут толкаться, на улице тепло, — заявил хозяину Рыковский.

Хозяйка усадила офицеров за стол, угостила молоком. Они пили, с любопытством присматриваясь к хозяевам. Кроме взрослых здесь было несколько ребятишек и парень лет двадцати. Попытались завязать раз-

говор, но беседа как-то не клеилась — хозяева были явно не расположены к откровенности, а на ребятишек, которые поначалу порывались отвечать на вопросы, они прицыкнули. Чувствовалось, что при всей их внешней доброжелательности хозяева все же не доверяют гостям.

Было уже поздно. Рыковский заплатил хозяину несколько марок, договорился, что спать они будут в риге, и, поблагодарив за ужин, вместе с Чижевским вышел из хаты. В последний момент он заметил, что молчавший все время парень, сын хозяина, проводил их настороженным взглядом.

Выставили охранение, с удовольствием развалились на душистом сене и, утомленные тревогами дня, мгновенно заснули. Только Рыковский некоторое время еще вертелся с боку на бок у стены, злясь, что не сумел выпытать у Доманьского, на кого же все-таки здесь можно полагаться...

Выспаться не удалось. На рассвете часовой поднял группу по тревоге, доложив, что от леса, сразу с нескольких сторон, приближаются вооруженные люди.

Спустя несколько секунд все были во дворе в полной боевой готовности. Рыковский расставил людей, приготовившись к обороне, а сам вместе с Чижевским заскочил в хату. Ему сразу же бросилось в глаза, что старший сын хозяев исчез.

— Я ничего не знаю, панове, — торопливо оправдывался Доманьский. — Разве за ним уследишь, его все время где-то черти носят...

— Что это за люди? — спросил Рыковский, кивнув головой в сторону окна.

— Свои, пан, партизаны. Як бога кохам! — божился Доманьский, явно смущенный и перепуганный. — Свои, ей-богу, не бойтесь!

— Посмотрим... — бросил Рыковский. — Детей в погреб, из хаты не выходить!

Офицеры выбежали во двор.

Наблюдатели доложили, что вооруженные люди приближаются и, видимо, намереваются окружить дом. Их примерно около сотни.

Разведчики без труда могли уже различить разношерстную одежду и даже оружие пришельцев, тоже довольно разнообразное и далеко не самое современное.

— Стрелять только по моей команде, — приказал Рыковский.

На лицах разведчиков застыло напряжение. Изголовившись к бою, они держали на прицеле подходящих людей, готовые с оружием в руках защищать свою жизнь. И все-таки Рыковский в глубине души надеялся, что окружающие настроены по отношению к ним не так враждебно, как это на первый взгляд могло показаться.

Действительно, наступающие вскоре остановились. От одной из этих групп отделились два человека и направились в сторону дома. Винтовки у них висели на плече. Когда, беспокойно оглядываясь, они вступили во двор, Рыковский вышел навстречу и приветливо с ними поздоровался. С заметным удивлением косясь на его звездочки, они отдали честь, после чего один из них сказал:

— Пан поручник, нам приказано передать вам требование нашего командира: ваши люди должны сложить оружие, а вы лично — последовать за нами для переговоров.

— А кто вы такие? — спросил Рыковский.

— Польские партизаны.

— Очень хорошо, мы тоже, — ответил Рыковский. — А поэтому зачем же нам складывать оружие? Перед своими!

— Нам это неизвестно. Мы только передаем приказ командира.

— Ладно, — ответил Рыковский. — В таком случае передайте своему командиру, что я с удовольствием пойду, чтобы переговорить с ним, но сложить оружие мы никак не можем. Мы польские солдаты, и для нас честь солдата и честь нашего солдатского мундира превыше всего. Передайте своему командиру, что оружие нам нужно не для того, чтобы драться с вами, с людьми, которых мы считаем своими, а для того, чтобы использовать его против гитлеровцев.

Парламентеры растерянно переглянулись, отдали честь и удалились. Рыковский пакоротке посовещался со своими людьми. Нет, сдавать оружие никто не собирался. Не для того они летели за тридевять земель, не для того, презрев страх, прыгали в темную бездну, чтобы теперь, по первому требованию какой-то местной ваташки, отступиться от своей цели. Кроме того, речь шла

не только о них самих. С их судьбой связана и судьба еще ста человек, ста их товарищей, друзей, соратников по оружию. Что говорить, каждому хотелось жить, но такой ценой...

Рыковский все-таки рассчитывал, что дело не дойдет до кровопролития, ведь как-никак те тоже поляки. Нежели они решатся стрелять в своих?

— Слушай, — обратился он к Ване Колесникову, — ты, брат, притворись, что у тебя болят зубы, и чтобы ни звука, понял? Будет лучше, если они не поймут, что ты русский...

Ваня молча кивнул головой. Ему было обидно. Как же так? От тех, кому он пришел помогать в борьбе против гитлеровцев, ему приходится скрывать свою национальность.

— Не бойся, мы тебя в обиду не дадим, — сказал Рыковский. — Ты только пуще глаза береги радиостанцию, это твоя единственная и самая главная забота...

Немного спустя во дворе снова появились уже знакомые парламентеры. Однако они повторили прежнее требование — сложить оружие.

— Я пойду с вами, — решил Рыковский. — Надеюсь, на месте мы договоримся скорее. А вы, ребята, — успокоил он разведчиков, — не волнуйтесь. Я наверняка с ними договорюсь, такого еще не бывало, чтобы поляк с поляком не договорился.

Командование отрядом он поручил Чижевскому, а Цыбульскому приказал идти вместе с ним. Парламентеры повели их к одной из групп, остановившейся невдалеке.

Впереди стояло несколько офицеров в зеленых английских мундирах с пистолетами в кобурах и автоматами на груди.

Рыковский подошел к ним, отдал честь и представился, подав каждому руку. При этом он, правда, несколько опасался, что они могут не ответить на этот жест, но мгновение колебался лишь один из них, назвавшийся поручиком Каташиной. Стало сразу ясно, что он настроен наиболее враждебно и непримиримо. Без всяких обиняков он спросил:

— Кто вы и что здесь делаете?

Был он низкого роста и смотрел на Рыковского несколько снизу вверх. С его одутловатого лица не схо-

дило выражение неприязни. Рыковский тем не менее изобразил на лице доброжелательную улыбку:

— Мы солдаты Первой армии Войска Польского и прибыли сюда драться с гитлеровцами, помочь нашим землякам здесь, в тылу врага... А вы, панове, позвольте узнать, кого представляете?

— Мы солдаты Армии Крайовой, единственной законной польской армии, — ответил Катажина.

— Это следует понимать так, что нашу армию вы считаете незаконной?

— Совершенно верно!

— Из сказанного вами следует, что и наша армия, сражающаяся на западе, тоже незаконна? — спросил Рыковский с чуть заметной усмешкой.

— Не пытайтесь ловить меня на слове! — раздраженно возразил Катажина. — Армия на западе и на юге подчинена, как и мы, законному правительству в Лондоне. А вы просто банда большевиков! И мы не позволим, чтобы вы безнаказанно рыскали по нашей земле и сеяли здесь коммунистическую заразу! Зарубите это себе на носу! Мы не нуждаемся в вашей помощи и сами сумеем разделаться с немцами!

— Позвольте спросить вас, пан поручник, — с убийственной вежливостью произнес Рыковский, — почему и зачем, если вы одни в состоянии справиться с немцами, существует целая коалиция антифашистских государств? Очевидно, вы так же хорошо, как и я, знаете, что судьба этой войны в основном решалась под Сталинградом. Что бы вы там ни имели против России, но вы должны признать тот бесспорный факт, что армия именно этой страны наносит основной урон гитлеровцам. Она уже под Ковелем, еще один удар — и она будет здесь. И чем скорее, тем, конечно, лучше, тем меньше наших людей успеют уничтожить фашисты. А потому нужно сделать все для победы. Полякам пора наконец объединиться в борьбе.

— Довольно! — багровея, крикнул Катажина. — Это избитая коммунистическая пропаганда! Мы не желаем ее выслушивать, не за этим вас сюда пригласили! Мы не желаем видеть коммунистов на своей земле и не потерпим здесь агентов Москвы. Сдайте оружие — и точка!

— Я ничего не могу понять, — мягко, с деланией наивностью заметил Рыковский, обращаясь к остальным

офицерам и с удовлетворением отмечая, что на их лицах не заметно той непримиримой враждебности, которая так и распирала Катажину. — Я ничего не могу понять. Мы совсем не коммунисты, ни я, ни мои люди. И почему нас называют агентами Москвы, если мы такие же поляки, как и вы, и так же, как и вы, хотим сражаться за Польшу?

— Ну, ну, ну! — взъерошился Катажина. — Попрошу не ставить нас на одну доску с вами. Мы действительно поляки и воюем на своей земле, вы же явились черт знает откуда!

— Мы прилетели с Волыни, — ответил Рыковский. — До войны я, например, служил там лесничим. В районе Киверец. А родился здесь, в Радоме, жена моя родом из-под Скаржиско. Так что вернулся я на родную землю. В чем же вы меня обвиняете?

— Нечего сказки рассказывать, — буркнул Катажина. — Чем подлей шпион, тем красивее поет, нас не приведешь. Хватит разводить дипломатию, сдавайте оружие — и все.

«Вот упрямый осел, — с беспокойством подумал Рыковский. — Он спит и видит, как бы поскорее нас прикончить. Но у тебя это не выйдет, голубчик. Тебе хочется получить наше оружие, но его надо еще взять, и посмотрим, не отпадет ли у тебя охота».

Рыковский был взбешен, но не терял пока надежды найти способ избежать кровопролития. Во-первых, такая стычка представлялась ему совершенно бессмыслицей, а во-вторых, разведчики в этом бою не имели бы никаких шансов уцелеть — численное превосходство аковцев было слишком очевидным. Только он собрался еще раз воззвать к рассудку этих людей, как вдруг заговорил один из молчавших до сих пор офицеров. Представляясь, он назвался Верным. Это, очевидно, был псевдоним.

— Насколько я понял, — обратился он к Рыковскому, — вы до войны служили недалеко от Киверца на Волыни?

— Совершенно верно, — подтвердил Рыковский.
— Тогда вы должны знать деревню Добрую.
— Конечно. Я знаю эту деревню.
— В таком случае вы, вероятно, что-нибудь слышали о Добровольском, учителе из Доброй?

— Ну как же, — улыбнулся Рыковский. — Вы имеете в виду Вацека Добровольского, невысокого такого, в очках?

Верный посмотрел на Рыковского с откровенным интересом.

— А не знаете ли вы случайно, где он сейчас? — спросил он.

— Знаю, — ответил Рыковский, хитровато прищурив глаза. — Сейчас он как раз готовится к вылету. Надеюсь, что через несколько дней вы сможете увидеть его собственными глазами.

Офицеры изумленно переглянулись.

— Да, да, — добавил Рыковский тем же непринужденным тоном. — А вы знаете его двоюродного брата? Прощаясь перед моим отлетом, Вацек просил поискать его и передать привет. Мне хотелось бы исполнить его просьбу.

Верный удивленно вскинул брови.

— А как зовут этого брата? — спросил он, явно заинтересованный.

— Как зовут... — Рыковский в раздумье потер подбородок. — Сейчас, сейчас... Его зовут Скробот.

Верный вздрогнул.

— Вы знаете его? — спросил Рыковский.

— Да, — смузяясь, ответил Верный. — Спасибо за привет...

Офицеры заметно повеселились, их лица стали более доброжелательными. Они отошли немного в сторону и вполголоса начали о чем-то совещаться.

Рыковский понял, что благодаря такой почти неправдоподобной случайности, как встреча с братом Добровольского, положение сразу же изменилось. Теперь он почувствовал под ногами твердую почву, надо было на ней утвёрдиться.

— А не знает ли кто-нибудь из вас деревню Паршув под Вонхоцком? — спросил он, упреждая этим вопросом какой-либо новый выпад со стороны непримиримого Катажини.

— Я знаю эту деревню, — ответил один из офицеров.

— А семью Шумелевичей?

— Кого именно?

— Владека, Олека...

— Вы знакомы с Олеком? — обрадовался офицер. —

Я учился с ним вместе в гимназии. Хороший был парень...

— Почему был?

— Немцы бросили его в Освенцим, — объяснил офицер. — А вы знаете, что это за место, что там творят гитлеровцы с людьми...

Катажина был взбешен. Ядовитым шепотом он втолковывал что-то молодому щуплому поручнику, который, представляясь, назывался Барабашем. Слушая Катажину, Барабаш понимающе кивал головой, а затем, попросив у Рыковского извинения, отозвал офицеров в сторону. Какое-то время они совещались и, судя по их возбужденным голосам и сильной жестикуляции, никак не могли прийти к единому мнению.

Рыковский почувствовал, что чаша весов стала склоняться в пользу разведчиков. Однако Катажина оказался упрямее, чем мог предположить Рыковский. Правда, вернувшись, он стал более любезен, однако от своих требований не отказался.

— Мы все-таки вынуждены вас разоружить, — сказал он, на этот раз несколько мягче. — Вы должны понять, поручник, мы не можем допустить, чтобы вооруженная группа неизвестных нам людей бесконтрольно действовала на нашей территории.

Рыковский про себя чертыхнулся. Но теперь он уже был более уверен в себе, чувствовал, что завоевал расположение Барабаша, Верного и третьего, с которым говорил об Олеке Шумелевиче. Поэтому он спокойно ответил:

— Мы не претендуем на самостоятельность и можем действовать совместно с вами.

— Нам будет спокойнее, если вы сдадите оружие, — возразил Катажина. — Действовать совместно с вами мы и не хотим, прошу простить меня за откровенность, и не можем. Для этого нам нужны соответствующие указания нашего командования...

— Мне понятны ваши опасения, — ответил Рыковский. — Вы нас не знаете и вправе предполагать возможность враждебных действий с нашей стороны. Хорошо. Однако вы не можете не принять во внимание то существенное обстоятельство, — Рыковский выложил свой главный козырь, — что мы просто не можем сдать оружие. Мы польские солдаты и дорожим своей солдат-

ской честью. Сдать оружие — значит покрыть себя позором, а на это мы никогда не пойдем.

— Это мы уже слышали, — буркнул Катажина.

— Я повторяю это совершенно сознательно. — Рыковский знал, что теперь может рассчитывать на несколько иную, чем прежде, реакцию офицеров, на более сочувственное отношение к его заявлению. — Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь идет обуважении к нашей солдатской чести. И я, панове, взываю к вашей. Но я понимаю и ваше положение, а потому предлагаю компромиссное решение: мы согласны находиться под вашей охраной в течение двадцати четырех часов, располагаясь поблизости от вашего лагеря, а вы тем временем свяжетесь со своим командованием. Надеюсь, что все решится, к взаимному удовольствию. Согласны?

— Нет, — возразил Катажина. — Сначала сдайте оружие, а уж потом начнем переговоры!

— Что же это будут за переговоры? — рассмеялся Рыковский.

— Действительно, — согласился Барабаш и, снова отозвав своих в сторону, стал с ними совещаться. На этот раз результаты совещания были более благоприятны для Рыковского.

— Вы останетесь под нашей охраной по меньшей мере сорок восемь часов, — объявили ему. — Мы свяжемся с командованием округа, и там решат, как с вами поступить дальше.

Рыковский облегченно вздохнул. Это уже достижение. Двое суток. Если за это время даже и не придет положительное решение из округа АК, — а он на него втайне рассчитывал, наивно полагая, что там, вверху, имеется какая-то связь между штабами, — то все-таки будет время найти какой-то разумный выход из этого щекотливого положения. К счастью, аковцам не пришло в голову хотя бы бегло осмотреть снаряжение разведчиков, и рацию они не обнаружили. Без нее разведчики были бы полностью оторваны от своих и, конечно, никак не смогли бы выполнить своей задачи.

Согласовали детали дальнейших действий. Катажина настаивал, чтобы на марше группа разведчиков находилась в середине аковской колонны, Рыковский с этим не соглашался.

— Зачем же превращать нас в пленников! Мы не будем отдаляться от вашей колонны, но пойдем в хвосте. Вам нечего опасаться, мы же не можем испариться.

Ему удалось их убедить, сначала Барабаша и других офицеров, а затем уже под их влиянием и Катажину.

— Здорово ты их обработал, — радостно говорил Цыбульский. — А мне уж казалось, что они вот-вот на нас набросятся.

— Да и я так думал, — признался Рыковский. — Перестреляли бы нас в этом дворе, как куропаток.

— А может, они какой подвох надумали?

— Будем начеку, хотя мне кажется, что они боятся нас больше, чем мы их. А вообще-то, видно, они не плохой народ и с ними вполне можно договориться, если бы, конечно, не этот сукин сын Катажина.

Вернувшись, Рыковский сразу же собрал своих и подробно растолковал, как им следует себя вести.

— Помните, — наставлял он, — главное — спокойствие. Внимательно следить за всем, что делается вокруг, но не проявлять никакой подозрительности. Наборот, старайтесь установить дружеские отношения с их людьми, убедить их, но деликатно, что мы им не враги, что у нас одна с ними цель. Ясно?

Как только они присоединились к аковской колонне, началось проведение операции «Дружба». Это оказалось не таким уж трудным делом.

Разведчиков искренне интересовало, как идут дела у местных партизан, а аковцы, в свою очередь, с неподдельным интересом расспрашивали о борьбе с оккупантами на Волыни, о Первой армии, об отношении русских к полякам. Было очевидно, что настроены они далеко не так категорично, как Катажина, хотя и испытывали некоторые сомнения. Разговоры касались не только политических тем; аковцы заинтересовались и отличным оружием, и обмундированием разведчиков и не скрывали своей зависти. Некоторые допытывались у Вани Колесникова, что за ящики тащит он на спине, но ничего не могли из него вытянуть. Парень только болезненно улыбался из-под намотанного на голову полотенца и, держась за щеку, бормотал что-то нечленораздельное.

— Прихватило парня, просто беда, — объясняли его товарищи, — похоже, воспаление надкостницы...

— Жуткая вещь, — посочувствовал один из аковцев. — Надо разыскать зубного врача, вырвать зуб, и будет порядок.

В глазах у Вани мелькнул страх. К счастью, врача найти не удалось...

В Цисуве Катажина объявил привал. В небольшом магазинчике хлопцы с ходу раскупили все папиросы и хлеб. Ничего более соблазнительного здесь не оказалось, кроме самогона, конечно, в котором в те времена нигде не было недостатка.

— Пропустим по маленькой, — предложил Катажина, обращаясь к Рыковскому и Чижевскому.

— Можно, — согласился Рыковский. Однако прежде чем последовать за аковцами в заднее помещение магазина, шепнул своим, чтобы держались все вместе и не отлучались со двора. — Никому не давайте втягивать себя ни в какие конфликты. И посматривайте, что делают офицеры...

Он рассчитывал на лояльность Барабаша, Верного и других, но никак не Катажины. Ему казалось, что тот не отказался от мысли разоружить разведчиков и может пуститься на провокации. Рыковский решил во что бы то ни стало выиграть время, полагая, что, чем больше людей узнает об их появлении, об их присутствии в этих краях, тем труднее Катажине будет решиться на то, чтобы разделаться с ними. А после того как о прибытии Первой армии станет известно командованию АК, расправа над земляками вообще приобретет характер политического скандала.

Все расселись вокруг большого стола, уставленного бутылями с самогоном и закусками, при виде которых у всех текли слюнки. Выпили по несколько рюмок; разведчики причмокивали от удовольствия — польский самогон был лучше украинского из свеклы, разве что чуть послабее. Однако настроение за столом пока не менялось, все продолжали держаться настороженно и официально.

«Проще всего договориться за рюмкой, — думал Рыковский, — надо только суметь сделать это половчей».

— Панове, давайте-ка уберем эти наперстки. — Он поднял свою крохотную рюмку. — Это же для карликов. Подавай сюда стаканы!

— Ну, ну! — процедил Катажина, исподлобья глядя на Рыковского. — Упьетесь.

— Хозяин, стаканы! — крикнул Барабаш.

— Ваше здоровье, поручник! — Рыковский пододвинул один полный стакан Катажине, а второй поднял вверх. — Смерть фашистам!

— Упьетесь, — повторил Катажина, — ну да ладно, посмотрим, кто кого...

Однако после двух стаканов он здорово захмелел, голосом пророка стал предсказывать скорую гибель всех немцев и коммунистов. Повернувшись к Рыковскому и стуча кулаком по столу, уверял, что здесь только он человек дела и истинный поляк, а все эти его приятели — нули, черви, сентиментальные бабы, цацкаются с коммунистами, вместо того чтобы душить их, как тифозных вшей. Вот он, будучи еще во Львове в жандармерии, тогда уже знал, как надо бороться с этой заразой... Потом он ткнулся головой в стол и тяжело захрапел.

Барабаш и его коллеги, казалось, были доволыны, что бывший жандарм наконец заткнулся. Видно, им надоело его хамство. Теперь разговор пошел откровеннее, обсуждалось положение в стране, сложившееся в связи с непрерывными поражениями немецко-фашистской армии и приближением Восточного фронта. Они не питали особого доверия к русским и в то же время ловили каждое слово, развенчивавшее их недоверие. Они понимали, что исход этой войны должен решительно изменить существовавшие ранее отношения между Польшей и Советским Союзом, изменить судьбу их родины. Но думать о политике сейчас им как-то не хотелось, главным для них пока было — уничтожать оккупантов. Конечно, они подчиняются верховному командованию АК — даже в случаях, когда указания этого командования противоречат их внутренним убеждениям. Они не допускали мысли, что может прийти приказ об уничтожении разведчиков, и заверяли их, что постараются представить это дело командованию как нужно: им-то ясно, что мы люди свой и нам надо помочь.

— Будь спокоен, — говорил Барабаш, кладя руку на плечо Рыковского неверным уже движением. — Мы в обиду тебя не дадим. Не затем шли мы в лес, чтобы

драться со своими. Ну скажи, зачем нам с тобой драться?

— Не знаю зачем, — пожал плечами Рыковский. — По-моему, это было бы преступление.

— А Гитлер бы только радовался этому. Нет, собака, не дождется!

Пора было трогаться, но тут выяснилось, что Катажина словно прирос к стулу, его никак не удавалось поднять.

Барабаш тряхнул его раз, другой и, услышав в ответ лишь невнятное бормотание, оставил в покое.

— Пошли! — решил он. — Никуда не денется. Проплите — сам придет.

Все двинулись к выходу. Рыковский подозвал своих и приказал двоим парням поздоровее взять Катажину под руки.

К счастью, аковцы разбили свой лагерь неподалеку от деревни. Разведчики приволокли сюда Катажину, уложили его под деревом, потом вернулись к своим.

Рыковский со своими людьми, как договорились, расположился поблизости в лесу, возле деревни Виделки, в полукилометре от лагеря аковцев. Выставили охранение и легли спать. Только Ваня Колесникову предстояло еще поработать — передать радиограмму.

— Товарищ командир, — чуть не плача, обратился к Рыковскому Колесников. — Аккумулятор сел!

«Вот черт, — выругался про себя Рыковский, — вот это номер! Наша там выходят из себя, пытаются поймать нас в эфире, а тут на тебе! Если и дальше так пойдет, то нечего и думать о выполнении поставленной перед нами задачи!»

— Ваня, — успокоил он Колесникова, — ты не волнуйся! Главное, спокойно. Пошевели мозгами, подумай, должен же найтись какой-нибудь выход.

И Иван оказался на высоте. Он покрутил ручное динамо, поковырял что-то в аккумуляторе, и дело пошло. Правда, при этом пот лил с него в три ручья, но радиограмма все-таки была отправлена. К сожалению, повторить этот фокус разведчикам больше не удалось. Чтобы подзарядить аккумулятор, надо было выбрать удобный момент, чтобы не видели аковцы.

Разведчиков поставили на довольствие в отряде Барабаша. Кормили их нормально — три раза в день горя-

чей пищей. Надо сказать, что лагерь вообще был оборудован отлично и напоминал скорее военный лагерь мирного времени, чем партизанскую базу периода войны. Офицеры имели отдельные палатки, работала прекрасно оборудованная кухня, были столы и даже столовые приборы. Учения проводились без всяких помех, словно сильный немецкий гарнизон не стоял всего в каких-нибудь тридцати километрах отсюда, в Кельце.

Это, конечно, весьма удивило разведчиков, привыкших к опасности на каждом шагу. В то же время это характеризовало расстановку сил на Келецчине. Многое здесь выглядело далеко не так, как поначалу пытались представить Катажина и его офицеры. Партизанская деятельность на территории, которую они называли своей, отнюдь не была монополией Армии Крайовой. Правда, кроме отряда Барабаша здесь действовали еще и другие отряды АК (но, судя по всему, менее сильные), а также хорошо разветвленная разведывательная сеть с агентами в различных пунктах воеводства. Однако это было не все, далеко не все. Помимо аковских отрядов здесь действовали три другие партизанские организации, а именно: Армия Людова, Батальоны Хлопске и враждебные двум первым Народове силы збройне. Если отряд НСЗ, действовавший где-то в районе Ракува, интересовал разведчиков только в силу необходимости избегать его, то демократические АЛ и БХ привлекали их внимание как организации, на помощь которых можно было рассчитывать. Кое у кого из аковцев удалось выведать, что ближайший отряд беховцев расположен в деревне Коженне; были названы даже имена некоторых руководителей этой организации. Нашим разведчикам запомнились два из них: Станислав Бартош и Антоний Бонгацкий.

Спустя два дня, когда стало уже совершенно ясно, что окружное руководство АК не торопится принимать решение о судьбе задержанного отряда парашютистов-разведчиков, Рыковский решил действовать сам. Предприняв все меры к тому, чтобы аковцы не разгадали его плана, усыпив бдительность даже Катажины, двадцать восьмого апреля вечером он потихоньку созвал своих людей, и под покровом ночи они двинулись форсированным маршем на восток, в сторону деревни Коженне.

Это была дьявольски трудная ночь. В теплых шинелях, с тяжелыми рюкзаками, увешанные оружием и боеприпасами, они прорызались сквозь незнакомый темный лес, руководствуясь только стрелкой компаса. Вперед, только вперед, как можно скорее! Едкий пот заливал глаза, из груди с хрипом вырывалось дыхание. А об отыхе не приходилось и думать. Некоторые, послабее, стали сдавать; им помогали остальные. Бронислав Фронцкевич-Слон оказался не только самым выносливым, но и чутким, верным товарищем: одного он освобождал на время от оружия, у другого забирал рюкзак, Ване помогал тащить рацию.

Рассвет застал их где-то между Коженне и Смыкувом, километрах в пятидцати от аковского лагеря. Они отошли немногого в сторону от дороги, забрались в густой кустарник и разрешили себе наконец отдохнуть. Здесь они были в относительной безопасности. Если бы аковцы даже и обнаружили их исчезновение и выслали погоню, напасть на их след было бы не так просто. Кроме того, вряд ли они двинули бы весь отряд в одном направлении, а мелкие группы не представляли для разведчиков особой опасности, тем более что район, в котором они теперь находились, контролировался отрядами БХ. Но можно было рассчитывать и на то, что никто вообще не будет их разыскивать.

Аковцы не обманули — в этот же день Рыковскому удалось установить связь с нужными людьми. Это были Бартош и Боннацкий. Они не только сами согласились оказать помощь в приеме десанта, но и мобилизовали для этой цели несколько сот других беховцев. Мало сказать «согласились» — они отнеслись к этому с большим энтузиазмом, как к своему кровному делу. И это совершенно понятно, поскольку прибытие с востока партизанской бригады «Грюнвальд», хорошо обученной и вооруженной, укрепляло их собственное положение как с военной, так и с политической точки зрения. Будучи людьми, они идею борьбы с оккупантами неразрывно связывали с идеей социального освобождения; близость наших политических платформ была совершенно очевидна.

Выбрав место для выброски десанта и заготовив банки со смолой для опознавательных костров, Рыковский приказал Ване связаться с нашей базой в Варва-

ровке и передать радиограмму следующего содержания: «К приему бригады готовы. Тяжелого оружия не брать. Лететь на знак «Т» в районе Смыкув. Ройко».

На этот раз у Вани не было затруднений с отправкой радиограммы. Еще раньше ему удалось подзарядить аккумуляторы и отладить радиоаппаратуру. Теперь с базой поддерживалась регулярная связь. Вскоре он передал Рыковскому телеграмму, подтверждающую, что его план принят. «Ваше сообщение понятно. Десант в районе Смыкува. Опознавательный знак буква «Т». Вылетаем тридцатого ночью».

— Теперь меня стала трясти первая дрожь, — продолжал рассказ Рыковский. — Это была внутренняя дрожь, перед людьми я старался ее не показывать — все и без того едва справлялись со своими первами. Однако я боялся. Боялся каких-либо непредвиденных обстоятельств, которые могли усложнить, а то и вообще сорвать задуманную операцию. Все-таки принять почую десант численностью сто человек — дело далеко не пустячное, к тому же нас всех вместе насчитывалось немногим больше двадцати человек. А ведь надо было организовать охрану района по меньшей мере в радиусе двух километров — таким предполагалось вероятное рассеивание десанта. Ну хорошо, думалось мне, а вдруг немцы свалятся нам на голову или эти, не то друзья, — не то враги, что тогда? Тогда крышка, тогда от десанта останутся только рожки да ножки. По-настоящему весь район выброски следовало бы оцепить, но для этого нас было слишком мало. Сам понимаешь, приходилось учиться, что встретить нужно было не только людей — они и сами должны были сделать все, чтобы как можно скорее собраться вместе, — но еще и подобрать контейнеры. А ведь известно, как зловредны бывают эти неодушевленные предметы, как норовят они порой запропаститься в самые неожиданные места... А тут еще в Радоме у немцев авиабаза, и если они пронюхали бы, чем здесь пахнет, если бы выследили вашу эскадрилью, то еще в воздухе вас могли так встретить, что нечего было бы и собирать. А что тут будешь делать? Я сколько угодно мог первничать, опасаться, что вся эта операция окончится провалом, но поддаваться этим настроениям не имел права. Не для того я здесь оказался...

Наступил вечер, все заняли заранее назначенные ме-

ста на поляне. Приготовили пять костров, выложенных в форме буквы «Т». Поджигать их условились по сигналу красной ракеты. Чтобы они быстрее разгорелись и пламя было ярче, собрали смолу, уложив ее в специальные банки. Начали прислушиваться. Одним ухом ловили звуки самолета, который ожидал с востока, другим — шорохи леса.

Время шло, напряжение возрастало. Одному чудился гул моторов на востоке. Другой то и дело вздрагивал, якобы заслышав в лесу чужие шаги.

— Летят, — говорил один.

— Мухи, — отвечал другой.

— Летят, — немного спустя опять шептал кто-то.

— Прочищь уши.

Нервный смешок. Снова тишина. Через минуту опять:

— Летят...

— Коровы мычат.

— Заткнись! Слышиште?

Минутная тишина — и «Летят!» — сразу с нескольких сторон.

Отдаленный рокот моторов нарастал. Рыковский поднял ракетницу, выстрелил, и над поляной на мгновение повисла красная искрящаяся звезда. Несколько секунд спустя вверх взлетели огненные языки костров. Гул моторов приближался...

Наконец первая черная тень огромной птицы пронеслась над лесом, многозначительно подмигнула опознавательными огнями и рассыпала в воздухе белые зонты. Выброска десанта началась, для опасений не оставалось уже времени...

КАПРАЛ ВИНЯРЧИК

Когда Рыковский закончил свое повествование, я крепко его обнял.

— Да, брат, пришлось тебе потрудиться. По совести говоря, после таких трудов тебя следовало бы направить в настоящий месячный отпуск куда-нибудь на берег моря...

— На небольшой живописный пляж, где в тени зеленых пальм я слушал бы мягкий рокот морских волн и волочился за длинноногими загорелыми девицами, — закончил за меня Рыковский, разражаясь смехом.

— Вреда бы от этого не было, — пробурчал я, — хотят, может быть, это и буржуйское желание.

— Буржуйское? — удивился Рыковский. — Почему же? Мне кажется, что когда-нибудь все люди будут так отдыхать.

— Ну ладно, хватит, — прервал я его. — Не время сейчас об этом думать.

— Не время так не время, — согласился Рыковский. — Зато сейчас, пожалуй, самое время немного поспать.

— Иди. Ты, брат, заслужил этого больше, чем кто-нибудь другой...

Меня и самого уже неудержимо клонило ко сну. Краешек луны проскользнул в комнату сквозь ветви деревьев, вокруг раздавалось похрапывание утомленных людей. В голове, как в калейдоскопе, промелькнули события прошедшего дня, и веки мои сомкнулись.

Но едва я успел закрыть глаза, как появился Дубенский и потряс меня за плечо.

— Товарищ майор, — доложил он с явной неохотой, — тут опять какая-то холера добивается к вам.

— Кто такой?

— Какой-то капрал. Приперся черт знает откуда и твердит, что ему надо с вами поговорить. Не пускать?

— Ты что?! — Я встал и, потянувшись, широко зевнул. — Пошли!

В лунном свете четко вырисовывались контуры деревьев. Мы вышли за территорию лагеря, к посту, на котором стоял Анатолий Жук.

— Где этот капрал? — спросил я.

— Да вон, в кустах, — недовольно скривив губы, ответил мой старый волынский «гвардеец». — Мы тут его немного пугнули... Эй, ты! — окликнул он вполголоса. — Выходи! Не бойся, не съедим!

Я сделал несколько шагов вперед и остановился. За мной неотступно, как тень, следовал Дубенский.

Слева что-то зашуршало, и на тропинке появился человек. Он остановился напротив меня, вытянулся, щелкнул каблуками и по всей форме доложил:

— Пан майор, имею честь представиться, капрал Винярчик.

— Вольно, — скомандовал я и протянул ему руку.

Он мгновение колебался, потом опять вытянулся, снова щелкнул каблуками и протянул мне свою руку. Она была влажной от пота.

Он явно смущался. По всей вероятности, он не привык к тому, чтобы офицеры здоровались с ним за руку. Я и сам помнил, что до войны в армии, будучи рядовым солдатом, ни разу не удостоился чести пожать офицеру руку.

— Ну и что же, капрал? — спросил я. — Что вас ко мне привело?

Он снова вытянулся.

— Имею честь доложить, прибыл... — начал он и запнулся.

— Давайте без официальностей, капрал. Присядем и поговорим по-человечески.

Я сел на поваленное у тропинки дерево и указал ему место рядом с собой. Капрал переминался с ноги на ногу, одергивал потрепанный мундир, поправлял за спиной винтовку, передвигал с боку на бок пилотку.

— Не знаю, как и сказать, — начал он неуверенно. — Вроде бы оно и неловко приходить просто так... за ради любопытства, но я, пан майор, так себе порешил: ты, Винярчик, должен сам все узнать. Будь что будет, думаю, пойду и спрошу...

— Ну, смелей! — подбодрил я его.

— Тут вот все говорят, что прилетели вроде бы земляки, — решил он наконец. — Одни радуются, другие ругаются. А что мне делать, и не пойму, кто вас знает, что вы за люди...

— Садись, брат, — предложил я, доставая махорку, — закуривой. Сейчас мы все по порядку разберем. Сначала только ты о себе что-нибудь расскажи. Расскажи, откуда ты родом, чем занимаешься, какая у тебя семья.

Капрал наконец сел, взял щепотку махорки и скрутил из газеты самокрутку.

— Эх, да что у меня за жизни! — вздохнул он. — Семья тут недалеко, жена и ребенок, на хлебах у тестя живут. А тестя и сам не богат, всего восемь моргов земли. Два из них, может, когда и достанутся жене. А я от отца, храни его господь, и вовсе получу только полморга. Так что хозяйство, пан майор, такое, что меньше не бывает.

«Ну, — подумал я, — парень, кажется, свой. Наверно, из БХ. Это тебе не лощеный капитан Яворский».

А Винярчик, словно угадав ход моих мыслей, продолжал:

— Я знаю, пан майор, вы нас не жалуете.

— Это почему же, капрал? — удивился я. — Почему вы так считаете?

— Я ведь из энэсэта, — ответил он. — У майора Казимежа служу.

Этого, признаться, я не ожидал и даже чуть-чуть разозлился. Что за черт! Везде эти НСЗ! И что я им так дался? Наверно, лазутчик. У меня как-то сразу пропало желание продолжать разговор. И просто уже по инерции я все-таки спросил:

— Разве это причина, чтобы к вам плохо относиться?

— Ну да. — В голосе его чувствовалась досада. — Вы с востока, а всем известно, что мы против большевиков.

— А что еще здесь о нас говорят?

— Разное. Что вы переодетые энкаведешники и прибыли сюда, чтобы расправиться с поляками.

Стоявший под деревом Дубеньский со злости клацнул затвором автомата.

— Спокойно! — бросил я в его сторону.

Меня совершенно обезоружило это наивное признание капрала, я готов был рассмеяться.

— Ну а вы? Что вы об этом думаете?

— Да мы что, — отвечал капрал. — Мы люди темные, где нам в этом разобраться.

— Ну все-таки, верите вы тем, кто говорит, будто мы прилетели убивать своих?

— Если бы уж очень верил, то не пришел бы, — ответил он.

Нет, его нельзя было отправить обратно ни с чем. У меня сложилось впечатление, что передо мной человек, стремящийся любой ценой понять положение, в котором оказался и он сам, и его товарищи. Надо помочь разобраться ему в своих сомнениях. Как же лучше начать этот большой, откровенный разговор? Дать ему понять, что он сделал ошибку, связав себя с НСЗ?

— Эх, — вздохнул я, — хороша ночка... Так и тянет помечтать да спеть... — И затянул вполголоса «Роту»¹. Капрал хлюпнул носом, негромко подхватил.

¹ «Рота» — широко известная патриотическая песня, имеющая значение как бы второго гимна польского народа. Слова написаны М. Конопницкой. — Прим. ред.

— Сходить бы на охоту, — продолжал я, — а тут вот надо воевать... Скажите, а вам приходилось драться с немцами?

— Где там, — буркнул капрал. — Как-то с нашими хлопцами из деревни придушили мы одного фрица, но с тех пор, как я в отряде пана Казимежа, и того не было.

— Как же так? — прикинулся я удивленным. — Армия, а не воюете? Чем же вы занимаетесь?

— А ничем, — ответил понуро капрал. — Сидим тут в одном селе, Дроговле называется, вот и все. Офицеры провели себе телефоны, таскают из города накрашенных девок, веселятся. А мы собираем с крестьян подати, занимаемся строевой подготовкой, учения проводим...

— Интересно, — произнес я, — зачем же вам эти учения, если вы все равно не воюете?

— Собираем пока силы, главный-то наш враг вроде бы большевики.

— Это ваш главный враг?

— Так нам говорят.

— И вы этому верите?

— Кто его знает, чему верить, чему нет, — отвечал он, пожимая плечами. — Немцы убили моего дядьку, увезли куда-то сестру, последнюю шкуру дерут с человека, как же тут выдержишь? Руки чешутся добраться на конец до них и показать где раки зимуют!

— Золотые, брат, слова. Вот для того мы сюда и прилетели, чтобы помочь тем, кто взялся за оружие, изгнать оккупантов.

— Эх, не простое это дело, — вздохнул Винярчик. — Наши-то между собой то и дело грызутся да стреляют один другого, а немцам это только на руку — польская кровь льется. Расскажу я вам одну историю, так вы ахнете... Был у нас один командир взвода, по прозвищу Тарзан. Ну и вот, налетел как-то раз этот Тарзан со своими людьми на Бжостовую, что недалеко от Цмелиява, — знаете, там, где знаменитый фарфор выделяют, — и расстрелял девять коммунистов. Известно, бандит, но и сам за это головой поплатился. И как вы думаете, кто с него голову снял? Немцы. Фрицы, с которыми он водился. По ошибке, конечно, потому что немцы энэсзетовцев вообще-то не трогают. Вы спросите, как это могло случиться? А вот случилось. Энэсзетовцы в

ту пору орудовали в Вульке-Груецкой, а кто-то донес в Цмелюв, что это, мол, люди из отряда Армин Людовой Гураля. Незадолго до того Гураля как раз видели в этом районе.

Ну, известно, из Цмелюва тут же позвонили в жандармское управление в Островце и нашим такого жару задали, что из сорока человек с десяток только и уцелело. Оно, может, до того бы и не дошло, потому как в деревне заранее узнали о приближении немцев, да вся интука в том, что люди Тарзана немцев не опасались — не раз с ними вместе водку пили. Ну и получили по заслугам, а немцы, когда разобрались, так чуть от злости не лопнули. Правда, они устроили потом в Цмелюве торжественные похороны с ксендзом; с речью выступил какой-то фриц, вроде бы сам начальник гестапо из Опатувца. Вот уж он метал громы и молнии в коммунистов — из-за их, мол, дьявольских проделок вышла эта ошибка. Ну, известно, из наших тоже кто-то ему поддакнул. Но когда люди услышали, что эти парни сражались и погибли вроде бы за общие польско-немецкие интересы, можете себе представить, что они обо всем этом подумали. Командиры-то наши из тех, что якшаются с немцами, стараются делать это втихомолку, а эти уж открыто сказали, что действуют заодно с оккупантами. Вот вам и номер! А то еще и такой случай был, в Дзюруве, в Сандомирском повяте. Там один из наших, по прозвищу Зуб, напал со своими людьми на другой партизанский отряд и пятерых партизан убил. А потом знаете что сделал? Отвез их в Опатувское гестапо и там оставил с запиской, что ликвидировал, мол, этих коммунистов во имя борьбы за общее дело. Вот и пойми, что здесь к чему...

— Это позор, — произнес я твердо. — Только безумцы, преступники и предатели могут пойти на сотрудничество с оккупантами. Настоящий поляк — никогда.

Я стал ему рассказывать, что все честные люди мира поднялись на борьбу с фашистами, что они проливают кровь на всех фронтах, на юге, на западе, на востоке. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, и повсюду сражаются наши поляки. Я рассказал ему о Первой польской армии, которая подошла уже к границам нашей страны плечом к плечу с Советской Армией. Объяснил, кто такие коммунисты, которыми пугают простых людей офицеры из отряда Казимежа.

— Не в том сейчас дело, чтобы делить людей на коммунистов и некоммунистов, — говорил я, — а в том, чтобы объединиться всем полякам, которые уже достаточно катерпелись от гитлеровцев и хотят только одного — поскорее изгнать их с родной земли.

Капрал согласно кивнул головой:

— А наши только водку хлещут с помещиками и заставляют охранять их поместья от коммунистов. Говорят, что, мол, в коммунистах все зло.

— Кому зло, а кому добро, — возразил я. — Помещикам — зло, потому что коммунисты хотят справедливости, хотят, чтобы в Польше и дети бедных крестьян могли учиться и жить счастливо.

Капрал снова покивал головой:

— Неплохо бы... А то ведь вы знаете, как у нас делается? Как-то в апреле этого года попали мы в Пежхницу. Был там такой учитель Кендзерский. Он тайком собирал крестьянских ребят и учил. Ему бы за это спасибо сказать, а знаете, что наши с ним сделали? Зашли к нему домой. Поручник Жбик заставил его лечь на пол и стал избивать ногами, а потом палкой и все приговаривал: «Вот тебе, так твою растак, будешь знать, как хамское отродье учить!» Сил не было смотреть на такое...

— Слушай, брат, — сказал я, — если тебе так уж не-вмоготу в этих энэсзет, чего же ты там торчишь?

— Эх, пан майор, — ответил капрал с ноткой укоризны в голосе, — я ведь присягу принимал. Бог меня покарает, если я нарушу присягу. Я солдат, пан майор.

— Отряд майора Казимежа — это еще не вся польская армия, — заметил я осторожно, — а присягу вы приносили на верность родине и воинскому долгу, так ведь?

— Так-то так, — заколебался он, — но все-таки нехорошо. Куда человек поставлен, там он и должен быть... Я так понимаю, пан майор. Иначе бы вроде будет не по совести.

На мой взгляд, «по совести» было бы — сделать решительный выбор между правдой и неправдой. Однако я понимал, что этот человек слишком одурманен лживой пропагандой, чтобы так скоро решиться на такой шаг. Нужно было время. Я спросил его:

— Как вы попали в этот отряд? Вы же видели, что

он стоит за фашист... за панов и господ, — поправился я.

— Видел, — согласился он, — но думал, что теперь какой ни есть отряд, все равно будет драться с немцами. Я раньше уже воевал, был капралом в тридцать девятом. Поэтому, когда к нам пришли офицеры и рассказали, что снова собирают войско, я и пошел. Так вот получилось.

Было ясно, что этот человек ни в чем не виновен. Виновны те, кто его одурачил, кто, спекулируя на патриотических лозунгах, обманул сотни таких, как капрал Винярчик, заразив их своей ненавистью к коммунизму. Они готовы были идти на сотрудничество с оккупантами, готовы развязать в стране гражданскую войну, брата натравить на брата, только бы не допустить создания новой, свободной Польши.

Партизаня в течение нескольких лет на территории Волыни и будучи там свидетелем братоубийства, я не раз обращался мыслью к своей стране, наивно полагая, что у нас ничего подобного случиться не может, что перед лицом смертельной опасности польский народ будет монолитен. Это было слишком наивно. Я желаемое принимал за действительное, надеясь увидеть в едином строю под знаменами антифашистского фронта всех без исключения, в том числе и самых правых элементов. Я не хочу этим сказать, что недооцениваю движения Сопротивления, организованного людьми, далекими от коммунизма; я отлично знаю, что среди сотен тысяч поляков, сражающихся с немцами на всех фронтах, было немало представителей патриотически настроенной буржуазии и дворянства. Просто я вспоминаю те иллюзии, которые питал, сражаясь на Востоке. Прибыв сюда, я с уважением относился ко всем находившимся здесь партизанским отрядам. Впрочем, и позднее, когда я уже убедился, что не все из этих отрядов достойны такого уважения, что некоторые из них действуют даже во вред интересам польского народа, я все-таки, придерживаясь указаний, полученных перед отлетом, не был намерен выступать против них. «Нет ничего страшнее для движения Сопротивления, чем отсутствие единства и внутренняя вражда», — убеждал я тех, у кого порой чесались руки свести наконец счеты с одним из отрядов энэсзетовской банды Казимежа. Кстати сказать, значительно

позднее я узнал, что сразу же после высадки десанта энэсзетовцы замышляли напасть на нас и уничтожить. Однако прежде чем разведка Казимежа сумела нас обнаружить, мы успели окопаться, а визит капитана Яворского и сделанные им наблюдения убедили энэсзетовцев в том, что им с нами, пожалуй, не справиться. Хорошо вооруженные, заняв оборудованные позиции на высоте, мы представляли для них слишком большую силу. Таким образом, только благодаря стечению обстоятельств удалось избежать кровопролитной стычки, а энэсзетовцы лишились возможности разделаться с нами в момент десантирования, что было бы совсем нетрудно... Пришлось бы драться с людьми такого типа, как капрал Винярчик. А ведь честных, но обманутых людей в отряде Казимежа было немало.

— Надеюсь, капрал, — сказал я в заключение, — что в следующий раз, когда мы с вами встретимся, вы будете уже понимать, что не всегда можно слепо доверять своим начальникам.

— Да я им и не доверяю, — вырвалось у Винярчика.

— Ну а в таком случае и присяга ничего не значит.

— Нет, — возразил он, — присяга есть присяга.

— Даже перед предателями?

— Почему предателями? — не согласился он. — Командиры — они ведь лучше во всем разбираются. Так оно должно быть. Иначе порядка не будет. Конечно, многое у нас в отряде мне не по душе, и вы, пан майор, вроде бы говорили все правильно, но я как-то все-таки не могу...

Мне было жаль этого человека.

— Пан майор, — попросил Винярчик, — не говорите никому, что я здесь был. Если наши узнают, что я с вами разговаривал, это для меня может плохо кончиться.

— Можете быть спокойны, — заверил я его. — Они об этом не узнают.

Мы простились по-дружески.

А на следующую ночь он вновь пришел к нам в лагерь. Но на этот раз не для беседы. Он привел для меня верховую лошадь, а на спине лошади висел мешок соли.

— Что вы делаете, капрал! — набросился я на него. — Ведь за такие вещи вам всыплют!

— Никто не заметил. Вчера ваши люди жаловались, что едят суп без соли. А как ее тащить, на спине, что

ли? А конь добрый. Может вам пригодиться, — объяснил он.

Вот это был подарок! А главное — радовало, что мы находим союзников даже в стане врага...

В ЗАПАДНЕ

Станислав Бартош, молодой человек, один из деятелей левого крыла демократического движения, появился у нас в лагере еще во время выброски десанта. Он представился как командир отряда БХ из деревни Коженне, выразил готовность установить с нами тесное взаимодействие и рассказал, что, как офицер запаса, счел себя обязанным принять участие в подпольном движении с первых же дней оккупации. Вполне понятно, что он был прекрасно осведомлен о военно-политическом положении в данном районе, и я не замедлил этим воспользоваться.

Достоверная информация о том, что здесь происходит, была для меня просто на вес золота. Правда, наши разведчики неустанно изучали район и доставляли все более подробные данные об обстановке, но эти данные добывались из очень разных источников, часто не поддавались проверке и требовали очень тщательного отбора и сопоставления. Картина, которую нарисовал нам Бартош, была более исчерпывающей и точной.

— В непосредственной близости от вас действуют два сильных польских отряда, — рассказывал Бартош. — В районе Виделок — отряд Армии Крайовой Барбабаша (мне сразу же вспомнился о нем рассказ Рыковского), а в деревне Дроговле — отряд энэсзетовцев под командованием майора Казимежа. Лесные отряды Батальонов Хлопских действуют несколько дальше. Ближайшим из них командуют Дзекан (Станислав Доросевич) и Петр (Петр Павлина). Вторым, находящимся уже на территории Пиньчевского повята, командует Дзядек (Юзеф Маслянка). Дзядек — это старый и опытный деятель крестьянской партии, — подчеркнул Бартош, — причем он представляет радикальное крыло крестьянского движения, был и остается горячим сторонником единого фронта всех левых организаций и сотрудничает с местными коммунистами; в период между войнами за свои взгляды и политическую деятельность не мало сидел в тюрьмах. Человек он широко известный и

уважаемый во всем воеводстве, и именно потому его особенно не жалуют энэсзетовцы, с которыми ему приходится вести не менее кровопролитную борьбу, чем с немцами.

Кроме того, довольно активно действуют здесь еще два отряда Армии Людовой, отряд Бжозы — Чеслава Борецкого и отряд Гураля — Стефана Шиманьского. Если говорить о сферах влияния, то следует иметь в виду следующее: энэсзетовцы опираются, собственно говоря, на единицы; это в основном бывшие полицейские, помещики, частично ксендзы и высокопоставленные чиновники в городах, зато деревня поддерживает прежде всего Армию Людову, Батальоны Хлопске, а также Армию Крайову. Почти в каждой деревне имеется своя ячейка какой-нибудь из этих организаций, а есть деревни, где все эти организации действуют одновременно. Организационная структура Армии Крайовой основывается на объединении нескольких таких ячеек в подрайоны, нескольких подрайонов — в район, а затем нескольких районов — в округ.

Здесь у нас округ Радомско-Келецкий, Батальоны Хлопске объединяют сельские ячейки в волостные команды, а волостные команды — в районные. Армия Крайова — организация более гибкая, — говорил Бартош с оттенком некоторой досады. — Она ставит своих старост, словом, устанавливает нечто вроде подпольной администрации. Впрочем, это и не удивительно, так как, с одной стороны, она охватывает своим влиянием почти все общественные прослойки, в ее рядах состоит немало наиболее боевито настроенной крестьянской молодежи, а с другой стороны, она получает материальную помощь от лондонского эмигрантского правительства. Понапалу мы предполагали, что с ней можно будет наладить нормальное взаимодействие и что мы сможем вместе проводить наиболее ответственные операции.

И надо сказать, в ряде мест, особенно в низшем звене, такое взаимодействие удавалось установить, однако скоро выяснилось, что высшее командование Армии Крайовой смотрит на это неодобрительно. Соображения политического свойства заслонили интересы народа. Мы стоим за немедленную после освобождения, полную и безвозмездную передачу земли крестьянам, а в Армии Крайовой этот вопрос любыми путями обходят молча-

нием, от него уклоняются, не смея, однако, прямо сказать: «Нет». Его решение откладывают до окончания войны. Мы настаиваем на активных и неустанных действиях против немцев, а в Армии Крайовой этот вопрос отодвигается на второй план, словно их командованию до этого нет дела, и все определенное начинает выдвигаться лозунг «Стоять с оружием у ноги». Мы в Батальонах Хлопских все больше ориентируемся на Восток, так как понимаем, что оттуда придет освобождение, и дружба с Россией должна быть в основе нашей новой политики. В Армии Крайовой ни под каким видом не хотят считаться с этим фактом и продолжают жить потерявшими смысл лозунгами лондонского эмигрантского правительства. Теория «двух врагов»¹ опутала их без остатка. Теперь нетрудно уже предсказать дальнейшее развитие этих противоречий. Верховное командование Армии Крайовой окончательно признало нас своим врагом, всеми доступными средствами мешает нам в работе, провоцируя различные конфликты, вплоть до вооруженных. Если вы знакомы с положением в нашей деревне, с социальными противоречиями в ней, то без труда поймете, как легко аковцам в таких условиях сеять смуту и разжигать страсти. Однако в последнее время успехи русских на Восточном фронте открывают людям глаза. Они перестают верить лондонскому правительству. Ваше появление здесь, как одного из отрядов регулярной польской армии, идущей с Востока, должно сыграть немаловажную роль. Признаться откровенно, я надеюсь, что ваше появление сможет нейтрализовать даже деятельность отряда Казимежа, если, конечно, он не войдет

¹ В начальный период гитлеровской оккупации польская реакция основала конспиративную организацию — Союз вооруженной борьбы — во главе с офицерами санационной армии. В основу политической программы была положена теория «двух врагов», согласно которой врагами Польши в равной степени являлись и гитлеровская Германия, и Советский Союз. Эта теория выражалась в лозунге «Стоять с оружием у ноги», т. е. не выступать с оружием в руках против немецко-фашистских оккупантов, выжидая подходящий момент. В дальнейшем, на заключительном этапе войны, реакционные руководители АК, созданной на базе Союза вооруженной борьбы, стали конкретизировать теорию «двух врагов», утверждая, что врагом номер один является именно Советский Союз, а не Германия, и перешли к открытой борьбе против Советской Армии и прогрессивных народно-демократических сил Польши, в первую очередь против ППР и АЛ. — Прим. ред.

в сговор с командованием Армии Крайовой о совместных действиях против вас...

— Вы полагаете, поручник, что это возможно? — спросил я с некоторым беспокойством. Мне не хотелось даже допускать мысли о возможности вооруженного столкновения со своими.

— Если данные, которыми я располагаю, соответствуют действительности, — отвечал Бартош, — то как раз сейчас ведутся переговоры на эту тему. Я склонен даже считать, что результаты этих переговоров могли бы быть для нас весьма неблагоприятны — среди высшего командования АК немало людей, которые не прочь расправиться с коммунистами, — если бы не вполне обоснованная боязнь перед своими собственными солдатами. Я не однажды имел возможность убедиться, что если люди из Армии Крайовой и рвутся в бой, то отнюдь не с нами. Не затем они взяли в руки оружие, чтобы использовать его против своих, и все чаще у них вызывает недовольство, что они не могут рассчитаться с немцами так, как следует.

Несмотря на активную антисоветскую пропаганду, население помогало бежавшим советским пленным; люди прятали их, помогали перебраться на восток или установить связь с отрядами Батальонов Хлопских и Армии Людовой, в составе которых они продолжали бороться с фашистами. И еще одно важное обстоятельство следует иметь в виду: сейчас, как никогда раньше, здесь сложились весьма благоприятные условия для активной диверсионной деятельности. Немцы, дела которых на фронтах идут все хуже, отовсюду стягивают резервы, чтобы затыкать все новые дыры на фронтах. Гарнизоны, остающиеся в городах и более крупных селах, занимаются строительством оборонительных сооружений и крайне неохотно высовывают оттуда нос. У них нет ни сил, ни охоты прочесывать леса и проводить сколько-нибудь серьезные операции против партизан. Правда, они все еще тщательно охраняют основные коммуникации. Да и понятно — после фронта для них сейчас это самое главное...

Информация Бартоша касалась восточной части Келецкого и частично Стопницкого повятов. Тогда он еще не знал, что как раз в это время возник уже 3-й округ

АЛ, что кроме названных им отрядов действовали бригады АЛ имени Земи Келецкой и «Свит», а в Келецком воеводстве сражались и другие отряды АЛ. Формировались новые бригады.

Мы детально обсудили сложившуюся обстановку и пришли к выводу, что, если бы не непосредственная близость враждебно настроенного к нам отряда Казимежа, можно было бы начать активную диверсионную деятельность. А пока надо было сначала как-то обезопасить себя, укрепиться, прежде чем Казимеж и его люди успеют разобраться, что численно мы не так сильны, как это разнесла молва.

Мы обратились к местному руководству БХ с предложением передислоцировать в район наших действий один из их отрядов или какой-нибудь отряд АЛ, с тем чтобы в случае нападения на нас фашистов из банд НСЗ не оказаться в полном одиночестве. Кроме того, было решено шире развернуть пропагандистскую работу, рассказать населению о задачах, стоящих перед нашим отрядом. Нельзя было допустить, чтобы оно верило клевете, возводимой на нас НСЗ. Мы считали, что одним из наиболее веских аргументов в нашу пользу будет проведение диверсионных актов против немцев, правда, действовать можно было только в ограниченных масштабах, до тех пор пока обстановка достаточно не проясняется.

Бартош, не колеблясь, предложил нам свою помощь. Он посоветовал также, чтобы представители командования нашего отряда посетили деревню Коженне и встретились с населением, разъяснили крестьянам многие вопросы, которые все еще вызывают у них сомнения и тревогу. Бартош уверял, что в этом районе относительно спокойно, а расстояние до села не превышает часа ходьбы. Решили, что достаточно выслать пятерых наших людей без какого-либо охранения. Послать решили меня, поручников Рыковского и Шевчика, а также сержантов Дубенского и Цыбульского.

Бартош вел нас живописными лесными дорогами. Местность здесь была слегка холмистой, пригретый солнцем лес источал аромат ягод и смолы, на разные голоса заливались птицы. То там, то тут попадались люди, работавшие на своих крохотных делянках. Крестьяне поглядывали на нас настороженно и с любопыт-

ством. Как видно, Бартоша здесь знали — люди улыбались ему.

Едва мы вошли в деревню, как из-за плетней выпорхнула стайка детворы и помчалась вслед за нами, взбивая босыми ногами клубы пыли и громко обсуждая наше вооружение, обмундирование, пястовские орлы на фуражках. Кое-где в окнах мелькали лица любопытных.

Мы остановились возле старой, крытой соломой хаты, и Бартош сообщил, что это его дом. В окно уже заметили нас, и из хаты вышел пожилой седоволосый мужчина, а вслед за ним молодая привлекательная женщина с ребенком на руках. Бартош представил обоих — это были его отец и жена. Старик разгладил усы, слегка склонил в приветствии худую сутуловатую спину. Жена Бартоша приветливо и гостепримно нам улыбнулась. Мы почувствовали себя легко и свободно.

В хату заглянули несколько соседей и соседок. Они внимательно разглядывали нас, задавали множество разных вопросов — и важных, и пустяковых, и даже смешных. Расспрашивали и о положении, на фронтах, и о качестве материи, из которой сшила наша форма, и о Войске Польском, сформированном на востоке, и об орлах без корон на наших фуражках. Мы старались ответить на все вопросы, рассказывали даже больше, чем нас спрашивали, пытались объяснить, за что сражается Войско Польское на востоке, почему оно выступает плечом к плечу с бойцами Советской Армии, почему нужно единство всего народа. Крестьяне кивали головой, поддакивали и жаловались на местные порядки.

— У нас, пан майор, неладно, — говорил один из стариков. — Нет согласия между своими. Батальоны Хлопске — себе, Армия Крайова — себе, а паны из Народовых сил збройных в свою сторону тянут.

— Того хуже, — добавил другой, — даже дерутся между собой, а эти, из энэсэг, так и совсем уже вроде бандитов, ни в чем не повинных, мирных людей мордуют. Господь совсем лишил их разума! А немцам, видать, только того и надо. Оно и понятно: там, где нет единства, пан майор, там нет и силы. Разве не так?..

Мы решили поговорить с крестьянами подробнее на собрании, которое намерен был созвать Бартош. Однако ничего из этого не получилось. В хату вошел Дубеньский и, наклонившись ко мне, шепнул на ухо несколько слов.

Я вскочил как ужаленный, кивнул Рыковскому. Втроем мы выбежали за ригу.

— Посмотрите, товарищ майор, вон там, — показал рукой Дубенский, — и там, и вон там еще. Кто бы это мог быть?

«Кто бы это мог быть? — про себя повторил вслед за ним и я. — Что за люди?» Они приближались сразу с нескольких сторон. Двигались, соблюдая предосторожность, маскируясь, хотя и не очень умело, в высокой спелой ржи. Время от времени на солнце блестели стволы винтовок, а через бинокль то тут то там можно было рассмотреть над волнующимися колосьями и потное лицо.

Мне удалось также заметить, что люди, продвигавшиеся в нашу сторону, были одеты в польскую форму.

«Это уже легче, — подумал я, — но могут ли они быть нашими друзьями, если крадутся с винтовками на перевес и, как видно, стремятся нас окружить?» А в этом не оставалось уже никаких сомнений. Мы обнаружили еще две группы, приближавшиеся с другой стороны. Известно ли им, кого они окружают? А если известно, то откуда?

К нам подошел Бартош. Он был бледен, руки у него дрожали.

— Майор... — Голос его прерывался. — Поверьте... честное слово...

Ему было в чем оправдываться. Ведь это он предложил нам пойти в Коженне, он утверждал, что нам здесь ничто не грозит, что в районе спокойно...

Я пристально на него посмотрел, прямо в глаза... и прочитал в них глубокое, искреннее отчаяние.

«Нет, невозможно, — решил я, — если бы он хотел нас предать, то сделал бы это иначе, и уж во всяком случае сейчас бы его не было с нами».

— Да что ты, брось, — сказал я, — по нынешним временам каждый может ошибиться.

— Но кто-то все-таки донес, — настаивал Бартош. — Вы, конечно, можете подозревать меня.

— Глупости! — возмутился я. — Сейчас не время играть в подозрительность. Скажи лучше, что будем делать!

— Попробую вывести вас вон тем оврагом, — предложил Бартош, указав на неглубокую лощинку.

— Если нас там обнаружат, перестреляют, как куропаток, — возразил Рыковский.

— Тогда идите одни, а я прикрою вас огнем.

Шевчик с сомнением покачал головой:

— Тоже не годится, мы совсем не знаем местности.

— Бартош выведет командира, а мы прикроем огнем, — внес предложение Рыковский.

— Никуда я без вас не пойду, — возразил я.

— Ты командир бригады и можешь погибнуть.

— А кто сказал, что я погибну?

— Командир не должен рисковать, — поддержал Рыковского Шевчик.

Нет, бросить товарищей в таком положении я не мог. Оглянувшись по сторонам, я задержал взгляд на стенах сожженного коровника.

— Отставить разговоры, остаемся все вместе, — принял я решение. — Закрепимся в этих развалинах, и пусть они попытаются нас взять.

У каждого из нас было по автомату, по тысяче патронов и по четыре гранаты. Развалины коровника представляли собой довольно выгодную оборонительную позицию, и потребовались бы немалые жертвы со стороны атакующих, чтобы нас там уничтожить. Мы были полны решимости защищаться до конца, но в глубине души где-то теплилась надежда, что дело не дойдет до боя, — как никак мы носили все-таки одну и ту же форму.

Укрывшись за кирпичными стенами, приготовились к бою. Как мне удалось заметить, окружавший нас отряд насчитывал человек пятьдесят, причем автоматы были у немногих. Одним словом, если они решатся вступить в бой, задача перед нами будет не из легких.

— Хлопцы, — обратился я к своим, — главное — спокойствие. Стрелять только по команде. Ясно?

— Ясно!

— А что, если попробовать с ними потолковать? — предложил Рыковский.

— Пробуй, — согласился я.

Рыковский повесил автомат на ремень, вышел из-за стены и спокойным, как на прогулке, шагом направился в сторону ближайшей из групп.

— Не спускай с них глаз, — сказал я лежавшему рядом со мной Шевчику, — в случае чего будем его прикрывать.

Шевчик молча кивнул и плотнее прижал к плечу приклад автомата.

— Эй, хлопцы! — услышал я спокойный голос Рыковского. — Может, вместо того чтобы прятаться во ржи, вы скажете, что вам надо? Пусть выйдет сюда ваш командир, поговорим.

Кто-то, видимо, подал знак, и окружавшие нас сразу остановились. Теперь они были видны совершенно четко, находясь на расстоянии всего каких-нибудь ста метров от нашего укрытия. Мы затаили дыхание, напряженно ожидая ответа.

Две зеленые фигуры отделились от одной из групп и медленно двинулись в сторону Рыковского.

«Для начала неплохо, — подумал я. — Если они пошли на переговоры, значит, есть шанс выкарабкаться из этого дурацкого положения».

Парламентеры приблизились к Рыковскому, отдали честь, поздоровались. О чем зашел разговор, отсюда слышно не было, но мы хорошо видели, как Рыковский показал в нашу сторону, а те кивнули и двинулись по направлению к нам.

— Поглядывайте в оба, — предупредил я своих, — а я выйду им навстречу.

Поднявшись с земли и повесив автомат на ремень, я вышел из развалин.

— Пан майор, — доложил Рыковский, — офицеры отряда прибыли для переговоров.

Поблагодарив Рыковского, я взглянул на парламентеров. Один из них был в звании поручника, другой — подхорунжего. Подхорунжий, молодой, худощавый, смотрел на меня исподлобья, и мне казалось, что во взгляде его сквозит выражение недоверчивой настороженности. Судя по осанке поручника, по его манере держать себя, по внезапному замешательству при виде креста «Виртуи Милитари» на моей груди, нетрудно было сделать вывод, что это кадровый офицер. Он отдал честь и по всей форме представился:

— Поручник Вильк.

— Рад познакомиться, панове, — проговорил я, протягивая руку. — Бронич. Мне тем более приятно, — добавил я с улыбкой, — так как мы, признаюсь, сначала думали, что это немцы берут нас в такое плотное кольцо.

Вильк опять заметно стушевался и, пробурчав что-то, похожее на извинение, начал длинно объяснять, что они тоже толком не знали, что за люди здесь объявились, и предложили соблюсти осторожность. Такие уж, мол, теперь времена — не знаешь, где кто... Затем, поняв, видимо, что все это звучит не очень убедительно, на полуслове умолк.

— Ну, — засмеялся Рыковский, — теперь ко взаимному удовольствию все выяснилось, надо это обмыть.

— К сожалению, — вмешался подхорунжий, — нам приказано просить вас, пан майор, не посчитать за труд явиться к нам в штаб.

— В какой штаб? — спросил я.

— Майора Казимежа.

— С удовольствием, сочту за большую честь. Уверен, что это будет весьма приятный визит...

«Ах ты черт! — тем временем думалось мне. — Вот так влипли! Какой же я идиот — отправляться в совершенно незнакомую деревню без всякой охраны! Ну и поделом тебе, дураку! Теперь сам думай, как выкрутиться. И это любезное приглашениё в волчье логово!..»

Мысль работала лихорадочно, но я продолжал непринужденно улыбаться. Приказав своим выйти из укрытия, я предложил и Вильку собрать сюда своих людей и не заметно шепнул Бартошу, чтобы он побыстрее приготовил стол и побольше самогонки, отдельно для офицеров и отдельно для солдат.

— Если у тебя нет, собери что можно у соседей. И не беспокойся, за все будет заплачено.

Поручник Вильк подал команду собрать своих людей. Правда, делал он это без особого желания, с некоторым колебанием, однако, как видно, не посмел отказать офицеру намного выше его по чину.

— Разрешите, панове, — попросил я, когда энэсэзовцы построились, — поприветствовать ваших доблестных бойцов.

Подхорунжий забеспокоился, попытался что-то возражать, но Рыковский, взяв по-приятельски обоих офицеров под руки, повел их к накрытому уже столу.

А я тем временем подошел к строю хорошо обмундированных, правда, неважно вооруженных (преимущественно старыми винтовками системы «маузер»), молодых

обветренных парней и, приложив руку к конфедератке, гаркнул:

— Здорово, молодцы-партизаны!

— Здравия желаем, пан майор! — дружно грохнул строй.

— Вольно!

Их лица выражали настороженность и любопытство, а некоторые — враждебность. Я знал, что этих людей не-престанно воспитывают в духе ненависти ко всему демократическому и прогрессивному, но я также знал, что среди них есть и такие, как капрал Винярчик (некоторое время я безуспешно искал его глазами в строю), попавшие сюда случайно, которые шли к партизанам с единственной целью — драться с немцами.

— Партизаны! — обратился я к ним. — Мы встреча-емся с вами первый раз, хотя и не первый день боремся во имя одной и той же цели, во имя нашего героическо-го народа, во имя свободной и независимой Польши. Так же, как вы, тысячи, сотни тысяч поляков сражаются с гитлеровцами на всех фронтах Европы и даже Аф-рики. Всюду, где идет борьба за свободу, встретишь по-ляка. На востоке и на западе, на севере и на юге — всю-ду наши братья проливают свою кровь за общее дело — за свободу матери-Польши. Мы прибыли сюда с восто-ка, мы, солдаты стотысячной польской армии, которая, так же как и польская армия на западе, плечом к плечу с союзническими армиями громит фашистские орды. Совместные усилия наших солдат и партизан, усилия все-го народа, которого не сломил жестокий террор окку-пантов, не пропадут даром — близко то время, когда эти усилия увенчиваются победой и придет свобода. Но чтобы приблизить этот день, надо драться и крепить наше единство. Польские партизаны, в каких бы отрядах они ни сражались в этот грозный час, должны быть в едином строю. У нас один общий враг — Гитлер. Мы говорим на одном языке, одна и та же мать-земля вскормила нас. Разные политические взгляды — да, конечно... Но вы, на-верно, знаете поговорку: если бы в мире было только два поляка, они и то бы создали две разные партии...

Я на минуту умолк, услышав, как по рядам пробе-жал смешок, а потом продолжал:

— Солдаты! Знаете ли вы, чего больше всего хоте-лось бы немцам? Им больше всего хочется, чтобы мы

грызлись между собой, да что там грызлись, чтобы мы перебили друг друга. Но перед лицом общей опасности мы должны стать в единый строй, должны собрать наши силы в один мощный кулак и этим кулаком так двинуть в морду оккупантов, чтобы кровь брызнула у них из носа. Тот, кто сеет рознь и ненависть среди братьев, тот, какими бы красивыми лозунгами он ни прикрывался, наверняка не думает об интересах родины и не является настоящим поляком. Не словами, а делом доказывается истинный патриотизм. Беспощадная борьба с оккупантами, взаимопомощь и поддержка — вот сейчас главные доказательства любви к родине! Только на этой основе рождается подлинное единство.

Я знал, что от силы моих аргументов зависит позиция, которую займут эти люди. А от их позиции — возможность выбраться из этой западни. Краем глаза я видел, как за столом перед домом Бартоша, установленным кружками с самогоном, Рыковский и Шевчик «накачивали» Вилька и подхорунжего. Я верил в способности Рыковского и не сомневался, что он справится со своей задачей.

Ко мне подошел Бартош.

— Ваше приказание выполнено, пан майор, — доложил он шёпотом, — самогонка есть.

— Давай ее сюда, — распорядился я, — и организуй что-нибудь закусить.

Прежде чем Бартош притащил огромную бутыль самогона, несколько буханок хлеба и целый окорок ветчины, я спросил, все ли понятно из того, что мною было сказано, нет ли каких-нибудь неясностей. Парни подталкивали друг друга, о чем-то перешептывались, но начать первым никто не осмеливался. Однако мне показалось, что настороженных взглядов, которыми меня встретили сначала, стало теперь значительно меньше.

«Кажется, все-таки лед тронулся», — мелькнула мысль.

Затем, взяв две кружки самогона, я подал одну стоящему с краю солдату и сказал:

— Давай отметим, как положено, эту встречу. Да здравствует польский солдат!

Я залпом осушил свою кружку, наполнил ее снова и подал следующему по порядку.

Просить дважды не пришлось. Каждый с удовольст-

вием осушал свою порцию. Кое-кто, поднимая кружку, обращался ко мне: «Ваше здоровье, пан майор!» Стой нарушился, послышался смех, веселые возгласы.

Из-за стола примчался подхорунжий. Он едва сдерживал бешенство.

— Пан майор, — процедил он с укором, — прошу простить за смелость, но так не годится... Это же панбратство с солдатами... Майор Казимеж никогда... Это деморализует...

Я весело рассмеялся.

— Дорогой мой подхорунжий. — Я положил ему руку на плечо. — Перед богом и родиной мы все равны.

— Но воинская дисциплина! — возразил подхорунжий.

— Особый случай, — объяснил я. — Надо же было как-то отметить нашу встречу.

Подхорунжий скрипнул зубами. Я подумал было, что от него всего можно ожидать. Но, заметив злые взгляды своих солдат, он утихомирился и не солено хлебавши возвратился к столу.

— Все, конец! — объявил я, когда в бутыли не осталось больше ни одной капли. — Спойем, хлопцы!

Все с удовольствием расселись на траве. Как видно, им пришлось провести на ногах уже много часов.

— Что будем петь? — спросил я. — Давайте «О мой розмарин»!

Предложение было встречено с веселым одобрением.

— Запевала есть? Ну ладно, тогда я сам.

Я начал, остальные дружно подхватили. Потом кто-то предложил спеть «Военку, военку», за ней «Не оставим земли, откуда наш род». Потом всех потянуло на лирику. Вслед за грустными песнями раздались веселые, разухабистые. И, наверное, пели бы еще долго, но тут я сказал:

— Хорошо тут с вами, хлопцы, но мне пора. Надеюсь, мы еще не раз встретимся...

Люди обступили меня со всех сторон, все разом заговорили и вдруг начали качать меня, подбрасывать высоко вверх.

Со всех сторон неслись возгласы: «Пану майору — ура!»

За офицерским столом возле дома Бартоша события тоже развивались неплохо. Размякший от выпитого,

Вильк поочередно обнимал то Рыковского, то Шевчика, уверяя их в своих братских чувствах, в вечной дружбе. Даже подхорунжий был изрядно навеселе, глуповато ухмылялся и поддакивал, кивая головой.

— Ну, еще посошок! — предложил я и наполнил себе рюмку, не садясь, однако, за стол. — Нам пора в путь.

— Да что там! — пренебрежительно махнул рукой поручник. — Майор Казимеж подождет. До вечера еще далеко.

— Нет, нам пора, — пояснил я. — Дела...

Поручник несколько отрезвел.

— То есть как так? — произнес он, растерянно глядя на нас. — Вы же должны пойти с нами!

— Очень сожалею, — отвечал я, взглянув на часы, — но уже поздно, мы тут засиделись... Как-нибудь в другой раз...

— Но, пан майор, — запротестовал поручник, — у нас приказ... Мы обязаны вас...

— Наше от нас не уйдет, — прервал я его. — Прошу вас передать майору Казимежу мои извинения, искренний привет и поблагодарить за любезное приглашение. Думаю, что нам наверняка еще представится случай встретиться. Ваше здоровье, поручники!

Подхорунжий давно уже перестал улыбаться. На его длинном остроносом лице появилось какое-то крысиное выражение. Он вскочил с места, резко повернулся ко мне и хотел что-то сказать, но я положил руку ему на плечо и посадил его обратно на место.

— Сидите, сидите, — произнес я мягко. — Не затрудняйтесь... Ваши бойцы действительно славные ребята, — добавил я с чуть заметной многозначительной улыбкой. — Мы стали с ними друзьями.

Подхорунжий как-то сразу сник.

Видимо, он и сам хорошо знал, что узы, связывающие офицеров их отряда с рядовыми солдатами, весьма непрочны. Офицеры могли распоряжаться своими людьми, как пешками, одурманивая их своей пропагандой. Однако как только яд этой пропаганды переставал действовать, так сразу же у солдат появлялось недоверие к своим офицерам. Меня радовало это.

И все-таки в целом вся эта история была довольно неприятна. Хотя она и закончилась благополучно и многому нас научила, но, вспоминая, насколько близки

мы были к гибели, я выходил из себя. Это было непростительным легкомыслием — отправляться в совершенно незнакомую деревню без всякого охранения. Я не был в претензии на Бартоша, во всяком случае он хотел сделать как лучше и не мог предвидеть, что энэсветовцы так быстро нападут на наш след (в деревне у них наверняка был свой человек). Но как я-то, старый партизанский волк, так опростоволосился!

Что касается Бартоша, то он, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, был рад, когда нам удалось благополучно выбраться из этой западни.

ИЩЕМ СОЮЗНИКОВ

Мы успешно решили первую задачу — упрочить свое положение на Келецчине. Это позволило нам быстрее начать диверсионную деятельность.

Как-то в район нашего расположения прибыл отряд БХ под командованием Дзекана и Петра. Дзекан, с погонами поручника на английском мундире, в сапогах-бутылках со шпорами, стройный, темноволосый, с небольшими черными усиками под острым носом, представился мне тем особенным образом, который выдает кадрового офицера. Петр был полной его противоположностью, одет был в гражданский костюм, держался скромно и всем своим обликом напоминал старого народника. Петр был заместителем Дзекана по политчасти. Они заявили о готовности действовать совместно с нами, а это как раз нам и было нужно.

«Наконец-то у нас есть союзники, — думал я с радостью. — Люди, на которых можно положиться». Я ознакомил гостей с задачами, стоящими перед нами, предложил установить общий пароль и обменяться офицерами для связи, которым были бы представлены полномочия согласовывать в необходимых случаях наши действия. Петр кивнул головой, а Дзекан загадочно улыбнулся и сказал:

— Что касается наших совместных действий, то у меня есть одна мысль... Если разрешите, я изложу ее вам завтра, нам самим надо еще подумать.

Петр метнул на него быстрый взгляд, но ничего не сказал. Я заметил в его глазах выражение удивления и даже некоторого беспокойства.

На следующий день все прояснилось. Дзекан явился к нам один, без Петра. По-уставному отдав честь и стукнув каблуками так, что звякнули шпоры, он торжественным тоном объявил:

— Пан майор, поручник Дзекан с отрядом прибыл в ваше распоряжение. С сегодняшнего дня поступаем к вам в полное подчинение и готовы к выполнению любых ваших приказов.

Так вот что за мысль была у него вчера! Признаться, для меня это было неожиданным. На это я не рассчитывал. В мои планы отнюдь не входило полное слияние наших отрядов. Во всяком случае, пока что. Речь шла о совместных боевых действиях двух отрядов, близких по своему классовому составу. Конечно, решение Дзекана было весьма приятным — оно свидетельствовало о большом к нам доверии.

— Для нас большая честь, — отвечал я, — услышать из ваших уст такое решение. Но скажите мне, поручник, откровенно, чему следует приписать такое внезапное и, скажем прямо, смелое решение? Поступаясь самостоятельностью, весь ваш отряд и вы лично, как командир, должны отдавать себе отчет в том, что с этой минуты подчиняете себя новым и, кто знает, не слишком ли обременительным для вас, привыкших к свободе, порядкам. В сущности говоря, мы ведь знаем друг друга очень мало. Это вас не пугает?

Дзекан чуть заметно улыбнулся.

— Все это выглядит довольно просто, пан майор. Вы задали мне много вопросов, а я вам одним махом отвечу сразу на все. Прошли времена романтических партизанских мечтаний. Надо уметь подчиняться.

Все это мне было не очень понятно. В ходе дальнейшей беседы Дзекан сначала явно уклонялся от прямого ответа, но в конце концов заявил прямо:

— Пан майор, я — реалист. Я ставлю на то, что выигрывает. Если бы в эти минуты западные союзники стояли на Одере, я никогда бы к вам не пришел. Однако они пока копаются в Нормандии, а русские уже на Буге. Ясно, что русские будут здесь раньше. Вы идете с ними, а я с вами.

Дзекан поразил меня своим откровенным карьеризмом. Было ясно, что БХ, видимо, не располагает достаточным количеством хорошо подготовленных командных

кадров и вынуждено порой использовать случайных людей.

У меня не было оснований чересчур придирчиво копаться в деталях вопроса, поскольку объединение отрядов, как бы там ни было, несло нам бесспорную выгоду: заметно увеличивалась ударная сила нашей бригады. Пусть командир и не такой, как бы хотелось, его люди могут оказаться вполне надежными.

Огорчало то, что в отряде Дзекана произошел раскол. Дело в том, что Петр с частью людей оставил отряд, формально аргументируя свое решение долгом верности районному коменданту БХ, которому организационно подчинен. Однако нетрудно было понять, что это лишь предлог, что этот тихий, но упрямый человек хотел прежде всего оставаться верным старым, по существу соглашательским, идеям автономности народнического движения. Его, как видно, пугала всякая революционность, пугало то, что провозглашалось коммунистами, и то, к чему склонялось радикальное крыло людовцев. Меня это искренне огорчило — этот человек очень был нам пригодился. Впрочем, надо сказать, что после освобождения Петр остался активным деятелем Зъедноческого стронницства людового (Объединенной крестьянской партии), видно, понял свою ошибку, но для этого потребовалось время.

Отряд Дзекана расположился примерно в километре от нашего лагеря. Я направился туда со своим штабом, чтобы на месте познакомиться с новым пополнением. Люди Дзекана — преимущественно жители окрестных сел — не были новичками, уже принимали участие в боях. Хуже обстояло у них дело с оружием. Поэтому мы поделились им с нашими новыми друзьями. Несколько наших самых квалифицированных минеров занялись обучением новичков, и те с большим энтузиазмом взялись за дело. У меня сложилось впечатление (позднее подтвердившееся), что до сих пор этот отряд действовал не очень активно и лишь теперь люди почувствовали возможность полностью себя проявить. Из имеющихся запасов мы выделили для них немного обмундирования, чтобы они хоть немного походили на бойцов Первой польской армии.

Партизаны из отряда Дзекана, в отличие от своего командира, в первую очередь заботившегося о собствен-

ком благополучия, ни разу не вызвали никакого нарекания.

Мне нравилось, что эти, в большинстве своем молодые парни, сразу же поняли и еще одну свою роль: роль пропагандистов. Речь идет не о каких-то специальных агитзаданиях, даваемых им, а о самом факте их пребывания в нашей бригаде, а ведь они общались с людьми из других отрядов БХ и с жителями окрестных сел — у каждого из них были там родственники и знакомые...

Присоединение отряда Дзекана к нашей бригаде увеличило ее боевые возможности почти вдвое. Другим событием, упрочившим наше положение в этом районе, явился визит, который нанес нам (довольно, впрочем, неожиданно) командир отряда Армии Крайовой поручник Барабаш (Мариан Солтысяк).

Случилось это на третий день нашего пребывания на Келецкой земле. Барабаш прибыл верхом в сопровождении нескольких своих людей. Это был молодой худощавый блондин в форме поручника.

Поначалу наша беседа с ним носила официальный характер. Это был чуть ли не светский обмен мнениями о погоде, учтивые «уверения в совершеннейшем почетании» и тому подобное. Вскоре, однако, пришлось перейти к делу, то есть к вопросам, действительно интересовавшим нас. Мне наконец представилась возможность убедиться в подлинных настроениях этого человека, которого я подозревал (на основании предварительных наблюдений за его манерой подчеркнуто, по-военному держаться, выражаться строго по-уставному и на основании самого факта его принадлежности к АК) в антипатии ко всему, что несли мы, пришельцы с востока, — представители демократической народной армии. Я ошибся и принужден был изменить о нем свое первоначальное мнение. Но понял, что для него, как подхорунжего, окончившего военную школу, слишком важную роль играла наша экипировка, а также и тот факт, что мы являлись десантниками.

Он действительно излишне часто повторял, что вопросы политики его не касаются, что он солдат и его дело выполнять приказы начальников. Достоинства его, как командира, ограничивались заботой об обучении своих солдат, о поддержании порядка и дисциплины в отряде. Не вызывало сомнений, что он предпочитал бы оста-

ваться только любящим свою профессию солдатом, офицером, честно выполняющим приказы своего командования.

Но что делать, если действительность не позволяла оставаться на этой позиции! Партизанская борьба с гитлеровцами требовала от командира постоянной инициативы, выработки гибких планов, каждый раз сообразуемых с новыми, изменяющимися обстоятельствами. Барабаш был достаточно опытным партизаном и не мог не понимать этой очевидной истины. В то же время штаб АК требовал безапелляционного подчинения себе, запрещал проведение каких-либо вооруженных операций по собственной инициативе командиров отрядов, обязывал их планы таких операций предварительно согласовывать со штабом. Иерархическая зависимость распространялась минимум на два звена — область, округ, и утверждение плана всякий раз, как правило, затягивалось; постоянно же изменяющаяся обстановка то и дело вынуждала составлять и пересоставлять их заново. В силу этого возможности отряда, как довольно крупной боевой единицы, использовались далеко не полностью. И Барабаш вскоре уже не скрывал своего недовольства. Сохраняя лояльность по отношению к своему командованию, он еще пытался оправдать его пассивность, но не мог смириться с тем, что всякий раз, когда в силу какой-то новой, внезапно возникающей ситуации он был вынужден проводить боевую операцию самостоятельно, без согласования со штабом округа, ему приходилось оправдываться, выслушивать суровые упреки. Он понимал, что все это мешает поддерживать высокий моральный дух. Особенно этому мешало то, что в результате оппортунистической позиции старших начальников он был лишен возможности осуществлять такую важную форму диверсионной деятельности, как нарушение коммуникаций, по которым немецкие эшелоны направлялись на Восточный фронт.

И приходилось убеждаться, что учения, муштра и тому подобные мероприятия, которыми пытались занять бойцов в отрядах АК, оказывались эффективными лишь на короткое время, а потом все это людям надоедало и они с завистью смотрели на тех, кто основной целью своей деятельности ставил ведение постоянной и беспощадной борьбы с оккупантами. Здесь Барабашу нечего

было сказать. Его объяснения, попытки найти какое-то оправдание штабникам были явно беспомощны.

— Я все-таки не понимаю, — сказал я Барабашу. — Вы отдаете себе отчет в несостоительности той позиции, которую заняли, но ничего не предпринимаете, чтобы ее изменить. Поначалу мне казалось, будто основная цель всех имеющихся здесь партизанских отрядов одна и та же — вооруженная борьба с оккупантами. Мое командование, например, — продолжал я, — никогда бы мне не простило, если бы я стал придерживаться какой-нибудь концепции пережидания, уклонения от боевых действий, пассивности. Для нас это просто непонятно. Мы взяли в руки оружие с ясной целью, мы хотели помочь армиям союзников в скорейшем разгроме гитлеровских орд. Ведь чем скорее это произойдет, тем быстрее наш народ сможет вздохнуть свободно, тем меньше понесет жертв. Вы с этим не согласны? Наносить ущерб оккупантам всеми доступными средствами, неустанно проводить диверсии, подрывать боевую мощь гитлеровцев — это святой долг каждого поляка, каких бы политических убеждений он ни придерживался. Если вы разделяете этот взгляд, то почему не машиете рукой на свое начальство и не пойдете с теми, кто до конца верен этому долгу?

— Частично я разделяю этот взгляд, — отвечал Барабаш. — И во многом вы правы, но не во всем. Мой воинский долг обязывает меня оставаться с теми, кому я привнес присягу.

— Если бы они оказались даже предателями?

— Не думаю, чтобы они были предателями. Скорее всего, они просто ошибаются в чем-то.

Было ясно, что мой собеседник честный человек, но над ним довлеет груз привычек, воспитания и наконец просто принесенная им присяга, так что потребуется время, чтобы он переменил свои взгляды.

Ему хотелось оставаться лояльным до конца. Скажу откровенно, мне чем-то даже нравилась так своеобразно понимаемая им честность.

Однажды мне довелось услышать, как один командир отделения из отряда Барабаша, капрал Палимонка, говорил:

— Нам можно бить немцев, только если они сами нас станут трогать, а самим их задевать — избави бо-

же... Чего скрывать, все этим недовольны. Да оно и понятно! Не затем мы шли в лес, чтобы заниматься шатистикой да муштрай, как будто готовимся к параду... Не хочу каркать, но... к добру это не приведет.

Лозунг «Стоять с оружием у ноги» терял популярность, особенно у рядовых бойцов АК. От них старались скрыть, что это за лозунг на самом деле, во имя каких целей они должны приберегать свои силы. В действительности эти цели носили характер не только антикоммунистический и антисоветский, но и антинародный. Простые солдаты, вербовавшиеся преимущественно из народа, ощущали это все более явственно. Некоторые отряды БХ, раньше довольно тесно связанные с АК, порвали эти связи, слишком сковывавшие их и лишавшие возможности вести активную борьбу с оккупантами.

Верный путь всем молодым людям, пришедшим в леса с оружием в руках, указала также и Армия Людова. Руководство АК было, видимо, серьезно обеспокоено таким развитием событий и не доверяло уже многим командирам отрядов, подсовывая к ним политических опекунов. Барабашу, например, достался пресловутый Катажина, о котором так много рассказывал Рыковский. Настоящее его имя было Максимилиан Лоренц. До войны он служил поручиком жандармерии во Львове и был ярым врагом всякой демократии. В отряде у Барабаша он полностью развернул свои способности. Следуя политике «разделяй и властвуй», плел в отряде интриги, насаждал систему доносов и взаимного шпионажа. Оказывал влияние и на Барабаша, однако не столь уж сильное. Оно, например, не помешало Барабашу посетить нашу бригаду и договориться об установлении если не дружественных, то хотя бы сносных отношений. Вопреки позиции Катажины мы договорились с Барабашем, что не только не будем вставать друг другу на пути, но в критические моменты, в стычках с немцами, можем даже рассчитывать на взаимную помощь. Чтобы символически закрепить достигнутое соглашение, мы обменялись с Барабашем автоматами. С тех пор я стал щеголять с английским «стеном» на ремне. Не в укор Барабашу будь сказано, эта машинка не шла ни в какое сравнение с нашим, советским оружием...

Итак, после присоединения к нам отряда Дзекана инейтрализации отряда Барабаша наше положение в

этом районе значительно упрочилось. Можно было также надеяться, что после пресловутой истории с отрядом НСЗ и с его стороны нам не грозит серьезная опасность. А потому все усилия теперь можно было направить на осуществление нашей основной цели — борьбу с гитлеровцами.

ПЕРВЫЕ ДИВЕРСИИ

Началась горячая партизанская страда. Ежедневно из лагеря выходили на задания боевые группы и возвращались с докладами о выполнении поставленной задачи. Чаще всего партизаны устраивали засады на дорогах, идущих в восточном направлении, уничтожали мелкие отряды немцев, обстреливали более крупные, сеяли панику в колоннах, направлявшихся на фронт, дезорганизовывали систему снабжения. Пылали немецкие склады, подрывались на минах эшелоны, груженные военным имуществом. С проводниками из местных жителей, прекрасно знающими местность, партизаны появлялись там, где их меньше всего ждали, наносили внезапные удары по гитлеровцам и исчезали, прежде чем те успевали подумать о преследовании. Дело нам облегчало то, что в этом районе почти совсем не осталось агентов гестапо и осведомителей, которые могли бы выдать немцам наши планы; из тех, что действовали здесь раньше, одни были уничтожены, а другие не отваживались теперь служить немцам — Восточный фронт был близко, а движение Сопротивления с каждым днем ширилось и крепло...

Одной из первых диверсий, задуманных нами после того, как мы обосновались в этом районе, было уничтожение линии высоковольтной передачи. Находилась она в десяти с лишним километрах от базы отряда и сразу же привлекла к себе наше внимание. По ней подавалась электроэнергия из Рожнува к промышленным комплексам Радомя, к домам Островца, к оружейным заводам в Стараховицах и Пенках, полным ходом работавшим на нужды фронта.

Диверсионная группа в составе сержанта Станислава Хвишку, капрала Бетте и двух девушек-минеров Ядзи Энгельгарт и Рены, возглавляемая сержантом Анатолием Жуком, получила задание повредить линию. Наступила ночь, когда группа, нагруженная тридцатью

килограммами тола, вышла на просеку, вдоль которой длинными дугами тяжело провисали провода. Матово поблескивая на фоне усыпанного звездами неба, они тянулись высоко вверх к изоляторам, укрепленным на стальных конструкциях мощных опор. Одну из таких опор внимательно осмотрели: она состояла из четырех лап, опирающихся на бетонные основания. У каждой из лап укрепили по несколько двухсотграммовых шашек, присоединили к ним длинный бикфордов шнур, зажгли его и отбежали на безопасное расстояние. С минуту царила мертвая тишина, только откуда-то очень издалека, из деревни, доносился лай собак. И вдруг взметнулось пламя, мощный взрыв потряс лес, стальная конструкция дрогнула, лениво сползла с бетонных опор и развороченными лапами зарылась в землю. Вспыхнули на изоляторах яркие искры, вся опора чуть-чуть наклонилась и... все. Мачта осталась стоять. Кто-то выругался, кто-то даже хихикнул. Опоры сорваны, а ток продолжал идти по раскачивавшимся проводам. Что было делать?

Посовещались. Решили сделать так, чтобы свалить опору в одну сторону. Удастся ли это? Надо попробовать. Если заряды укрепить на разной высоте, например с одной стороны на два метра выше, чем с другой, то может быть... Отбежали метров на сто. Взрыв. Опора закачалась, потеряла равновесие и тяжело рухнула на землю. Провода не выдержали рывка, лопнули, стегая землю яркими вспышками и электризую мокрую от росы траву. Раздались испуганные крики: ток побежал по мокрой траве и неожиданно ударил по ногам. Будь партизаны немного ближе, дело могло бы кончиться несчастьем.

Таким же способом свалили еще несколько опор. К рассвету на протяжении по меньшей мере километра все опоры линии высоковольтной передачи были уничтожены.

Дело было сделано, и можно было возвращаться с чистой совестью. Однако вскоре партизанам стало ясно, что они сбились с дороги и заблудились среди поросших лесом оврагов и холмов. Уже совсем рассвело, и выходить на открытую местность было опасно, а в лесу ни у кого не было уверенности в том, что они идут в нужном направлении. Все страшно устали. Хотелось забраться куда-нибудь поглубже в кусты и поспать. Но, зная, что в лагере их ждут, они не могли позволить

— себе даже короткого привала. Все чаще стали напоминать о себе пустые желудки. Поэтому, выйдя на опушку леса и заметив у подножия небольшого холма одинокую хату, все оживились. Хата, как видно, была бедной, ее окружал повалившийся плетень, в конце двора виднелся ветхий сарай с покосившимися воротами, несколько залатанных рубах сушилось на утреннем солнце. Однако дымок, тонкой струйкой выющийся из трубы, обещал горячую пищу.

— Что будем делать? — спросил Бетте, глядя в сторону хаты и громко сглатывая слону.

Ядзя покала плечами.

— Черт его знает, на кого там нарвешься, — заметил Жук.

— Надо сначала послать девчат на разведку, — предложил Бетте.

— Чтобы получить очередь в живот, — не согласилась Ядзя.

— Ну, тогда пошли дальние, — решил Жук.

— Куда? — спросил Хвишук.

— В лагерь.

— Прекрасная мысль! — заметила Рена. — Только в какую сторону идти?

— Нет, надо все-таки заглянуть в эту хату, — настаивал Бетте. — Узнаем, по крайней мере, где находимся. А?

— Ладно, — согласился Жук. — Девчата пойдут на разведку.

Ядзя не стала возражать, посмотрела на Рену. Рена ответила ей легким кивком головы. Они пошли. К хате старались подойти так, чтобы изнутри их не заметили через подслеповатые, грязные оконца. Подобрались к двери, прислушались. Вздохнули с облегчением: из-за двери доносился гомон детских голосов, прерываемый время от времени окриками родителей. По-видимому, никого посторонних здесь не было.

— Валяй! — прошептала Рена.

— Нет, ты первая...

Им не раз приходилось пользоваться гостеприимством крестьянских домов, и все-таки каждый раз они невольно испытывали какое-то стеснение.

— Словно просишь милостыню... — жаловалась как-то Рена. — Я никак не могу представить себя в роли тех, кто не только у них просит, но и требует...

Хоть я в этих вопросах не отличался чрезмерной щепетильностью, тем не менее старался свести к минимуму визиты к крестьянам для пополнения наших запасов продовольствия. Тем более, что, во-первых, у крестьян часто не хватало продуктов даже для себя, а во-вторых, крестьяне тоже встречались разные и всегда оставался риск вместо друга нарваться на врага...

Девушки уловили запах вареной картошки. Толкнув дверь, они вошли в дом.

Гомон сразу же стих. Глаза всех устремились на необычных гостей. Детишки прижались к материнской юбке.

— Извините, что мы в такую рань, — произнесла Рена, — но мы очень голодны. Не нашлось бы у вас что-нибудь поесть?

— Ах ты, господи! — запричитала женщина, складывая руки. — Да мы сами едва концы с концами сводим, чем же вас кормить?

И в самом деле нищета выпирала из всех углов, но картошка на кухне все-таки варилаась.

— Нам много не надо, что дадите, на том и спасибо, — сказала Рена. — Нас немного, мы две да еще три парня, — успокоила она хозяйку.

— Ну что ж! — ответила она. — Вот только мяса у нас ни куска нет. И хлеба.

Хозяин поскреб лохматую голову.

— А ты не теряй времени, беги лучше в хлев да поди корову. Молоко не вода, тоже можно наесться, а? — обратился он к девчатам.

Жена его освободилась от ребятишек, схватила кринку и выскочила из хаты.

— Спасибо вам, хозяин, — сказала Ядзя.

Наклонившись к ребятам, она стала что-то им рассказывать, глядя по головенкам. На глаза у нее навернулись слезы. Своего ребенка она оставила на Волыни, тосковала о нем, и при виде детей эта тоска вспыхивала в ней с особой силой.

Рена вышла из хаты и подала парням знак, что все в порядке и можно входить. Хозяйка пробежала мимо нее с кринкой, полной пенистого молока, приглашая на ходу:

— Прошу за стол!

Горячая картошка и парное молоко — что еще было

нужно? Хозяйка извинялась, что нет хлеба, жаловалась на нищенскую жизнь, ругала войну, немцев. Партизаны утешали ее, говорили, что ждать уже недолго, что русские вместе с польской армией подходят к Висле, что скоро фрицам так всыплют, что они до самого Берлина не опомнятся.

— Дай-то бог, — вздохнул хозяин. — А вы вроде бы красные, а?

— Бело-красные¹, — ответил Жук.

— Ага. Я-то думал, вы те, что с самолетов попрыгали, — пояснил крестьянин.

— Так оно и есть, — подтвердил Жук. — Но теперь нас стало куда больше: и те, что прилетели, и те, которые уже к нам присоединились. Целая армия.

— Армия? — удивился крестьянин. — Бедноватая армия-то, а?

— Почему?

— Да как же, есть-то у вас нечего...

Бette улыбнулся.

— Мы идем с задания, — объяснил он, — да вот заблудились... Может, проводите нас?

— Если нужно, провожу...

Поев, извинились перед хозяйкой за то, что нечем расплатиться. Та махнула рукой:

— Милые, да разве дело в деньгах! Будет у нас у самих что в печь поставить, так мы и с вами поделимся. Как-никак свои люди.

— Оставили мы вас без завтрака, — заметила Рена смузено.

— Да что там, — отвечала женщина, — картошки пойду накоплю, а молока ребятишки подождут до обеда...

Крестьянин провел партизан лесом, и через каких-нибудь полчаса они уже были в лагере.

Жук доложил мне о выполнении задания, а девчата рассказали о встрече с гостеприимными хозяевами.

— Не успели мы оглянуться, как смахнули все, что было приготовлено для ребят. Нищета у них страшная.

— А этот крестьянин, который вас проводил, еще здесь?

— Здесь.

¹ Государственный флаг Польской Народной Республики двухцветный: верхняя часть — белая, нижняя — красная. — Прим. ред.

Я вызвал поручника Добровольского и приказал ему приготовить подводу, погрузить на нее два парашюта, несколько пар салог (из запасов, которые раздобыла одна из диверсионных групп, разгромив немецкие склады) и половину свиной туши.

— Отправьте этому человеку, — распорядился я, указав на крестьянина, который был так растроган, что едва не заплакал. — Он это заслужил...

Я рассказываю эту историю не просто ради занимательности. Мне хотелось на этом примере показать, во-первых, отношение окрестных крестьян к бойцам нашей бригады, во-вторых, наше отношение к ним. Если нам удалось завоевать симпатии жителей окрестных сел, то не только потому, что они так уж быстро уверовали в справедливость и ясность целей нашей борьбы, но также и благодаря тому, что с первых же дней нашего пребывания здесь мы отказались от изъятия продовольствия у крестьян. Наоборот, семьям, жившим в особой нужде, мы нередко помогали из наших запасов. Откуда они брались? Когда откуда. Пока у нас были парашюты, мы практиковали нечто вроде натурального товарообмена. Купол парашюта — это свыше семидесяти квадратных метров тонкого прочного шелка. Крестьяне побогаче, теперь уже не ценившие оккупационных денег, охотно покупали у нас парашютный шелк, расплачиваясь свининой, мукой, картошкой. Позднее же, когда этот «товар» иссяк, мы стали достаточно сильны для того, чтобы позволить себе наведываться в так называемые лигеншафты — хозяйства, созданные немецкой администрацией на землях бывших помещичьих имений. Здесь можно было не стесняться (хотя, правда, и не без риска, так как эти хозяйства, как правило, охранялись гитлеровцами). Эти операции решали сразу две проблемы: пополняли наши запасы продовольствия и являли собой вид диверсии, наносившей удар по немецкой системе снабжения войск.

Впрочем, чем ближе к концу подходил июль, тем легче нам становилось действовать на оккупированной территории. Новые мощные удары советских войск на Волыни и Подолии в направлении среднего течения Вислы, затем молниеносное овладение Люблином и почти всем Люблинским воеводством звучным эхом отдались на Келецчине. Народ стал смелее поднимать голову, реши-

тельнее выступать против террора оккупантов. Советская Армия, а вместе с ней и Первая польская армия все ближе подходили к границам воеводства. Никто уже не сомневался в скором освобождении, и каждый стремился сделать, что мог, чтобы приблизить этот момент. Непрерывно возрастал приток добровольцев в нашу бригаду. У нас стало несколько сот человек, хотя в соответствии со старым, проверенным практикой принципом мы продолжали вести боевые действия небольшими оперативными группами. Поддержка и помощь местного населения, которое называло нас теперь не «парнями с неба», как раньше, а «нашей бригадой» (не было в окрестностях деревни, из которой хотя бы несколько человек не состояло в наших рядах), делали возможным проведение все более дерзких и крупных по масштабу операций. Немцы, обеспокоенные положением на востоке, стремясь любой ценой спасти трещавший по всем швам фронт, спешно перебрасывали резервы с запада. А мы разрушали железные дороги, пускали под откос эшелоны с оружием и техникой, взрывали мосты. Началась гигантская «битва за рельсы».

Бригада все разрасталась. Приходилось создавать новые и новые партизанские отряды. И мы их создавали, вооружая за счет наших запасов, а также за счет оружия, добывшего у немцев. Но вскоре стало ясно, что мы не сможем вооружить всех желающих бороться с оккупантами. Следовало как можно скорее найти новый источник снабжения оружием, и притом такой, который позволил бы решить эту проблему на более или менее длительный период.

Помощь с востока, через Польский партизанский штаб... Конечно, я рассчитывал на нее. Однако я знал, что только в крайнем случае решусь к ней прибегнуть, так как хорошо отдавал себе отчет в том, что в условиях продолжающегося на востоке наступления армии самой необходимо это оружие.

В конце концов я все-таки решился. Связался с начальником Партизанского штаба Завадским и сверх ожиданий быстро получил ответ, что руководство советского штаба партизанского движения весьма внимательно отнеслось к вопросу и оружие нам будет дано.

Нас просили немедленно сообщить координаты возможного места выброски.

Легко себе представить нашу радость. Доставка этого оружия имела для бригады огромное военное, моральное и политическое значение. Оружие с востока повысит наши боевые возможности, оно явится доказательством высокой оценки нашей борьбы в тылу врага, будет символизировать боевое содружество с Советской Армией.

Я распорядился стянуть все отряды в район деревни Шумско, расположенной в километрах в десяти северо-восточнее Ракува. Это подсказывалось не только необходимостью обеспечить место выброски — весь наш район в последнее время полностью контролировался партизанами, а немцы, укрепившиеся в городах, не смели высывать оттуда нос, так что выброска вполне спокойно могла быть осуществлена с помощью тех нескольких сот крестьян, которых Маслянка и Озга Михальский привлекли бы из окрестных сел Келецкого, Сташувского и Стопницкого повятов.

Однако немецкие воинские части, перебрасываемые на восток, нередко появлялись в самых неожиданных местах, и поэтому наши разведчики прочесывали местность в окружности радиусом до двадцати, а порой и не скольких десятков километров. Решив стянуть отряды, я прежде всего хотел избежать необходимости передавать принятые оружие на склады. План состоял в том, чтобы сразу же на месте по справедливости разделить «гостиницу» между теми отрядами, которые особенно остро ощущали нехватку оружия. Среди приглашенных на это дружеское «пиршество» оказались также два отряда Армии Людовой, а именно: отряды Гураля и Адама.

До наступления темноты все роли были распределены. Я успел еще обхехать позиции отрядов и порадоваться, вспомнив ночную высадку нашего десанта и то жалкое обеспечение, которое Рыковский с горсткой людей в состоянии был тогда организовать. Как же изменилась обстановка за это время! Конечно, нас нельзя еще было назвать армией, партизаны есть партизаны, а это чувствовалось почти на каждом шагу: тут крестьяне, безусые юнцы и почти старики, часто босиком или в простых лаптях, без оружия; там парни из вновь созданных отрядов, пестро вооруженные кто трофеиным немецким оружием или английским автоматом, доставленным

самолетом для асовцев, кто старым, еще довоенным ржавым польским маузером, австрийским манлихером, старой французской или итальянской винтовкой, а то и просто охотничим ружьем. Не приходилось поэтому удивляться, что все без исключения радовались предстоящей доставке оружия, были веселы и возбуждены.

Это возбуждение передалось и мне. Вскоре, однако, оно переросло в беспокойство. Не помешает ли что-нибудь в последний момент самолетам вылететь? Удастся ли им преодолеть заградительный огонь немецкой фронтовой зенитной артиллерией? Не наткнется ли на нас в момент выброски какая-нибудь немецкая эскадрилья? Я чувствовал огромную ответственность перед собравшимися здесь людьми за то, что должно было произойти, хотя от меня тут ничего не зависело, и я испытывал страстное, почти суеверное желание, чтобы все обошлось благополучно.

На поляне, являвшейся центром района выброски, Рыковский со своими людьми заканчивал последние приготовления: наполненные смолой банки были старательно уложены в форме буквы «Н», опознавательного знака, согласованного с Польским партизанским штабом и советскими летчиками. Другие командиры расставляли людей вокруг поляны с таким расчетом, чтобы не допустить потери ни одного контейнера. Посылка была слишком ценной, чтобы можно было позволить себе потерять даже небольшую ее часть. Наиболее хорошо вооруженные отряды заняли позиции на внешнем кольце окружения, выполняя роль охранения.

Когда сгостились сумерки и наступил вечер, когда мрак заполнил все пространство между деревьями и накинул синее покрывало на небосвод, в лесу наступила настороженная, полная ожидания тишина.

Только радисты без устали колдовали у своих аппаратов, все посыпая и посыпая в эфир шифрованные вопросы и получая оттуда какие-то таинственные, недоступные простому смертному ответы. Ежеминутно ко мне прибегал связной и докладывал:

— Товарищ майор, все в порядке!

— Точнее!

— Готовятся к вылету...

«Ничего себе «в порядке», — подумал я. — Полчаса уже, как они должны быть в воздухе...»

Наконец пришла радиограмма, что самолеты вылетели. В это время на западе последние розовые отблески зари расползались в серую, едва заметную полоску. Я быстро прикинул: первый самолет должен появиться еще до полуночи.

В ту же минуту возле меня раздался горячий девичий шепот:

— Летят...

Я вздрогнул. Если летят, то, значит, не наши. Напряг слух, но не услышал ничего, кроме мягкого шелеста еловых лап.

— Я ничего не слышу.

— Конечно, еще не слышно, — прошептала она, — но уже вылетели...

А, чтоб тебя!.. Это Ягудка, молоденькая девчушка, прилетевшая сюда вместе с нами.

Она хмыкнула, а потом шепнула мне в самое ухо:

— Генек...

— Какой Генек? — удивился я.

— Известно какой, — в голосе ее звучал укор, — тот, что летит.

Как я сразу не догадался, о каком Генеке идет речь. Ягудка и Генек Мартынович давно питали друг к другу симпатию, только слепой мог этого не заметить. Генек остался там, в лагере на Волыни, но в одной из последних радиограмм сообщалось, что вместе с Бронеком Давидовичем он сегодня выбросится с парашютом и присоединится к нашей бригаде.

Незадолго до полуночи я приказал Рыковскому поджечь костры. Почти одновременно несколько человек уловили в пустом небе отдаленный гул. Сначала неуверенный, пропадающий в мягким шуме деревьев, а потом более отчетливый, тяжелый и явственный.

Люди поднялись с мест, запрокинули головы. Гул моторов заполнил ночное небо, и тут же взмыли вверх ракеты. Прежде чем погасли их длиные опадающие косы, небо осветилось необычно яркими подвижными звездами. Это самолеты слали привет своим друзьям на земле. Они делали над поляной плавные круги, и вот вдруг, словно невесть откуда взявшиеся, над нами закачались раскрытые купола парашютов. Отягченные конейнерами, они мягко скользили к земле под радостные взгласы людей.

С благодарностью смотрел я на темные силуэты самолетов. Спасибо вам, славные, смелые летчики! Капитан Пушкин, старый мой дружище, если и ты ведешь машину, прими мой самый горячий привет.

Люди мчались за каждым падающим контейнером, быстро отцепляли его от парашюта, парашют тут же складывали и все сносили в заранее отведенное место на поляне.

У одних все проходило гладко, другим приходилось немало помучиться, прежде чем удавалось извлечь груз из густых кустов или стащить его с дерева. А груза было немало! Время шло, а контейнеры сверху все опускались и опускались. Я сначала попытался их считать, но скоро сбился со счета.

Откуда-то снова появилась Ягудка. Она схватила меня за плечо.

— Где он? — крикнула она с тревогой.

— Кто?

Фу ты, опять я забыл об этом ее Генеке. А она уже нетерпеливо кричит:

— Как это'кто? Где он? Где Генек? Прилетел или нет?

Я взглянул вверх. Лавина контейнеров оборвалась, и в небе мелькали силуэты двух парашютистов.

— Вон твой Генек!

Девушка бросила взгляд вверх, и лицо ее сразу расцвело, словно от прикосновения волшебной палочки.

— Генек!!! — И она побежала в ту сторону, где через минуту должен был приземлиться ее Генек...

Утренняя заря разгоняла мрак. Восемь самолетов покачали нам на прощание крыльями и повернули к своему далекому аэродрому. Выброска была завершена. Сердечно поздоровавшись с прибывшими парашютистами, я направился к сложенным на поляне контейнерам. Найдены были все. Двадцать тонн разного рода оружия, снаряжения и взрывчатки. Окружившие это сокровище люди смотрели на него счастливыми глазами.

Я собрал командиров отрядов, и все оружие было поделено по справедливости, хотя, конечно, не обошлось без торгов и мелких раздоров. Часть оружия получил Гураль, часть Адам, немного выдали Маслянке, немного хлопцам Дзекана и, наконец, часть надо было дать людям из основного отряда бригады, а также тем, кто в это утро вызвался добровольно помочь нам встре-

чать самолеты. Здесь же на месте были поставлены и боевые задачи отдельным отрядам. Так, отряд Гураля, получив от нас несколько минеров, направился в сторону Островца-Свентокшицкого, где была сформирована 1-я бригада имени Земи Келецкой, в состав которой он вошел. Маслянка со своим отрядом направился в леса Пиньчевского повята, вместе с ним пошел и отряд Адама, также усиленный нашими минерами. Остальная часть бригады выступила в направлении на Сташув.

В тот же день вечером я получил трагическое известие: три самолета не вернулись на аэродром; они были сбиты немцами над линией фронта. Погиб и капитан Пушкин.

Да, ничто не дается даром. За все приходится платить дорогой ценой... Эх, Пушкин, Пушкин, не довелось нам свидеться после войны...

БОЙ У РЕКИ

Мы располагались во временном лагере поблизости от деревни Козель. Разведчики донесли мне, что на шоссе Лагув — Кельце с некоторых пор наблюдается усиленное передвижение немецких войск. Железные дороги, которые мы постоянно выводили из строя, не могли уже пропускать необходимое количество эшелонов на фронт, и немцам пришлось перебрасывать резервы по автомагистралям. «Номер не пройдет», — решили мы.

Моросил мелкий теплый дождик. Тридцать пять человек под командой поручников Вонсовича и Петелицкого выступили в направлении шоссе Лагув — Кельце. Задача была сформулирована кратко: организовать засаду.

Пересеченную местность, отделявшую их от шоссе, бойцам предстояло преодолеть с полной выкладкой. Скользкие от дождя тропинки затрудняли движение, партизаны то и дело чертихались. Кто-то заметил, что поблизости проходит узкоколейка. Неплохо бы хоть часть дороги проехать. Вонсович взглянул на Петелицкого, Петелицкий — на Вонсовича: мысль была недурна. Спустя какое-то время послышалось пыхтение «кукушки». На тот случай, если бы ехали немцы или машинист не захотел остановиться, путь заминировали и, предви-

дя такую возможность, заняли позиции, удобные для обстрела приближающегося поезда.

Вскоре, однако, путь разминировали и засаду сняли. Машинист вел состав пустых вагонов из-под угля и остановился по первому знаку. Едет он за дровами, но ведь дрова не медведь, в лес не убегут.

Партизаны погрузились в вагончики, и поезд весело застучал колесами. Вот это повезло! Ехать бойцам так понравилось, что, остановив поезд в километре от шоссе, они попросили машиниста подождать их возвращения. Тот с готовностью согласился.

Двинулись к шоссе. Вскоре в лесу наткнулись на какого-то крестьянина.

— Местность хорошо знаешь? — спросил его Петелицкий.

— А как же, — отвечал крестьянин, — я тут живу.

— Можешь нам показать хорошее место для засады?

— У шоссе?

— У шоссе.

— Можно и у шоссе. А зачем?

— Тоже мне вопрос! Надо немцам вложить или нет?

— Факт! Только зачем у шоссе?

— Засада! Ты что, польского языка не понимаешь, что ли? — вышел из себя Петелицкий.

— Понимаю, — спокойно ответил крестьянин. — Только, по моему разумению, сподручней было бы перебить тут одних в речке.

— Кого перебить в речке?

Крестьянин объяснил, что неподалеку есть деревня — Кошицно называется, возле нее речка, там сейчас немцы купаются. Если к ним потихоньку подкрасться, то можно всех перестрелять, как куропаток, и оружием разжиться.

— На шоссе-то их ждать надо, — добавил он, — а тут сами в руки лезут.

Предложение было заманчивым. Нельзя упустить такой случай. Лесом, кустарниками, через овраги крестьянин повел партизан к Кошицно. На безопасном расстоянии от деревни остановились и выслали разведку. Крестьянин пошел впереди. Остальная группа заняла оборону.

Не прошло и часа, как разведка вернулась. В деревне стоит полк СС, доложили разведчики; подразделениями они по очереди ходят на речку — мыться.

— Охранение?

— Охранение сильное, но только вокруг деревни. У дорог понатыканы таблички: «Внимание! Бандиты!»

— Какое расстояние от деревни до места купания?

— С километр будет. Из деревни не видно. Зато, как выйдешь на пригородок, они сразу как на ладони.

Вышли на пригородок. Укрывшись в кустах, осмотрели лощину, по дну которой вилась речка. Сквозь прибрежные заросли ольхи виднелось шоссе, а чуть левее, в направлении деревни, за небольшим лугом, открывалась широкая картина. С речки долетал веселый гомон, белые тела барахтались в воде. Некоторые загорали на солнце. В бинокль все было хорошо видно. Вон на лугу оружие в козлах, несколько дальше обмундирование, старательно уложенное в шахматном порядке, а возле — трое часовых. Оружие было первоклассное, вот бы пригодилось для пополнения, прибывающего в бригаду!

Медлить было нечего, такой случай никак нельзя использовать. Быстро наметили план действий. Петелицкий с несколькими партизанами подползет к самому лугу, снимет часовых и предложит купающимся сдаться. Вонсович с остальной частью отряда останется на вершине холма. Если напасть внезапно не удастся, все быстро отступят. Немцев сотни две, и открытый бой с таким сильным врагом может кончиться для партизан плохо. Тем более что нельзя забывать и об эсэсовцах, оставшихся в деревне.

Петелицкий с четырьмя наиболее расторопными партизанами спустился к подножию холма. От луга их отделяло еще пространство, покрытое редким кустарником. Партизаны припали к земле и, прячась в густой траве, поползли от куста к кусту. Ни на минуту не выпуская из виду часовых, охранявших оружие, они каждый раз замирали, как только кто-либо из немцев поворачивался в их сторону, и тотчас же использовали малейшую невнимательность охраны. Надо было не забыть замаскировать оружие, чтобы блеск стали не выдал их присутствия. Они умели это делать — разведчиками были не первый день. А за их спиной товарищи замерли у пулеметов.

Петелицкий чуть приподнял голову и прикинул расстояние до часовых. Еще немного, и можно будет снять их без риска. Только бы за это время немцам не при-

шло в голову закончить купание или не явилась бы из деревни еще какая-нибудь новая группа. Он оглянулся на своих спутников. В густой траве и кустах их едва было видно. Время от времени они поглядывали в его сторону, ожидая сигнала к нападению. Часовые повернулись к ним боком, подошли друг к другу и о чем-то заговорили. Один из них засмеялся. У разведчиков стоял еще в ушах этот смех, когда, воспользовавшись удобным моментом, они продвинулись вперед еще на несколько метров и по знаку поручника открыли огонь.

Часовые сразу же упали. Петелицкий поднял своих людей и бросился к реке.

— Сдавайтесь! — закричал он на бегу. — Вы окружены!

Однако проку от этого было немного. Переполох, поднявшийся в реке и на берегу при первых выстрелах, не мог бы заглушить даже громкоговоритель, а не то что человеческий голос.

— Сдавайтесь! — кричал Петелицкий.

— Бандиты! Партизаны! — с этими возгласами немцы бросились к оружию.

Но тут Вонсович с остальной частью отряда выскочил из леса, и автоматные очереди стали косить немцев.

Прошло немного времени, и лужайка на берегу покрылась трупами. Выкрики команд, вопли раненых и ошалевших от страха немцев сливались в сплошной рев, усиливающий непрерывным треском автоматов и пулеметов. Одни немцы мчались прямо под автоматы партизан, другие пытались найти спасение в воде, ныряя или стремясь вплавь перебраться на противоположный берег. Эти оказались наиболее рассудительными, они учели — преследовать их не было времени.

Не сразу удалось заметить, что обстановка изменилась. В пылу боя партизаны не расслышали грозный стук станковых пулеметов со стороны деревни. А по склону холма, за которым находилась деревня, уже бежали цепи эсэсовцев, стреляя из автоматов.

Вонсович приказал отступать. Ему немало пришлось покричать, он даже охрип, бедняга, от крика, прежде чем все его люди поняли, что происходит. Надо было немедленно сматывать удочки. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы прихватить с собой оружие. К чер-

ту трофеи, унести бы ноги! Им и так повезло: спохватились они несколькими минутами позже — тогда конец.

Цыбульскому, Сантору, Врубелю и еще нескольким партизанам было приказано прикрыть отход. Они залегли и очередями из двух пулеметов задержали эсэсовцев. Однако немцы подтянули станковые пулеметы, хлестнули очередями, и нашим ребятам пришлось отойти в лес, вслед за своими товарищами. Они то и дело залегали, сдерживая атакующих, пока Вонсович с отрядом не достиг наконец гребня холма. Оттуда они могли сильным огнем поддержать отход группы прикрытия.

До сих пор все шло хорошо, никто не пострадал, и Вонсович был доволен, что потерь нет. И вдруг Врубель как-то странно покачнулся и со стоном упал на землю. Партизаны из группы прикрытия подхватили его под руки и втащили на гребень холма. Здесь пока было безопасно, хотя немцы не отказались от намерения разделаться с партизанами, лезли наверх, пытались обойти с флангов. Надо было уходить. Это не составило бы особых труда — они умели передвигаться по лесу с ловкостью лесных зверей, а холмистая, изрезанная оврагами местность в значительной степени облегчала отход, — если бы не раненый. Рана, правда, не была серьезной. Пуля ударила в бедро, и если Врубель чертыхался на чем свет стоит, то потому лишь, что не мог самостоятельно передвигаться. Те, кто посильнее, брали его на спину, сменяясь каждые несколько десятков метров, чтобы не сбавливать темп движения. Но речь все-таки могла идти только о шаге, а никак не о беге. Немцы же с каждой минутой приближались.

— К поезду! — скомандовал Вонсович. Он, правда, не очень надеялся, что машинист окажется настолько послушным, чтобы до сих пор ждать их возвращения.

Теперь надо было напрячь все силы, чтобы добраться до узкоколейки раньше немцев. Даже тем, кто тащил Врубеля, приходилось бежать. Очереди немецких автоматов, раздававшиеся то справа, то слева, то сзади, подгоняли людей.

«Кукушка» стояла на месте, и машинист держал паровоз под парами. Правда, он был изрядно напуган приближающейся перестрелкой и признался, что еще минута — и он бы уехал.

Немцы выскочили из леса, когда поезд уже трогался. Они открыли вслед сумасшедший огонь. Партизаны отвечали тем же. Паровозик, соля, толкал вагончики все быстрее и быстрее. Немцы бежали вдоль полотна, а ручной пулемет, установленный на угольной платформе, бешено по ним палил. Несколько фигур перевернулось и осталось неподвижно лежать на рельсах, остальные еще бежали, крича и стреляя на бегу, но расстояние между ними и поездом увеличивалось все больше и больше. Только теперь запоздало застучал станковый пулемет, но впереди был спасительный поворот.

— Уф! — передохнул Петелицкий. — Горячо было, а?

Он стоял в будке машиниста и вытирая шапкой мокрый от пота лоб.

— Задали вы им перцу! Много перебили? — поинтересовался машинист.

— Да, наверно, больше сотни, — ответил Петелицкий. — Оружия вот только жалко. Уж больно хорошее оружие у них было...

КОНФЛИКТ С ЭНЭСЗЕТОВЦАМИ

И все-таки без конфликта с этими фашистскими прихвостнями не обошлось. По совести говоря, я питал тайную надежду, что после установления контакта с местным отрядом АК, после памятной истории у дома Бартоша, убедившись в нашей постоянно растущей силе, они не отважатся открыто проявлять по отношению к нам враждебность и вставать поперек дороги. Мы их не трогали и, казалось, имели право рассчитывать, что они будут платить тем же. Но мы ошиблись, и эта ошибка дорого нам обошлась. Но все по порядку.

Случилось это где-то в двадцатых числах июля. Я вызвал к себе сержанта Сташиньского и поставил перед ним задачу: с группой отобранных им самим партизан отправиться в район Островца-Свентокшисского и подорвать полотно железной дороги западнее города. Причем масштаб разрушений должен быть таким, чтобы движение поездов на этом участке задержалось по меньшей мере на несколько дней.

— Думаю, вам не надо объяснять, — сказал я, — что и как нужно делать.

— Конечно, — отвечал Сташиньский. — Взорвать несколько составов на линии или один на мосту.

Я развернул карту, и мы изучили маршрут движения. Чтобы добраться до места диверсии, партизанам предстояло отмахать добрых шестьдесят километров. Учитывая, что идти можно было только ночью, притом обходя все населенные пункты, мы решили, что операция займет минимум несколько дней.

— Получите сухой паек на три дня, — подытожил я. — Хлеб и солонину. Тола возьмите по десять килограммов на человека. Хватит?

— Так точно! — отвечал Сташиньский.

— Ну тогда подбирайте людей и о готовности доложите...

К исходу дня они явились ко мне впятером: Сташиньский, Коцелек, Вуйцик, Янек и Людвик (фамилии не помню). Первые два — из состава волынской группы, той, что «с неба», трое остальных — жители окрестных сел. Такой состав мне понравился: два опытных партизана-подрывника и три местных жителя, тоже поднаторевших в партизанском ремесле и к тому же знающих местность как свои пять пальцев.

— Хлопцы, — обратился я к партизанам, — задание у вас трудное, но его нужно выполнить. Есть сведения, что на этом участке дороги движение воинских эшелонов изо дня в день возрастает. Немцы стремятся любой ценой удержать Восточный фронт, перебрасывают туда все, что можно использовать, чтобы заткнуть дыры. Мы должны помешать им. Знаю, что смелости вам не занимать. Но прошу и на рожон не лезть. Проявляйте побольше хитрости и изворотливости. Страйтесь избегать людей, особенно вооруженных. Остальное зависит от вас и от того, как будут складываться обстоятельства.

Мы еще раз обсудили маршрут движения — и они тронулись в путь. Идти с дополнительной выкладкой было тяжело. Ночная тьма коварно укрывала неровности дороги. Спотыкаясь, люди шепотом чертихались. Но та же ночь несла с гор свежий ветерок. Жаль только, что она была коротка и приходилось спешить, а потом днем подолгу изнывать от безделья где-нибудь во ржи под палящими лучами солнца. В таких условиях сухой хлеб и солонина с трудом лезли в горло, но надо

же было чем-нибудь восполнить затраченную в пути энергию.

На следующую ночь отряд наткнулся в какой-то деревне на сторожевое охранение неизвестного партизанского отряда. У партизан потребовали пароль. Они его, конечно, не знали.

— Вы откуда? — последовал вопрос.

Вуйцик дернул Сташинского за рукав и уверенным голосом ответил:

— От Барабаша. А вы?

— Энэсзетовцы.

— Здорово, ребята!

— Здорово!

— Разрешите пройти.

— Куда?

— Через деревню.

Часовые с минуту пошептались.

— Лучше не надо, — последовал ответ. — Идите вокруг.

— Ну нет, так нет. Бывайте здоровы!

— Привет!

Повернули обратно и только далеко за деревней вздохнули с облегчением. На этот раз пронесло.

На рассвете достигли железной дороги. Предпринимать какие-либо действия было уже поздно. Поэтому укрылись в ближайшем поле высокой ржи на дневку.

Спали несколько часов. Надежда на пасмурную погоду не оправдалась, и снова пришлось целый день печься на солнце.

Наконец спустились сумерки, и к изнуренным зноем людям вернулась энергия. Вуйцик вывел группу к ближайшей будке путевого обходчика (оказавшегося, кстати сказать, его хорошим знакомым) и попросил его обрисовать обстановку на ближайших участках железной дороги. Обходчик охотно ознакомил партизан с немецкой системой охраны дороги, с графиком движения поездов, потом отвел всю группу в лесок. Это место, по его мнению, более всего подходило для проведения диверсии. Немецкий патруль заглядывал сюда редко, вообще избегал появляться на участке пути, проходившем через лес, особенно ночью. Немцы боялись засады со стороны партизан.

Сташиньский поблагодарил железнодорожника за помощь. Партизаны подобрались поближе к полотну и залегли на краю ржаного поля. В течение часа они внимательно следили за движением на участке: патруль из десяти человек осторожно прошел вдоль пути, промчались два поезда, один — из Островца, другой — в Островец, патруль прошел обратно (шпалы гудели под тяжелыми сапогами), свернул к лесу и растворился в ночной темноте.

Был час ночи.

— Коцелек пойдет со мной, — тихо сказал Сташиньский. — Вуйчик и Ясь прикроют нас со стороны насыпи. Людвик на всякий случай с другой стороны моста. Поншли!

У Коцелека все было уже готово: взрывчатка, взрыватель, шнур. Он двинулся за Сташиньским и Людвиком. Все трое поднялись на насыпь. Людвик пошел дальше вдоль пути. Подрывники остались на месте. Они быстро уложили под рельсы взрывчатку, присоединили взрыватель, к нему шнур. И вскоре в основном все было готово. В основном, потому что надо было еще как можно дальше протянуть шнур. Хватило его на восемьдесят метров. Шнур осторожно уложили, еще раз проверили и только тогда залегли в кустарнике.

Первая часть операции была выполнена. Заняла она сравнительно немного времени. Сташиньский сложил ладони у рта и заухал, подражая филину. Вскоре оставленные в охранении партизаны были около него.

— Братцы! — прошептал Сташиньский. — Смотрите в оба! Остерегайтесь, как бы не угодило осколком...

Потянулись долгие минуты ожидания. Все обратились в зрение и слух.

— Идет! — выкрикнул вдруг Людвик.

— Заткнись, — прошипел Сташиньский. — Это с восстока тарахтит, наверно, порожняк.

Состав действительно мчался как-то слишком легко, тряско. Решили ждать чего-нибудь поценнее.

Эшелон юркнул в лес, а когда перестук колес стих, на путях появились силуэты идущих гуськом патрульных. Сташиньский затаил дыхание: если немцы решат внимательнее проверить состояние колеи, они могут заметить свежевскопанную землю под рельсом и шнуром, протянутый в сторону кустарника.

— Внимание, — шепнул он товарищам. — В случае чего подрываем заряд, а потом шпарим по ним. Ждать моего сигнала...

Кто-то из немцев посветил фонариком. Сташиньский крепче сжал автомат, но немцы даже не остановились. Вскоре они исчезли в темноте.

Партизаны облегченно вздохнули, и почти в тот же миг ночную тишину разорвал далекий гудок паровоза. Шум постепенно усиливался, перерастал в гул. Тяжелый эшелон шел с запада.

На фоне темного леса заметались искры из трубы паровоза. Темная лента эшелона выползла из леса и быстро заскользила к мосту.

Стасиньский облизал пересохшие губы и осторожно натянул шнур. Еще пятьдесят метров. Еще двадцать. Паровоз приближался к одиночко белеющей березе, в створе с которой установлена мина. Ослепительная вспышка — и оглушительный грохот прижал всех к земле. Чудовищный треск. Скрежет железа. Пронзительный свист пара. Лавина огня из паровоза. Над головами партизан засвистели обломки стали, куски железа и камни. Партизаны что было мочи бросились бежать. Сзади один за другим ухали тяжелые взрывы. Это рвались от детонации боеприпасы. Вагоны взлетали в воздух, как картонные коробки. Откуда-то издалека, с той стороны, где должен был находиться немецкий патруль, застучали автоматы.

Лишь через несколько километров форсированного марша партизаны решились сбавить темп.

Они радовались, как дети. Каждому хотелось поделиться своими впечатлениями. Вуйчик, Янек и Людвик, которые впервые принимали участие в такого рода операции, говорили с особым возбуждением.

— Здорово! — восторгался Вуйчик.

— Прописали собакам! — согласился Коцелек, жадно ловя воздух открытым ртом.

Стасиньский приостановился, снял шапку, вытер пот с лица и шеи, глубоко вздохнул и сказал:

— Уф... Здорово-то здорово, но, пожалуй, это еще не все. Под этот поезд мы заложили только половину взрывчатки. Килограммов двадцать осталось. Не тащить же, хлопцы, это добро обратно. Может, попотчнем фрицев еще?

Партизанам эта идея понравилась. Один перебивал другого:

— Давай давить сукиных сынов, пока порох есть.

— Ни одного эшелона не пропустим через Келецкую землю.

— Ясное дело. Не пропадать же такому лакомому куску. Заткнем его в глотку гитлеровским бандитам, пусть нас помнят!

— Ну, если все согласны, — подытожил командир группы, — уйдем сейчас поглубже в лес, переждем, пока фрицы расчистят и отремонтируют пути, а потом где-нибудь поблизости устроим им фейерверк. Но, чтобы дело не сорвалось, нам надо на время исчезнуть.

Наскоро посовещавшись, все двинулись к лесу. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда партизаны забрались в темный густой бор. Лучи солнца алчно слизывали серебряные капли росы. Все живое сновало в поисках пищи. Щебетали птицы. Шумели миллионы крыльев самых различных насекомых. Из деревень и с полей долетали голоса людей, мычание коров, пение петухов, гоготание гусей и лай собак. Вокруг кипела обычая дневная жизнь. У партизан же, как правило, все было наоборот. Основная их жизнь проходила ночью, а днем они отдыхали, если, конечно, не приходилось вести бой.

Пятерка наших храбрецов забралась в кусты, в заросли палоротника и терна. Бойцы съели по куску соломинки с черствым хлебом и улеглись спать. Один из них караулил. Ближе к вечеру все проснулись. Жажда напомнила о себе, но никто даже не предложил пойти поискать питьевой воды. Как только стемнело, все пятеро направились к железнодорожной линии. И перехитрив немецкую охрану, подорвали еще один эшелон, направлявшийся на фронт.

— Вот теперь я чего-нибудь съел бы, — заявил Людвик.

Бойцы давно не брали в рот ни крошки. Да и жажда изрядно мучила. Теперь, когда задание было выполнено и они почувствовали себя в большей безопасности, мысль об утолении голода становилась все навязчивее.

— Попытаемся, — решил Сташиньский.

В темноте замаячили белые стены крытого железом дома. Партизаны направились к нему через поле мокрого от росы проса. На минуту остановились у забора. Уютный домик стоял в саду, среди деревьев. Стали искать калитку, но, прежде чем успели ее найти, из-за ограды послышался предостерегающий окрик и вслед за ним автоматная очередь. Партизаны бросились бежать.

— Наелись, — чертыхнулся Ясь, когда они остановились на опушке леса. — Черт бы их побрал!

— Тсс, — шикнул на него Сташиньский. — Потише, парень.

С минуту прислушивались, но выстрелы стихли, и больше не было слышно ничего, кроме шелеста листвы.

Небо на северо-востоке побледнело. Открывшийся глазам партизан пейзаж поражал своей неприветливостью.

— Что будем делать? — спросил Ясь.

— Свистеть да бегать, — ответил Коцелек.

— Гостиница заказана, постели нас ждут, — засмеялся Людвик.

На краю леса виднелся дом лесника. Колебались не больше минуты: холод пробирался сквозь мокрую от росы одежду, все больше давала о себе знать усталость.

— Попытаемся, — решил Сташиньский.

Осторожно приблизились к дому со стороны леса. Остановились у риги. Тишина. Окна закрыты ставнями.

— Давай постучим, — предложил Вуйцик. — Поесть бы...

— И схлопотать по шее, — прыснул Коцелек. — С голоду не подохнем.

— Ясно, не подохнем, — поддержал его Сташиньский. — Не будем больше рисковать. Пошли спать в ригу.

Самая уютная кровать не заменит свежего пахучего сена, а тут его целый стог! Зарылись в сено и тут же уснули.

Был уже день, когда их разбудил голод. Вуйцик сполз вниз и посмотрел через щель в воротах. Сердце у него тревожно забилось. Такой картины он никак не ожидал увидеть. Во дворе, словно у себя дома, расположилась большая группа вооруженных людей.

Он стянул с сена сонных партизан и показал им, что творится.

— Мать честная! — прошептал Людвик.

— Холера! — выругался Ясь. — Обязательно во что-нибудь влупнем.

Какой-то партизанский отряд. Но какой? Прежде чем они успели что-нибудь решить, в ригу вошел хозяин... Ворота слишком долго были открыты, и люди во дворе, конечно, заметили, что в риге кто-то скрывается. Партизаны тотчас же отскочили в сторону, но на секунду позже, чем следовало. Во дворе поднялась суматоха. Люди схватились за оружие.

— Черт побери! — выругался Сташиньский. — Нас заметили!

Лесник побледнел и от страха не мог вымолвить ни слова.

— Что за отряд? — спросил Сташиньский.

Хозяин с трудом проглотил слюну.

— Это... свои, — промямлил он, косясь на оружие, направленное ему в грудь. — Поляки.

— Видим, что поляки. Из какого отряда?

— Не знаю. Это... свои, — повторил он.

— Ну, ладно, — решил Сташиньский, — давайте выйдем.

Он посмотрел на товарищей. Никто не протестовал. Впрочем, выбирать было не из чего. Если это враги, то рига все равно не укрытие, а если друзья, сидеть тут незачем. Надо же было, чтоб их заметили! Этот чертов лесник вошел бесшумно, словно кошка.

— Пошли!

Бойцы вышли во двор, готовые ответить огнем, если на них нападут. Солнце, клонившееся к западу, слепило глаза.

— Не стреляйте, панове, не стреляйте, — закричал лесник, — это свои, поляки.

Партизаны остановились и так стояли с минуту друг против друга с автоматами наготове. Потом откуда-то сбоку, из-под огромного дуба в конце двора, послышался голос:

— Вы из какого отряда?

— А вы из какого? — ответил вопросом на вопрос Сташиньский.

— Энэсзетовцы!

«А, чтоб вас черт побрал, — выругался про себя Сташиньский, — то и дело вы нам погоду портите! Теперь

нам, кажется, не выкрутиться. Ночью еще можно очки втереть, а средь бела дня, когда наши пястовские орлы за километр на солнце блестят...»

— А вы? — услышал он повторный вопрос и, посмотрев в сторону дуба, заметил звездочку на плече спрашивающего.

— Из бригады «Грюнвальд», — доложил он, щелкнув каблуками.

— А-а-а... берлинговцы, — обрадовался подпоручник.

— Берлинговцы, — подтвердил Сташиньский.

— Большевики, да?

— Польские партизаны, — ответил Сташиньский, — такие же, как и вы.

— Ну, ну, вы с нами не равняйтесь, ясно? — буркнул подпоручник.

— Так точно, пан поручник, — согласился Сташиньский. — Разрешите нам идти?

— Подождите, я должен посоветоваться с командиром.

Подпоручник шепнул что-то стоявшему рядом солдату, и тот куда-то исчез.

— Вот дьявольщина, — тихо сказал Коцелек. — Влипли. Нам с ними не справиться.

— У них только винтовки, — заметил Людвик.

— Зато их вон сколько! Человек тридцать будет.

— Спокойно, хлопцы, — пытался успокоить их Сташиньский. — Может, начальство этой банды не решится связываться с нами...

Однако оно решилось. Спустя какое-то время примчалось еще человек тридцать энэсзетовцев и один офицер в звании поручника.

— Коммунисты, сложить оружие, — последовал приказ.

— Не можем, — ответил Сташиньский, — мы польские солдаты.

Поручник приказал своим плотникам окружить горстку партизан.

— Сложить оружие, — снова повторил он, — или мы вас всех перестреляем.

Партизаны стояли, прижавшись к стене риги, с автоматами, направленными на окружавших... Они понимали, что дело проиграно. Если бы это были немцы, они дрались бы до последней капли крови, но как открыть

огонь по своим? Им было приказано: избегать пролития братской крови. А ведь это поляки. Поляки, по враги. Как быть? Мысли быстро сменяли одна другую.

— Даем вам честное слово, — раздался в напряженной тишине голос поручника, — что ничего плохого вам не сделаем. Сложите оружие, пойдете с нами к майору Казимежу, он с вами потолкует, потом наверняка свяжется с вашим командованием, все выяснит, и вы будете свободны. Кажется, все ясно, не так ли?

Сташиньский взглянул на партизан. Лица их были бледны. Губы сжаты. В их глазах он прочитал ту же беспомощность, которую чувствовал сам. Тяжело вздохнув, сдернул с плеча автомат...

Срок возвращения группы истек. Потом прошло еще два дня, а партизаны в лагере все не появлялись. Как в воду канули. Это было тем более странно, что мы уже знали о подорванных эшелонах и прерванном на железной дороге движении. Следовательно, задание хлопцы выполнили. Немцы ремонтировали дорогу, и движение поездов на этом участке было полностью остановлено. Значит, с ними что-то случилось уже на обратном пути. Разведчики, однако, не приносили никаких сведений о том, чтобы в том районе немцы схватили кого-либо из партизан.

Меня все больше беспокоило это загадочное исчезновение наших партизан. Хуже всего была неизвестность. Она преследовала меня. Что могло с ними случиться?

И вот в один из дней в лагере появился незнакомец. Его хитроватость и некоторая загадочность поведения возбудили подозрение, и о нем доложили мне.

Я вышел на поляну и увидел худого, заросшего щетиной крестьянина в рваной шапке и такой же старой, рваной одежде. Он по-крестьянски поклонился и испуганно проговорил:

— Пан начальник, я тут задержался у вас, по дороге... иду в Далешице к брату... и вот того...

Я внимательно посмотрел в его выцветшие глаза, поблескивавшие из-под нависших мохнатых бровей, покрытых от солнца, потом улыбнулся и пожал его гвердую, словно вытесанную из дерева, жесткую ладонь.

— К брату, говорите? — переспросил я. — А откуда вы?

— Из-под Островца, пан... майор. Звезды-то у вас на погонах, как до войны, а?

— Да, вроде бы так. А вы что, служили в армии?

— В Луцке, в двадцать четвертом полку, но это еще в двадцать седьмом году.

— А в тридцать девятом не служили?

— Нет. Собирался было, да не хватило винтовок. Покрутился, покрутился, да и вернулся домой, а что было делать?

— Ну, а теперь как?

— Да как сказать? Вроде никак... Дети опять же, баба, хозяйство, хоть и небольшое, а рук требует...

— А что слышно под Островцом? Партизаны у вас там есть?

— Э, пан майор, нам это неизвестно. Может, и есть, но...

Я чувствовал, что мужик что-то не договаривает.

— А вы, хозяин, часом, не слыхали о подорванных несколько дней назад эшелонах? — спросил я наконец.

— Говорили что-то люди... Фрицы взбесились. Железа там уйму наломано, да и дорогу загородило, но сам-то я не видел...

— Жаль.

Мужик поскреб голову, сдвинул на затылок шапку и спросил:

— Это, часом, не ваша работа?

— Наша, — ответил я.

— А люди-то, пан майор, вернулись?

Я схватил его за плечо и закричал:

— Да говорите же, черт вас побери, что с ребятами! Не бойтесь.

Крестьянин стал рассказывать. Партизаны схвачены отрядом НСЗ майора Казимежа и отправлены в Дроговлю.

И сразу вся моя тревога лопнула как мыльный пузырь. Как же это сам я не догадался! Слишком рано перестал я считаться с этой враждебной силой, торчащей по соседству с нами, как заноза в боку. Не хотелось верить, что после провала их первоначального плана кровавой расправы с нами они захотят искать повод для конфликта. «Погодите же, бандиты, — думал я, — теперь-то уж мы с вами разделяемся!»

К вечеру в лагере появился капрал Винярчик и со-

общил, что партизаны живы и сидят под замком в одном из подвалов в деревне Дроговле.

Они должны вернуть нам наших людей, решил я, а если откажутся, тогда... Что будет тогда — я предпочитал не думать. Правда, разделались бы мы с ними без особого труда, особенно теперь, когда вместе с отрядом Маслянки могли выставить пятьсот человек против ста-пятидесяти — двухсот энэсзетовцев. Но сколько пролилось бы крови! Как торжествовали бы гитлеровцы! Поэтому думать о таком исходе можно было только как о последней крайности.

В штабе далеко не все разделяли мою точку зрения. Кое-кого так и подымало разделаться иаконец с этим коварным врагом. Однако мне удалось умерить пыл сторонников возмездия, и в конце концов мы выработали следующий план действий: все отряды, в том числе Маслянки и Дзекана, окружат деревню; минометы будут наведены на группу домов, в которых разместился штаб Казимежа; штаб бригады на период операции расположится у развилки дорог, в семистах метрах севернее деревни; во все отряды будут высланы офицеры связи с задачей следить за тем, чтобы отрядам вовремя был передан приказ об атаке; атаку осуществить концентрированным ударом одновременно всех отрядов с задачей овладеть деревней, учитывая при этом, что, если энэсзетовцы окажут сопротивление, они должны быть уничтожены; атаку начинать только по сигналу командира бригады (сигнал — ракета).

Были согласованы также многие другие, более мелкие детали предстоящей операции, причем я особо просил своих товарищев постараться как можно больше брать пленных и отсыпать их в штаб бригады. Я несколько раз подчеркнул, что в нашу задачу входит не уничтожение людей из отряда Казимежа, а только ликвидация отряда как боевой единицы. Наконец, я попросил сохранить в строжайшей тайне истинную цель операции даже от наших людей. Официально мы проводили крупные учения. Я опасался (а для таких опасений основания имелись), что наши бойцы, особенно из числа местных крестьян, которые немало натерпелись от здешних фашистов, захотят по-своему разделаться с энэсзетовцами. Этого ни в коем случае нельзя было допустить.

Настало утро. Отряды двинулись по своим маршрутам к деревне и заняли исходные позиции. Маневр был выполнен искусно, и только в самый последний момент энэсзетовцы поняли, что происходит что-то неладное. Мы были уже на своих местах. Я в бинокль осматривал деревню и видел, что лишь теперь там поднялся переполох.

Получив донесения, что все наши отряды вышли на ударные позиции, я направил в деревню двух офицеров — поручников Шевчика и Петелицкого. Они должны были передать командиру энэсзетовского отряда наш категорический ультиматум. Появление их на дороге вызвало в деревне еще больший переполох. Теперь уже у энэсзетовцев не могло оставаться никаких сомнений в отношении того, кто их окружил, а поскольку совесть их была нечиста, они, как видно, не на шутку перетрусили. Даже часовой, остановивший наших парламентеров, выглядел испуганным и растерянным.

Вскоре в сопровождении офицеров появился майор Казимеж. Он был бледен, но пытался держаться вызывающе.

— Мы требуем немедленной выдачи наших людей вместе с оружием, — заявил ему Шевчик. — Это ультиматум.

— Полегче, поручник, — возмутился Казимеж. — Что это за странная манера представляться? Вы что, иначе не умеете?

— Нет времени, — отвечал Шевчик. — Если вы немедленно не освободите наших людей, мы откроем огонь. Надеюсь, вам уже ясно, что вы окружены. Достаточно нескольких минут, чтобы передавить вас всех, как мух.

— Как вы смеете! — закричал Казимеж. — Это безобразие! Это провокация! Мне ничего не известно о ваших людях! Вы еще мне грозите!

Шевчик как политработник чаще других выслушивал жалобы крестьян на бандитские выходки энэсзетовцев. Поэтому он знал, что за фрукт стоит перед ним. Он не выдержал и, перегнувшись в сторону Казимежа, прошипел:

— Бандюги вы, понятно? Бандюги и фашисты! Передавим вас, как вшей. Ясно?

Офицеры, сопровождавшие Казимежа, схватились

за кобуру. Однако достаточно было одного едва заметного кивка их начальника, чтобы они опустили руки.

— Поручник, — обратился Казимеж к одному из своих офицеров, — прошу вас проверить, есть ли у нас люди из бригады «Грюнвальд». Если есть, немедленно освободить их!

— С оружием! — добавил Шевчик.

— С оружием! — подтвердил Казимеж.

Офицер, скрипнув зубами, удалился, а Казимеж деревяным голосом проговорил в сторону Шевчика:

— Мне ничего не известно о задержании ваших людей. Сейчас все выяснится.

В прищуренных глазах майора угадывалась лютая, но бессильная ненависть. В этот самый момент он, видимо, понял, насколько переменились роли. Он уже не мог чувствовать себя хозяином на этой земле и понял, что нашелся кто-то посильнее. Он наверняка не мог себе простить того, что они не напали на нас сразу же после нашего прибытия сюда, что не отважились атаковать сотню измотанных, дезориентированных парашютистов, которые, вероятно, оказали бы яростное сопротивление, но которым пришлось бы уступить превосходящим силам хорошо знающих эту местность энэсзетовцев. А ведь последние могли рассчитывать и на другие отряды, действовавшие на территории воеводства. Да и гитлеровцы при случае пришли бы им на помощь. А что сейчас? Сейчас им оставалось одно: скрежетать зубами и молить бога, чтобы коммунистам не пришло в голову нанести по ним последний удар...

Когда пятеро наших отважных партизан со следами тяжелых побоев оказались среди нас, я отдал приказ снять блокаду. В этот момент я чувствовал, что поступаю вопреки воле большинства. Ведь все знали, какой удобный случай представился свести старые счеты, а тут вдруг последовал приказ, что называется, оставить волка в его норе. Разве это не парадокс?

Я понимал состояние партизан. Меня самого терзали противоречивые чувства. Но все же я должен был поступить согласно указаниям моих старших начальников и согласно моей совести, тем более что указания эти исходили из глубоко осмысленных и мудрых предпосылок. К тому же мы и так одержали большую победу: не только спасли наших ребят, но и нагнали на энэсзетов-

иев такого страха, что потом они уже не отваживались нас трогать. Мы могли со спокойной совестью сказать себе, что являемся в этом районе хозяевами положения. Сознание этого факта имело для нас огромное значение, ибо удваивало наши силы.

ОПЕРАЦИЯ В ЩЕЦНО

У шоссе, связывающего Пежхницу с Кельце, удобно расположилась довольно большая деревня Щецно. Неподалеку от нее раскинулся парк. В зелени его редкой красоты деревьев скрывалась старинная поместья усадьба. До войны эта усадьба с окрестными лесами, обрабатываемыми полями и лугами принадлежала графу Карлу Мове, немцу по происхождению. Имение было немалое — по площади оно занимало две тысячи гектаров. В хозяйстве старого Мове трудилось около двадцати крестьянских семей, а на сезонные работы из деревни нанималось еще несколько десятков мужчин и женщин. Хозяйство в имении было налажено неплохо. Оно приносило старому помещику прибыли, на которые позже он смог приобрести новое имение, на этот раз уже в Германии.

В годы оккупации старик не очень уютно чувствовал себя в своем польском владении: возможно, его не устраивала оккупационная администрация соплеменников, а может быть, он боялся волнений среди все сильнее притесняемых местных жителей. Но как бы там ни было, здесь он задержался недолго и в скором времени переселился во второе имение. Своих сыновей, которые перед войной прошли службу в Войске Польском и стали офицерами запаса, он отдал в вермахт, а в имении в Щецно оставил управляющим поляка, по фамилии Монкевич. Местные власти расположили в имении гарнизон, насчитывавший несколько десятков солдат. Немцам это было выгодно: солдаты не только несли охрану имения, дававшего им необходимые продукты, но и одновременно могли держать в повиновении жителей окрестных деревень. А это выражалось в привлечении жителей к принудительным работам, в проведении карательных операций в непокорных деревнях, в грабежах, избиениях и убийстве беззащитных людей.

С некоторых пор в ближайших окрестностях стали действовать многочисленные отряды движения Сопротивления, а район юго-восточнее Кельце стал называться партизанским краем. Гарнизон гитлеровцев все реже делал налеты из Щецно, но зато они отличались еще большим зверством. Жители деревни и окрестных поселений стали обращаться к командованию различных партизанских отрядов с просьбой расправиться с гитлеровцами и изгнать их из Щецно. Такие попытки предпринимались несколько раз, однако все они кончались неудачей. Удалось добиться лишь одного: напуганные немцы из особняка, построенного из стволов листвениц, перебрались в хозяйственное строение, стоявшее неподалеку, и забаррикадировались в нем. Оно выгодно отличалось от особняка тем, что имело толстые стены и небольшие окна. И все же гитлеровцы не прекратили своих бандитских налетов. Жители же не переставали жаловаться.

Когда ко мне обратились с просьбой оказать помощь, я не смог сразу принять решение. В первую минуту подумал, что гарнизон действительно торчал в этих местах, словно заноза в боку. К этому времени немцы уже отвели свои посты из деревень в город и в более крупные сельские местечки. Они вынуждены были сделать это под натиском ширившегося партизанского движения, которое безжалостно сметало мелкие отряды гитлеровцев.

И только одно Щецно они не хотели уступать. Укрепились в нем еще сильнее, продолжая мучить жителей. В Щецно они убили нескольких человек, зверски расправились с непослушным старостой Боркува Юзефом Лукавским, пригрозив, что уничтожат всех, кто отважится поднять на них руку.

Я выслал в Щецно разведку. Полученные оттуда вскоре сведения не радовали. Гитлеровский гарнизон, насчитывавший несколько десятков человек (большей частью власовцев), превратил свое логово в настоящую крепость. Все фашисты жили в одном помещении того самого строения с толстыми стенами. Это давало немецким командирам возможность держать гарнизон в постоянной боевой готовности. Достаточно было подать сигнал тревоги — и гитлеровцы немедленно занимали свои места. Окна, обложенные мешками с песком и за-

крыавшиеся надежными ставнями, представляли собой удобные бойницы. На крыше был установлен тяжелый пулемет с широким сектором обстрела. Вот это-то строение и предстояло уничтожить. Но подступиться к нему было невозможно. Три пулеметных гнезда обеспечивали круговой обстрел. Плотные проволочные заграждения огораживали строение со всех сторон. Установливаемые на ночь минные поля перекрывали все подходы, за исключением основной дороги да нескольких тропинок. Кроме того, была усилена ограда, огораживавшая территорию парка. Со стороны шоссе ее защищала старая, но все еще достаточно крепкая кирпичная стена. С остальных сторон были протянуты сетки и установлены проволочные заграждения. Днем у ворот всегда маячил часовой, а на ночь выставлялись еще два поста у укрепленных построек.

«Как же ликвидировать эту проклятую крепость?» — думали мы. Если бы мы имели тяжелое орудие, хотя бы пушку, то просто-напросто разбили бы это бандитское гнездо снарядами. Если бы был хоть малейший шанс подобраться вплотную к строению, его удалось бы уничтожить, подложив необходимое количество тротила. Конечно, если не считаться с собственными потерями, можно в конце концов атаковать здание несколькими штурмовыми группами. Все это, однако, выглядело нереально. Тяжелого оружия мы не имели. Подходы к строению были прикрыты надежно. Так что же, посыпать на верную смерть полсотни партизан? Нет, об этом не могло быть и речи. Поэтому оставалась одна-единственная возможность — взять фашистов приступом.

Прежде всего решили добыть «языка». Одна из наших боевых групп получила задание: отправиться в район Щецно, еще раз уточнить, нельзя ли каким-либо путем выкурить немецкий гарнизон из его гнезда, и любой ценой захватить пленных. Группу повели Юзеф Дзедзиц и Станислав Павлик (Бискуп). Оба были родом из самого Щецно и знали этот район как свои пять пальцев. В отряд они пришли одними из первых, причем далеко не новичками в партизанском ремесле (и тот и другой сражались раньше в отряде Сашки). Им не терпелось принять участие в ликвидации немецкого гарнизона в Щецно. Они больше других знали о гарнизоне. У обоих в деревне остались семьи. И конечно, если бы

немцы дознались, что двое мужчин из этих семей находятся в партизанском отряде, то последним пришлось бы худо.

22 июля высланная к Щецно группа, сама того не зная, совершила первый в истории нашего партизанского соединения июльский подвиг. В этот день, когда в Хелме, далеко за Вислой, Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО) принял исторический Манифест, группа, устроив засаду на шоссе Боркув — Кельце, напала на немецкий отряд, двигавшийся к Кельце. Разгромив его, группа захватила в плен двух гитлеровцев. Результаты этой удачной засады оказались прямо-таки исключительными.

«Языков» доставили в лагерь. Начальник штаба капитан Левецкий немедленно допросил их. После этого пленных привели ко мне. Оба оказались молодыми парнями. Одному из них было лет девятнадцать, другому — двадцать. И тот и другой были из власовского отряда. Это меня больше всего возмутило. Я заявил им, что они, как предатели, заслуживают расстрела. Однако Левецкий посоветовал мне выслушать их. Я так и сделал.

Оба были выходцами из донских хуторов. В Красную Армию их призвали в середине сорок третьего года. Поздней осенью того же года, в период боев на Украине, они попали в плен. Затем концлагерь. Здесь они познали и голод, и холод, и издевательства. Эпидемии косили заключенных тысячами. И вот после такой обработки фашисты принуждали пленных вступать в карательные отряды, воевать против своей родины. Большинство предпочитало предательству смерть. Те же, кто были посильнее, пытались бежать из лагеря. И многим это удавалось. Более слабые в моральном отношении соглашались идти на службу к гитлеровцам. Нелегко было принимать такое решение. Некоторые оправдывались перед собой тем, что так легче будет при удобном случае перейти к своим. Другие думали только о спасении собственной шкуры. Гитлеровцы не собирались кормить новых подчиненных задаром и требовали от них безоговорочного повиновения. А это означало, что последние должны были творить преступления против беззащитного населения.

Из того, что рассказали о себе и своих сослуживцах по гарнизону в Щецно эти двое молодых ребят, я понял,

что из них еще можно сделать людей. Я, разумеется, отказался от мысли расстрелять пленных. Мне в какой-то мере даже стало жаль их, но я не подал виду и строго спросил:

— Признавайтесь, сколько невинных людей вы убили?

Они поклялись, что не убивали никого. Правда, среди их сослуживцев есть такие, которые убивали и терроризировали население. Их фамилии они уже сообщили нашему начальнику штаба, а сами хотели бы перейти к партизанам.

— Сейчас? — Я повысил голос. — Почему же вы раньше не подумали об этом? Почему сами не пришли к нам?

— Мы боялись, что партизаны расстреляют нас... Я приказал посадить их под арест и распорядился, чтобы им дали возможность слушать радио, которое последние дни передавало неплохие сообщения с фронта. Как раз в это время развивалось советское наступление от Ковеля, а войска 1-го Белорусского фронта освободили Люблинщину. Южнее маршал Конев освободил Львов и продвигался со своей армией в нашу сторону. Обстановка складывалась так: когда советские войска подойдут к Висле (а это уже было вопросом нескольких недель), мы окажемся в прифронтовой полосе, а если гитлеровцы не укрепят оборону на Висле, то неделей позже мы уже будем среди своих. Хотелось, чтобы наши пленные поразмыслили над этим и сделали для себя выводы. Я рассчитывал, что позже они честно выполнят наше поручение. А нам они были нужны. Только с их помощью мы могли проникнуть в это проклятое гнездо и выкурить оттуда гитлеровцев раз и навсегда.

Мы собирались в штабе на короткое совещание.

— Если бы можно было проверить показания пленных, я бы не сомневался, что пора начинать, — заговорил я.

— Это можно сделать, — заметил Рыковский.

— Что? — удивился я. — Если это можно сделать, то, может, ты и сделаешь, а?

— Отчего бы нет, — ответил он. — Сделаю.

И Рыковский изложил нам свой совсем несложный, но несколько рискованный план.

— Немецкий я знаю, — начал он. — Переоденусь в гражданское, изготовим какую-нибудь немецкую бумагу, в которой будет сказано, что я являюсь, например, земельным инспектором и прибыл осмотреть имение... Ну а когда туда войду, думаю, смогу увидеть, что нужно. Ну как, подходит?

— Гм, — хмыкнул я. — Дело хитрое, но немного сумасбродное. Честно говоря, мне не хочется, чтобы ты рисковал.

— Для этого нужно быть слишком отчаянным, — заметил Левецкий.

— Как будто этого мне не хватает! — рассмеялся Рыковский. — Разрешите воспользоваться такой возможностью. Увидите — все кончится хорошо. Нельзя же пренебрегать сведениями из первоисточника.

Он сумел нас уговорить. Переоделся в гражданское, достал где-то тирольскую шапочку, изготовил удостоверение, в котором говорилось, что «герр Тарка является земельным инспектором Келецкого повята». И вот телега, запряженная парой лошадей, с восседающим на ней партизаном, одетым во все крестьянское, покатила к Щецно.

Рыковский вернулся через два дня. Довольный, улыбающийся.

— Задание выполнено! — доложил он. — Здорово я там попил и вспасть поел. Бог ты мой, какая у них жратва и водка!

— Так чего же ты не остался там насовсем? — съязвил я.

— Боялся, лопнете от зависти, — засмеялся он. И тут же начал рассказывать о своей поездке. Имение он «проинспектировал» здорово. Оказалось, что последнее время дела в этом хозяйстве шли далеко не блестяще. Поэтому управляющего Монкевича и немецких командиров, отвечающих за его состояние, охватило беспокойство. Опасаясь нежелательного для них доклада, который «герр инспектор» должен был представить властям в Кельце, что могло, в свою очередь, лишить их теплого местечка, управляющий и немцы всячески угождали гостю. Отсюда и водка, и обильное угощение, и откровенный разговор о том, как трудно удерживать крепость в этом партизанском крае, и септования на командование, которое недооценивает их

роли, с пренебрежением относится к докладам о слабых местах в обороне и не присыпает ни людей, ни необходимого оружия, к примеру, тяжелых пулеметов. Рыковский с серьезным видом кивал головой, вздыхал сочувственно, а сам вытягивал из них все новые и новые сведения. Таким путем ему удалось убедиться в правдивости показаний наших «языков» и значительно дополнить их.

Теперь мы могли приступить к разработке плана ликвидации гарнизона в Щецно. Все в штабе согласились с тем, что для этой цели необходимо привлечь наших пленных, тем более что они сами стремились, по их словам, «искупить свои преступления». Исходя из этого, мы разработали в общих чертах следующий план действий: партизаны ночью подойдут к Щецно, скрытно займут позиции вокруг парка, при этом сильный резерв во главе с командиром остановится около главных ворот. Коля и Степа — так звали наших пленных — войдут внутрь как ни в чем не бывало и, обезоружив часовых, подадут группам, которые окружат парк, сигнал к атаке. На тот случай, если пленные обманут, командир откажется от атаки. Тогда, конечно, это может стоить жизни многим нашим бойцам.

Коля и Степа, узнав о той роли, которая им отводилась в предстоящей операции, сразу загорелись желанием поскорее отправиться на дело. Глядя на них, я все больше убеждался в том, что их стремление реабилитировать себя — искреннее. Однако когда они попросили оружие, я им ответил:

— Сдаваясь в плен, вы отдали свое оружие немцам. Теперь вы должны вернуть его себе сами.

И все же я разрешил выдать каждому по две гранаты-лимонки. Когда они нашли на свои мундиры знаки различия, то снова выглядели как настоящие солдаты гитлеровской армии. Часовые в Щецно не должны были учゅять подвоха.

Командовать группой в сто двадцать бойцов должен был поручник Яцняцкий. Он подобрал себе людей, в основном из местных. Среди них были и такие испытанные партизаны, как Анатолий Жук, Станислав Хвищук, Владислав Цыбульский, Бронислав Давидович, Станислав Бартош, старый коммунист Куля из деревни Бжезины, затем Дзедзиц, Павлик, Поневерка, Фортуньский,

Сковроньский, Кобрын, Мазур, Зенчик, Домонь, Сро-
кош, а также девушки — Ядзя Энгельгард и Рена. За-
местителем командира группы был назначен поручик
Шевчик.

В намеченный день, после обеда, группа вошла в
лес и извилистыми тропинками через лощины и холмы
двинулась к Щецно. Почти в то же самое время мы
выслали в разных направлениях несколько небольших
боевых групп. Это была старая партизанская тактика,
согласно которой для обеспечения успеха одной, самой
важной боевой операции проводилось одновременно не-
сколько других, менее важных, но отвлекающих внима-
ние противника и полностью дезориентирующих его.
Крупные отряды гитлеровцев, поднятые по тревоге, не
могли знать, куда поспешить на помощь прежде всего.
Тем более что местные жители, которых об этом рас-
спрашивали, обычно преувеличивали партизанские си-
лы, и в результате отделение вырастало до роты, а рота —
до бригады. Когда-то здесь еще шныряли осведоми-
тели и доносчики, но последнее время их истребляли
с таким упорством, что даже те, которые и хотели бы
о чем-либо донести, предпочитали сидеть, как мышь в
норе, и не восстанавливать против себя ни соседей, ни
тем более партизан.

Еще не дойдя до Щецно, группа Яцняцкого выросла
вдвое. Жители из окрестных деревень, из Коженне,
Смыкува, Холендров, Уймов, Гуты, узнав о цели опера-
ции, доставали припрятанное оружие и присоединялись
к партизанам. Вначале Яцняцкий радовался, что сила
его отряда растет, но потом забеспокоился: ведь все эти
вновь прибывшие могли превратить его слаженную боевую
группу в отряд народного ополчения. Он даже хотел
чтобы брать больше добровольцев, но всякий раз слышал
от них заверения в том, что они не подведут, что идут
на дело вместе с партизанами не впервые (это подтвер-
дили партизаны из местных). Поэтому Яцняцкий не мог
отказать им. Одних он распределил по партизанским
отделениям. Из других собрал новые отделения. Тех же,
что прибывали организованно, уже как готовое боевое
подразделение во главе со своим командиром, он
не стал расформировывать. В лесу под Щецно каждое
из подразделений получило задание, после чего было
приказано остановиться на более длительный привал,

чтобы последний раз проверить оружие и разведать местность.

Шевчик с разведывательной группой направился к деревне, где Дзедзиц и Павлик должны были встретиться с одним местным разведчиком, уже давно следившим за действиями гитлеровского гарнизона в имении. Этим разведчиком был Тадек Дзедзиц, пятнадцатилетний сын помещичьего конюха-батрака. Тадек целыми днями вертесь среди гитлеровцев. Проинструктированный еще раньше нашими партизанами, он высмотрел, где стоят пулеметы, установил, когда меняются часовые, а также распорядок дня. И вот, встретившись с парнишкой, мы получили подтверждение, что все в порядке: гитлеровцы ничего не подозревают, ведут себя как обычно. Тогда Шевчик поручил ему оповестить людей, проживающих в непосредственной близости от имения, что с восходом солнца они должны забрать все свое имущество, оставить дома и спрятаться в ближайшем лесу. Эта мера предосторожности была необходима: мы не имели права подвергать жителей опасности. Ведь на помощь гарнизону в Щецно могли поспешить отряды гитлеровцев из других мест, а уж если бы они появились здесь, то могли бы выместить свою злобу на крестьянах. На всякий случай мы повредили линию телефонной связи.

Теперь Яцняцкий занялся подготовкой к предстоящему бою. Он выслал на шоссе к обеим окраинам Щецно два отделения, придав каждому по два ручных пулемета и по одному противотанковому ружью. Одно отделение должно было устроить засаду в нескольких сотнях метров от Щецно на шоссе со стороны Пежхницы, а другое — со стороны Боркува. Эти отделения получили задачу задержать гитлеровцев, как спешащих на помощь, так и тех, которые могли случайно направляться к Щецно.

Несколько сильных штурмовых групп начали окружать парк. Они по очереди уходили на свои позиции. Стемнело. Проводники бесшумно, чтобы часовые в парке ничего не заметили и не услышали, вели за собой партизан. Все продвигались крайне осторожно, стараясь, чтобы ни один камень не шевельнулся под ногой.

Яцняцкий с пятьюдесятью бойцами залег на хлебном поле метрах в двухстах от главных ворот. Едва забрез-

жил рассвет и запели первые птицы, Яцняцкий подал знак своим разведчикам, а те, притаившись у ворот, подтолкнули вперед пленных. Почти в ту же минуту часовой щелкнул затвором винтовки.

— Стой! Кто идет? — раздался оклик.

— Чего орешь, Васька? — донесся спокойный голос Коли. — Ты что, не узнаешь меня? Это же я, Коля.

— Коля! — удивился часовой. — Черт возьми! Воскрес ты, что ли?

— Как это воскрес?

— Так тебя же убили около этого проклятого Боркува!

— Ты обалдел, Васька, — остановил его Коля. — Ей-богу, обалдел! Мы же живы и невредимы, и я, и Степа, смотри!

Ребята уже стояли около часового. Коля взялся рукой за ствол его винтовки и шепотом произнес:

— А теперь, Вася, отдай оружие. Вы окружены. Будешь сопротивляться, пропадешь!

Часовой опешил. Но не успел он опомниться, как винтовка была уже в руках у Коли. Коля подтолкнул часового и показал в сторону разведчиков, лежавших у ворот во ржи:

— Не бойся, они ничего тебе не сделают. Это хорошие люди.

Передав часового в руки разведчиков, Коля и Степа направились в глубь парка. Еще двоих часовых они сняли тем же способом. Пока все обошлось без выстрелов. Ни один часовой даже не отважился крикнуть.

Яцняцкий, приняв сигнал, что путь к парку свободен, подтянул штурмовую группу к воротам, а затем осторожно, под прикрытием старых деревьев, направил ее к зданию. Коля показал, где установлены мины. Бойцы залегли, заняв выгодную позицию между деревьями, а Коля по приказу командира провел группу подрывников через проход в проволочном заграждении и, пригнувшись, как кот, прыгнул к стене здания. Минуту спустя подрывники уже лежали рядом с ним. Растигнувшись в цепочку вдоль стены, они стали быстро закладывать заряды.

Несколько раньше Яцняцкий выслал связных к группам, окружавшим парк с других сторон, и отправил им в помощь Степу, чтобы он показал, где установлены

мины. Вскоре все здание было полностью окружено партизанами. Подрывники тоже сделали свое дело. Еще минута — и Яцняцкий должен был отдать приказ открыть огонь.

Коля вырос перед командиром неожиданно. Он должен был находиться вместе с подрывниками и прислушиваться, не проснется ли кто в здании и не заметит ли раньше времени необычное движение за окном.

— Ты чего? — буркнул Яцняцкий, увидев возбужденное лицо парня.

— Товарищ командир! — быстро проговорил он. — Разрешите действовать...

— Ты уже и так действуешь! — остановил его Яцняцкий. — Даже очень. Ты зачем сюда прискакал? Почему не охраняешь подрывников? Если хоть одна граната на них упадет, смотри!

Яцняцкий с беспокойством посмотрел на окна здания. Они матово отвечивали в предрассветных сумерках. Затем бросил взгляд на своих хлопцев, притаившихся за деревьями. Нет, все спокойно, опасения напрасны — окна под неусыпным наблюдением, и если бы кто появился в них, то сразу же упал бы, скошенный автоматной очередью.

— Разрешите, товарищ командир, — быстро проговорил Коля, — войти внутрь. Пирамиды с оружием стоят в большом помещении... Если удастся до них добраться...

Яцняцкий прочитал в глазах парня столько искреннего желания помочь партизанам, что сразу решился.

— Добро, — сказал он. — Попробуй. В случае чего бросай в них гранату и прыгай за дверь. У выхода будут наши люди...

Коля быстро исчез за деревьями и вскоре появился перед входом в здание. Сжимая в руке гранату, он осторожно открыл дверь. В помещение вел широкий дверной проем, ничем не занавешенный. Коля увидел погруженных в сон людей, тесно лежащих друг возле друга на узких нарах. Все это он раньше воспринимал как нечто естественное, как часть прожитой и не раз проклинаемой жизни. А теперь все это было враждебно, направлено против него. Сердце его забилось. Он почувствовал, как струйки холодного пота сбегают по спине. Пальцы впились в ребристую поверхность гранаты. Он

стоял один против многих... Глубоко вздохнув, он двинулся к пирамиде. Ухватился за ручной пулемет, с трудом взвел затвор одной рукой (левая все еще сжимала гранату). Кто-то из спящих заворочался, разбуженный щелканьем затвора. Еще кто-то открыл глаза.

— Подъем! — закричал Коля, направив ствол пулемета в сторону нар. — Вы окружены польскими партизанами! Кто дотронется до оружия — погибнет!

Солдаты вскочили и, протирая заспанные глаза, уставились на Колю. Все произошло так неожиданно, что некоторые еще недоумевали, а кое-кто принял это за глупую шутку.

— Пошел вон, сумасшедший! — выругался кто-то и повернулся на другой бок.

— Откуда тебя черти принесли? — спросил Коля один из командиров.

Коля заметил, как один из немцев сунул руку под подушку.

— Руки вверх! — крикнул Коля, направив пулемет в его сторону. — Хенде хох! Стрелять буду!

Немец послушно поднял руки, а на лицах остальных появилось выражение испуга. Коля услышал за собой шаги. Оглянувшись, увидел партизан.

Несколько хлопцев остановились перед нарами, на которых дрожали от страха гитлеровцы, а остальные партизаны занялись пирамидой. Когда все оружие было вынесено, последовал приказ:

— Выходи по одному!

— Разрешите одеться, — отважился попросить один из плененных.

. Кто-то из партизан не выдержал и крикнул:

— Я вам оденусь, бандитское отродье! Пошевеливайся!

Узнав о том, что произошло внутри здания, партизаны, окружившие парк, радостно зашумели. Командиры были довольны, что все так здорово получилось, но кое-кто разочаровался.

— И это называется операция? — раздавались возмущенные голоса. — Ни одного выстрела и ни одного убитого гитлеровца.

Партизаны рвались расправиться с этой бандой трясущихся фашистов. Но Яцняцкий категорически запретил трогать пленных.

Первые лучи солнца озарили окрестности Щечино. Жители покидали дворы и направлялись к лесу, унося с собой имущество. В самом имении партизаны суетились вокруг конюшен, коровников и складов. Выгнали коров и овец, запрягали лошадей, а на возы грузили зерно, муку, крупу, соль, мясо копченое, мясо в бочках. Из складов выносили оружие, боеприпасы, обмундирование, обувь. Яцняцкий ходил именинником.

А в нескольких сотнях метров за окраиной партизаны, притаившиеся у шоссе, которое шло от Пежхницы, напряженно прислушивались. Сначала они уловили далекий, приглушенный гул. Но небо со стороны Пежхницы было чистое, как слеза, а гул все не замирал. Напротив, он нарастал с каждой секундой. Вскоре он стал напоминать глухое урчание, затем перешел в протяжное гудение. И вот уже все пространство заполнилось сплошным грохотом.

Партизаны переглянулись.

— Трактор, — сказал один.

— Целый табун тракторов, — добавил другой.

Подождали еще минуту. За поворотом шоссе что-то клокотало. Земля содрогалась.

— А может, это танки? — неуверенно предположил кто-то.

Командир группы побледнел.

— Ты что, с ума спятил? — набросился он на партизана. — Откуда им взяться здесь? Именце теперь, когда...

В это мгновение из-за поворота показались два стальных чудовища. Командир замер. Партизаны припали к земле. Но и земля показалась им сейчас какой-то чужой: она дрожала.

Командир толкнул партизана, лежавшего с противотанковым ружьем.

— Давай, бей по ним... — выдавил он из себя.

Партизан приподнял ствол и стал целиться в точку между башней и корпусом первого танка. Нажал на спуск. Но вместо тромкого выстрела услышал только тихий щелчок затвора. Не веря своим ушам, он еще раз нажал на спуск. И снова ничего. Партизан выругался и стал открывать затвор, но что-то мешало этому.

— Ну, что же ты? — крикнул командир. — Ждешь, пока нас раздавят? Стреляй быстрее, черти бы тебя небрали!

Партизан снова закрыл затвор и еще раз нажал на спуск. Ружье молчало.

— Ах ты черт! — выругался командир. — Выпустим по ним по одной очереди — и ходу!

Танки были уже близко, но что могли сделать им эти кусочки свинца из автоматов! Никто из партизан не обманывался на этот счет, просто нужно было подать сигнал тревоги Яцняцкому.

Яцняцкий, конечно, услышал стрельбу, но немногое из нее понял. Он решил, что это немецкий отряд спешит к имению на помощь. Только откуда он здесь появился? Кто мог так быстро предупредить гитлеровцев? Но если это все-таки подкрепление, то почему партизаны в засаде ограничились несколькими очередями? На всякий случай Яцняцкий приказал прекратить погрузку трофеев. Вскоре он услышал нарастающий на шоссе грохот тяжелых машин. Но не успел он сообразить, что бы это могло быть, как увидел партизан из засады, бегущих со всех ног в его сторону.

— Танки! Танки! — закричали они еще издали.

Этот крик мог напугать кого угодно, даже самого смелого. Прежде чем Яцняцкий успел принять нужное решение, партизаны бросились к строениям в поисках более безопасного места, подальше от шоссе. Яцняцкий даже охрип от крика, пытаясь во что бы то ни стало организовать хоть видимость обороны. Он ругался, размахивал пистолетом, но все напрасно. Увидев появившиеся из-за поворота танки, он со страхом подумал, что вся эта, казалось бы, так удачно проведенная операция за какую-то минуту полетела ко всем чертям.

...В тот день я с небольшим отрядом находился в Оцесенках. Приближался вечер. Я вышел с Рыковским из дома, в котором мы остановились. Мы говорили о том, что наши ребята уничтожили немецкий моторизованный патруль в Ракуве. На тропинке, рядом с лесной, появился велосипедист. Он изо всех сил нажимал на педали. Увидев нас, издалека замахал рукой. В велосипедисте я узнал местного учителя.

— Пан майор! — кричал он. — Пан майор! Виктория!

— Что случилось? — остановил я его. — Говорите по-человечески. Что, Варшаву освободили?

— Нет, — ответил он, с трудом переводя дух. — Ваши ребята захватили Щецино...

Щецино, конечно, не Варшава, но эта весть меня очень обрадовала.

— Откуда вам это стало известно? — спросил я, желая окончательно убедиться в правдивости слов учителя.

— Едут... сейчас будут здесь, — все еще тяжело дыша, сказал учитель. — Целая колонна... Много пленных, табун скота, телеги с продовольствием, оружием... На-конец-то, пан майор, наконец-то...

Я улыбнулся ему, поблагодарил за желанную весть. А учитель с удовольствием продолжал говорить, как это здорово, когда люди выходят навстречу колонне и приветствуют партизан как освободителей.

— И не удивительно, — продолжал он. — Уничтожение гитлеровского гнезда в Щецино — это же теперь надолго будет спокойствие во всей округе... Цветами забросали ваших ребят, пан майор. Девчата целовали. Я уж думал, колонна остановится. Но командир запретил устраивать отдых, разрешил только выдать самым бедным семьям несколько солдатских одеял, постель, даже барабана и поросенка оставил... Доброе сердце у этого командира, пан майор. А выглядит он как на картине: сухощавый, с усами, на стройном коне.

«Ой, Яцняцкий, Яцняцкий, — подумал я весело, — если мужчина так тебя расписывает, то что тогда остается девчатам...»

Этот победный марш и в самом деле подействовал на Яцняцкого облагораживающе. На высоком, норовистом аргамаке, добытом из щециенской конюшни, он держался ни дать ни взять как народонаселенный маршал.

Увидев нас, он на месте осадил коня, ловко спрыгнул на землю и, бросив поводья одному из своих партизан, молодцеватым шагом направился к нам. Пригладил усы, одернул мундир, поправил шапку. Приблизившись на положенное расстояние, он громко щелкнул каблуками, приложил руку к виску и с гордо поднятой головой доложил:

— Гражданин майор, поручник Яцняцкий докладывает о выполнении задания. Гитлеровский гарнизон в

Щецно прекратил свое существование. Захвачено около ста винтовок, автоматов, пулеметов и другого оружия и боеприпасы к нему. Взято в плен несколько десятков солдат, реквизировано в имении пятьдесят голов скота, более двухсот овец, а также одиннадцать пароконных телег с продовольствием, бельем и обувью. Потерь с нашей стороны нет. Во время операции отличился этот маленький казак, как его там, Коля, и партизанки Ядзя и Рена...

Колонна остановилась перед нами. Я взглянул на партизан и увидел наших девчят. Мне показалось, что они услышали последние слова своего командира: у обеих лица зарделись от смущения, а Рена стрельнула в меня глазами...

Я сердечно поблагодарил Яцняцкого и обнял его. Не скрывая радостного волнения, выразил благодарность всем партизанам. Что и говорить, я гордился, что командовал такими отважными молодцами.

Осмотрев трофеи, я подошел к пленным. Коля с дегтяревским пулеметом в руках командовал ими. Теперь они совсем не были похожи на тех, кто еще недавно наводил страх на всю округу.

Я протянул Коле руку и сказал:

— Спасибо, Николай. Для вас путь на родину открыт.

Теперь мне нужно было поговорить с пленными. Прежде всего я хотел сказать им, что случившееся с ними сегодня вскоре ожидает всех оккупантов и тех, кто пошел к ним в услужение. Каждого настигнет рука правосудия, сказал я пленным, каждый должен будет ответить за свои преступления, а особенно те, кто предал родину. Заблудшим, которые раскаиваются, дадим возможность реабилитировать себя. Мы — партизаны, и для нас главная цель не убивать, а бороться за свободу угнетаемого народа...

В то время, когда я говорил, ко мне подошел Рыковский. Пленные вытарашили глаза от удивления: в этом польском поручнике они узнали «инспектора», которого с такими почестями принимали несколькими днями раньше в Щецно, с ним пили водку и делились своими секретами.

— Мы уже знакомы, — произнес Рыковский с многозначительной улыбкой. — Я рад, что нам снова удалось

встретиться, правда, в несколько необычной обстановке. Я должен поблагодарить вас, ведь только ваша откровенность со мной помогла нам выполнить задание...

Меня очень интересовали подробности прошедшей операции, и, конечно, хотелось узнать, почему Янинцкий особенно подчеркнул заслуги девушек-партизанок Ядзя и Репы. И вот что я услышал.

— Долго не забуду эту необыкновенную операцию, — стал рассказывать Янинцкий. — Ей-богу, необыкновенная! Вы же знаете, я не первый день в партизанах, но такого в моей практике еще не бывало. Все вышло не так, как предполагалось. Нет, сведения о Щеню были, конечно, верные, без них мы вообще бы не обошлись, но зато потом все оказалось наоборот... Началось-то, как и было задумано. Даже больше того. Кто бы мог подумать, что мы захватим Щеню и возьмем в плен весь гарнизон без единого выстрела? Об этом я и мечтать не мог. Но тут этот казак, как его, Колька, так рассвирепел, набрался нахальства, что пробрался прямо внутрь этого гнезда. Заслужил парень медаль. В общем, все было конечно так быстро, что ребята стали выражать неудовольствие: столько стараний, столько готовились, а тут даже ни разу выстрелить не пришлось. Я их обругал за такие разговоры и, как оказалось, был прав. Дело еще не кончилось. Ни с того ни с сего со стороны Пежхницы вдруг черт принес два танка. У меня сердце в пятки ушло. Разве сделаешь что этим танкам, когда в руках одни автоматы? Ребята разбежались в разные стороны. Было у нас одно противотанковое ружье, но партизан с этим ружьем тоже куда-то драпанул. Тут я и подумал, что вот и конец пришел, хоть пулю пускай себе в лоб. Представьте на минуту себя в моем положении, представьте эту панику и несчастного командира, который ничего не мог поделать со своими людьми и остался один на один с этими двумя стальными чудовищами. Я — скорей в ворота и спрятался за кирличную стену ограды. Посмотрел назад, во двор, но ни одного из тех, кто охранял пленных, не увидел: все куда-то попрятались. И вот в этот момент услыхал автоматные очереди. Взглянул на шоссе и в третий раз за этот день был

поражен: оказывается, наши девчата стреляли по танкам. Ничего им они, конечно, сделать не могли — пули отскакивали от брони, как от стенки горох, а сами танки продолжали мчаться вперед. Я испугался: еще минута — и наши девчата поплатятся за свое безумство. Вот сейчас один из танков проутюжит ров, в котором сидят девчата, и тогда конец... У меня мурашки поползли по спине. Я решил отвлечь внимание танкистов от наших девчат и, высунувшись из ворот, стал стрелять по машинам. Но танки недооценили нашу стрельбу и продолжали двигаться по середине шоссе как ни в чем не бывало. Я увидел около себя в этот момент нескольких партизан: наверное, опомнились и им стало стыдно. «Где петеэр?» — кричу. «Здесь, в кустах!» — ответил кто-то. «Давай его сюда!» И тут же вижу: партизан с противотанковым ружьем сам бежит в нашу сторону. «Где тебя черти носили?» — закричал я на него со злостью. Он не ответил, упал на землю, зарядил ружье и начал прицеливаться. Люди стали возвращаться. Кто-то попытался достать танки гранатой, потом с противоположной стороны шоссе громыхнуло противотанковое ружье. «Наверное, — подумал я с облегчением, — этот парень из засады, у которого испортилось ружье, устроил повреждение». Партизан лежавший у ворот, тоже выстрелил из своего петеэра. Поверьте мне, это была чистая работа: выстрел пришелся прямо в гусеницу. Танк закружился на месте, съехал в кювет, а там его прикончили гранатами. А головной танк в это время проскочил дальше и мчался к Боркуву. Теперь уже ясно было, что танкисты не намеревались вступать с нами в бой. А когда этот первый танк наскочил на мину, заложенную нашими ребятами из охранения со стороны Боркува, знаете, там, где труба на шоссе, вот тут уже я по-настоящему почувствовал, что гора свалилась с моих плеч, а ребята снова осмелели.

Заметьте, за все время танки ни разу не открыли огня. Черт их знает почему. Я решил, что танкисты оказались здесь совершенно случайно и не имели ни малейшего желания ввязываться в бой. Когда мы стали стрелять по ним, они по крайней мере должны были бы хоть огрызнуться, что ли. Да, повезло нам, что и говорить. Но вот вы скажите, что бы мы смогли с ними сделать, если бы они ответили на наши петушиные на-

скоки всей мощью своих пушек и пулеметов? В общем, это было похоже на то, как наши дикие предки, вооруженные палицами и камнями, охотились на мамонта. До сих пор я ломаю голову: отчего немцы не стреляли?

— Наверно, никогда так и не узнаем, — сказал я. — Но кое-что можно предположить. Ты знаешь, откуда взялись эти танки?

— Нет.

— Из танковой колонны, что шла на Кельце.

— Из какой колонны? — удивился он. — Она же еще вчера прошла.

— А два танка из нее задержались в Пежхнице, — объяснил я. — Наверно, обнаружились какие-то неполадки, их нужно было устранить. Вот поэтому эти два танка и спешили догнать свою колонну, тронулись сегодня, сразу как рассвело. Разведчики мне донесли...

— Ох, эти чертовы разведчики! — выругался Яцняцкий. — Могли бы немного и поспешить!

— Но ведь всякое могло случиться, — продолжал я, не обращая внимания на не слишком справедливый гнев Яцняцкого. — Они могли получить приказ побystрее догнать колонну, могли не иметь боеприпасов, а могли просто-напросто принять вас за войсковую часть регулярной армии противника. Ты не подумал об этом?..

— Как не подумал, — ответил Яцняцкий. — Но все-таки нам здорово повезло. А наши девчата каковы!

УРОК ПАТРИОТИЗМА

Мы двигались в направлении Сташува. Наш рейд носил скорее пропагандистский, чем оперативный, характер. Путь проходил по Опатувскому, Сандомирскому, Пиньчевскому, Бусскому повятам и заканчивался в Келецком повяте. Нужно было укрепить веру населения в Польскую рабочую партию и Армию Людову, в идею народного единства и сотрудничества с Советским Союзом. При этом мы не могли упустить случая продемонстрировать нашу военную силу. На границе Пиньчевского и Сандомирского повятов отряд уничтожил несколько полицейских и жандармских постов. При этом удалось захватить немного оружия (ручной пулемет, девять автоматов, пятнадцать винтовок) и уничтожить

около двадцати жандармов. Больше всего хлопот нам доставляли полицейские, эти продажные шкуры, фигуры значительные и мелкие, глупые и необычайно изворотливые. Мы расстреливали их редко. Только за серьезные преступления. Чаще отпускали без оружия с соответствующим предупреждением.

После одной очень горячей ночи под Сташувом нам нужно было выбрать место для дневки. Рыковского тянуло, как обычно, к лесничим.

— Ладно, будь по-твоему, — согласился я. — Сейчас посмотрим.

Рыковский развернул карту. Пальцем обвел довольно большой лесной массив восточнее Сташува и шоссе, тянувшегося от Сандомира. Наконец его палец отклонился на север и остановился.

— Лесничие, как ты убедился, надежные люди, — проговорил он с улыбкой. — У них мы всегда найдем теплый прием. Пошли?

— Попробуем, — ответил я, сверяя карту с местностью. — Здесь недалеко, но колонна через этот луг не пройдет.

— Есть дорога, — заметил Рыковский. — Большой крюк получается, зато наверняка.

Я поручил капитану Левецкому вести колонну, а сам в сопровождении Рыковского, Шевчика и Яцняцкого зашагал напрямик через луг, изрезанный оросительными канавами.

Было раннее утро. Птицы встречали его своими разноголосыми трелями. Мокрая от обильной росы трава пахла свежестью. Дальше луг оказался совсем сырьим — поги проваливались в мягкий грунт, и их с большим трудом удавалось вытащить.

Вскоре мы подошли к дому лесничего.

— Здорово, а? — спросил меня Рыковский.

— Здорово!

Ему всегда удавалось отыскать такие уютные пристанища. По возможности мы старались избегать длительных стоянок в деревнях. Там нас принимали приветливо, но жителям грозили неприятности, если гитлеровцы вдруг обнаруживали нас.

Затягивали разбуженные нами собаки. Но в доме еще спали. Рыковский постучал в окно. В доме кто-то защелпал туфлями, и в окне показалась взлохмаченная

голова. Узенькие заспанные глазки смотрели на нас бессознательно, но потом вдруг заморгали и округлились.

Через минуту входная дверь приоткрылась — и на пороге появился человек в лижаме, с наскоро приглаженными волосами. Красивое лицо хозяина светилось улыбкой.

— Рад приветствовать вас в моем скромном доме! Прошу входить!

Мы очутились в светлой, чистой комнате, заставленной новой мебелью. Стены были увешаны картинами, изображающими охоту. Над дверью в следующую комнату торчали козы рога, а над кроватью висела украшенная кожей и серебром старинная китайская сабля.

Молодой хозяин предложил нам сесть. Вначале он рассматривал нас с интересом, а когда мы уселись и вытянули натруженные ноги, спросил, не голодны ли мы.

— Есть сыр, сметана, масло, чудесная колбаса из кабана, — перечислял он, наклонившись в нашу сторону, — и кое-что согреться.

Лесничий вышел на минутку в кухню. Рыковский многозначительно подмигнул. «Ну, что я вам говорил?» — можно было прочитать на его лице.

Во время завтрака мы подняли стаканы в честь Войска Польского и за здоровье гостепримного хозяина.

— Дажбур! — обратился Рыковский. — Замечательная профессия — лесничий, верно?

— Хорошая, — согласился лесничий. — Жаль только, что война. Не знаешь, что тебя ждет завтра. Взять хотя бы этот десант...

— Какой десант?

— Вы не слыхали? Большевики за Ракувомбросили своих чекистов.

— Ах, вы об этом... Слыхали. И много их?

— Не знаю. Говорят, человек двести. Хватит, чтобы наделать беспорядку.

— Вы думаете?

Лесничий словно ждал этого вопроса. Он даже перестал есть.

— У большевиков свои способы вправлять людям мозги, — начал он. — А наши крестьяне народ неспокойный, могут пойти за ними, и тогда нам несдобровать. Этого, панове, нельзя не принимать во внимание.

Эту заразу нужно уничтожать в зародыше, а то она может распространиться и отравить все земли.

Я посмотрел на Рыковского и рассмеялся.

— Не бойтесь, пан лесничий, — заметил я. — Мы не допустим этого.

— Но, говорят, они поляки, — заметил Рыковский.

— Это еще хуже, — ответил лесничий. — Значит, это предатели, которые продали свои души Советам. Таких нужно убивать на месте. Правда?

Мы молча кивнули, с трудом сохраняя спокойствие.

— Мы вам поможем, — разошелся лесничий, — соберем людей, подымет всю округу. Это нужно сделать как можно быстрее, а то будет поздно.

— Вы думаете, они действительно опасны?

— Большевики? Панове, панове, — промолвил хозяин с укоризной, — вы недооцениваете их силу. Уже сегодня народ говорит о них как о друзьях. Пройдет немного времени, и никто не отважится поднять на них руку.

Мы улыбнулись. Он же понял нас по-своему.

— Вижу, панове мне не верят, а я в самом деле хочу помочь вам в борьбе против красной заразы. Все силы отдаю, чтобы истребить большевиков. Я всегда ставил на Народове силы збройне. Вы ведь тоже из энэзет? Из Свентокшиской бригады?

— Нет, мы из бригады «Грюнвальд».

— «Грюнвальд», «Грюнвальд»... — повторил лесничий, — не слыхал, это, наверно, новая бригада?

— Вы угадали, — ответил Рыковский и, чтобы перемянить тему разговора, спросил хозяина о его делах.

Лесничий оказался редкостным болтуном. Живя вдалеке от людей, он истосковался, как он выразился, «по беседам с интеллигентными людьми». Бахвалился, что, хотя и живет холостяком, ведет хозяйство умело; есть у него лошади, коровы, свиньи и даже птица.

— Самому, конечно, со всем этим не справиться. Помогает прислуга, работник, пастух. Жалованье у меня скромное, но устроен я прекрасно. Даже старшему лесничему кое-что выделяю.

— Старший лесничий — немец? — спросил Рыковский.

— Немец, — последовал ответ, — но человек порядочный. Не цепляется по пустякам и люто ненавидит

коммунистов. Он бы всех их перерезал, глазом не моргнув...

Во дворе появились первые партизаны. Они располагались на траве, развертывали портянки, закуривали. Подошли подводы. Врач и фельдшер осматривали раненых. Сделалось шумно.

Лесничий с любопытством смотрел в окно.

— Так это же целая армия! — определил он с уважением. — Отличное обмундирование, отличное вооружение! О, теперь я спокоен, вам без труда удастся ликвидировать этот большевистский отряд...

Не успел он договорить, как в комнату вошел начальник радиостанции и, приложив руку, доложил по-русски:

— Товарищ майор, разрешите в этой комнате разместить радиостанцию?

Лесничий опешил. Румянец исчез с его лица. Приоткрытый рот застыл в гримасе удивления. Руки безвольно опустились. Левая щека подергивалась. Нетрудно было представить, что пережил в эту минуту лесничий. Он плюхнулся на стул, стоявший у стены, и не произнес ни слова.

Наш интендант Добровольский пришел жаловаться на продовольственные затруднения.

— Всю ночь напролет возились со сволочью, и даже не было времени подумать о пополнении запасов, — доложил он, — а люди голодные. Тем, что у нас осталось, и воробьев не накормишь...

— Брось плакаться, лучше раскинь мозгами. Видишь, какой теплый прием нам оказывают, — я показал на стол, — все, что есть во дворе, отдано в наше распоряжение. Бери и корми людей.

Добровольский посмотрел на меня с удивлением: не привыкли мы реквизировать продукты у своих.

— Что с тобой, Вацек? — пришел ему на выручку Рыковский. — Что задумался? Пан лесничий очень гостеприимен.

Добровольский посмотрел на лесничего, бледного как полотно; тот молча кивнул головой.

Наконец-то мы могли приготовить себе вкусный завтрак: свежая свинина, птица и вкусно пахнущий хлеб. Можно было подумать и о пополнении наших продовольственных запасов...

Рыковский узнал, что поблизости находится лесничество, где кроме лесника живут рабочие. Вечером мы всех собрали и в присутствии пораженного, ожидающего приговора лесничего провели импровизированное производственное совещание. Началось оно небольшим вступлением Рыковского. Он говорил о значении лесов для человека вообще и для народного хозяйства в частности. Рыковский сказал, что лес — это зеленое золото, и призывац бережно относиться к величайшему богатству нашей родины.

— Немцы истребляют лесное хозяйство, и мы обязаны сделать все возможное, чтобы помешать им. — Скоро мы завоюем свободу, начнем восстанавливать разрушенную оккупантами страну, и лес должен будет покрыть наши потребности в строительном материале. А сохранение лесов зависит прежде всего от вас, лесных тружеников. Неправильно запрещать крестьянам в тяжелое время пользоваться лесом. Но нельзя делать это стихийно. Надо метить деревья менее ценные и отдавать их крестьянам. Организуйте сбор валежника. Не доносите немцам на местных жителей за пользование лесом. Среди рабочих лесничества не должно быть доносчиков.

— Нам известно, — продолжал он, — что вы выполняете требования немцев, причем с излишним усердием. Требуете высокое вознаграждение за выпас скотины. Вымогаете крупные взятки с крестьян буквально за все. Вас не интересует, имеет ли крестьянин средства платить вам. Жители голодают, а вы со спокойной совестью обогащаетесь за их счет. Больше того, еще и немцам помогаете. Это уже безобразие. Поступки ваши граничат с преступлением. Но мы прибыли сюда не карать за ошибки, а объяснить вам, что действия ваши на руку врагу. Так дело не пойдет. С сегодняшнего дня вы должны сами соблюдать порядок в лесном хозяйстве, оберегать лес от злоумышленников. Несознательных следует убеждать, а для злоумышленников приготовить хорошую палку. А для тех, кому палка не поможет, найдем другой способ, более подходящий... А теперь послушаем вас.

— Не все мы такие, — начал один.

— Это пан лесничий нам приказывает, — добавил кто-то.

— С немцами снохался, запугивает нас.

— Даже грибы и ягоды не разрешает бабам в лесу собирать.

Разговорились мужики. Соглашались с Рыковским. Удивлялись, что партизаны хорошо знают лесное хозяйство, и все чаще ругали молодого лесничего.

Лесничий молчал. Погруженный в свои мысли, он неподвижно сидел на прежнем месте, не решаясь сменить пижаму и стереть пот с побледневшего лица.

— Ваш лесничий — сволочь, — сказал Рыковский. — А в первую очередь — дурак. Не понимает он, как мучается народ. Думает только о своей выгоде. Преступные мысли бродят в его голове. Каждого из нас он охотно бы повесил на первом попавшемся суку только за то, что мы боремся против гитлеровских убийц, хотим, чтобы скорее пришла свобода к нашему измученному народу, ко мне, к вам и даже к нему. Он должен получить пулю в лоб или, по крайней мере, солидную порку. Тогда он поймет, что нельзя идти против своего народа. Но мы не хотим мстить и пришли сюда не для того, чтобы ликвидировать таких, как он. Попытаемся убедить его. Мы надеемся, что он поймет свои ошибки и исправится. Если же этого не случится, то можете быть спокойны, рано или поздно он будет раздавлен, как клоп.

Лесничий открыл рот, хотел что-то сказать, но Рыковский не дал ему.

— Не хотим от тебя никаких обещаний. Пусть твои поступки говорят о тебе...

Настало время собираться в дорогу. Ребята отдохнули и могли преодолеть за ночь немалый участок пути. Передовое охранение уже вышло со двора лесничего. Начали одна за другой выезжать телеги.

Я собрал свои вещи, лежавшие на столе, и вытащил пистолет, чтобы проверить перед дорогой.

— Не убивайте меня, пап майор... Пощадите... Никогда больше...

— Что с ним? — удивился я, но потом вспомнил, что в руках у меня пистолет.

— Жаль тебе своей подлой жизни? Ты, вонючий трус!

— Да, — согласился он. Лицо его исказила гримаса ужаса.

— Слушай, ты... — сказал я, пряча пистолет. — Нет у меня желания связываться с такой гнидой, как ты. Заруби, однако, себе на носу все, о чем говорил по-ручник. Если и впредь будешь думать о том, как угодить немцам, и убивать своих братьев-поляков, на милость не рассчитывай. Найдем тебя даже в мышиной норе...

Теперь, когда до его сознания дошло, что он помилован, он размяк, сполз со стула и расплакался, как ребенок.

— Обещаю, — бормотал он, — обещаю, что никогда...

— Хватит обещаний, — оборвал я его. — Будь мужчиной и не реви. Подумай лучше о тех преступлениях, которые ты уже совершил. Люди покидают родные дома, семьи и берутся за оружие во имя борьбы со смертельным врагом польского народа — гитлеровскими оккупантами, а ты обираешь людей, пресмыкаешься перед фашистами и вынашиваешь замысел предательски уничтожить своих братьев. Откуда это у тебя? Что плохого мы тебе сделали? Мы, коммунисты, имеем право предъявлять претензии к некоторым людям, но нам и в голову не приходит расправляться с ними оружием. Больше того, мы готовы встать с этими людьми в один ряд, чтобы вместе изгнать с нашей земли гитлеровских преступников. Да, это обязанность каждого честного поляка... Понял?

Лесничий молча кивнул.

— Ты еще молод, — сказал я ему на прощание, — у тебя есть возможность исправить свои ошибки. Советую, начинай это делать быстрее...

Я вышел во двор, вскочил на коня и помчался вдоль колонны.

Дышалось легко. От леса шли волны прохладного, бодрящего воздуха.

БРАТОУБИЙСТВЕННАЯ БОРЬБА

Отряды НСЗ кружили по округе с явным желанием разгромить нашу группу. Это желание стало особенно сильным, когда им удалось пронюхать про новое оружие, которое мы получили «с неба». Однако открыто напасть на сильную и вооруженную боевую часть они не решались, тем более что от уже предпринятых

попыток у них осталось плачевное воспоминание. Командование же этих преступных банд не отказалось от мысли расправиться с коммунистами и их друзьями из отрядов Батальонов Хлопских. Едва Маслянка со своими людьми ушел на юг, как за ним, словно стая диких волков, потянулись энэсэтовские банды. Объединив под руководством полковника Кмицица (Станислава Наконечникова-Клюковского, бывшего офицера Центра подготовки кавалерии в Грудзенде) мелкие отряды так называемого 204-го полка майора Казимежа, энэсэтовцы решились на гиусное деяние.

Маслянка шел на юг, в направлении Стопницы, где должен был на некоторое время оставить свой отряд. Предполагалось, что отряд повернет на запад, к лесам Пиньчевского повята, а командир с небольшой группой двинется дальше на юг и дойдет до Вислы, которая являлась границей с Krakовским воеводством. Пересядя реку, отряд должен был повернуть в сторону Дунайца, где в деревне Седлишовице, в Домброва-Тарновском повяте, находился Винценты Витос. В инструкции товарища Завадского, которую я передал Маслянке, говорилось о необходимости сделать все возможное, чтобы уберечь Витоса от усиливающегося террора оккупантов и даже предложить известному народному деятелю перелететь специальным самолетом за линию фронта, хотя было очевидно, что его присутствие в органах зарождающейся польской власти необходимо. Маслянка знал Витоса много лет, поэтому решили, что именно он лучше всех может выполнить это деликатное задание. (Маслянка встретился с Витосом, но тяжелая болезнь не позволила последнему отправиться в путь.) Итак, в деревне Ястшембец, около Стопницы, Маслянка передал командование отрядом своим заместителям Орчиковскому и Адаму¹, а сам с двенадцатью хорошо вооруженными людьми пошел на юг. Безусловно, командир сознавал опасность, грозившую отряду, но не допускал мысли, что она может оказаться очень близкой. Отряд вскоре должен был выйти из опасного района, и никто не думал, что кто-нибудь, кроме гитлеровцев, осмелится напасть на хорошо вооруженную боевую группу, па-

¹ Зигмунт Бещанин, командир отряда Армии Людовой, из Пиньчевского повята, который был слит с отрядом Маслянки по договоренности с командованием АЛ округа Вислица — Прим. автора.

считывающую около ста человек. На всякий случай командир приказал своим заместителям быть особенно бдительными.

Группа Маслянки прошла не более трех километров, когда раздались первые выстрелы...

На отдыхе отряд занял удобную для обороны позицию. Никто, конечно, не верил, что в случае встречи с отрядами НСЗ может разгореться бой, но пословицу «береженого и бог бережет» все привыкли уважать. Даже когда передовые отряды донесли о подходе с западной и северной сторон вооруженных людей, которые развертывались в цепь с явным намерением окружить отряд, Орчиковский счел это недоразумением, после выяснения которого обе стороны мирно разойдутся. Состоялось совещание командиров.

— Я им ни на грош не верю, — сказал Бещанин.

— Я тоже. — Сятко прислушался. — Разве мало они наших уничтожили?

— Думаешь, нападут? — спросил с сомнением в голосе Орчиковский.

Сразу же последовал ответ: над их головами пронеслась первая пулеметная очередь.

— Не отвечать! — крикнул Орчиковский. — Ждать приказа!

Он вылез на возвышенность, за которой были укрыты позиции отряда, и поднял на палке белый платок.

— Стойте, — крикнул он двигающимся цепью энэзетовцам, — не стрелять! Мы свои, из отряда Батальонов Хлопских!

Подействовало. Огонь прекратился. Вышли парламентеры. От БХ пошел Орчиковский, от НСЗ — Жбик.

— Мы поляки, — начал Орчиковский, — вы тоже поляки. Почему же мы должны воевать? Что вам от нас надо?

Жбик бросил:

— Вы прежде всего большевики, а большевик не поляк. Немедленно сдайте оружие или мы сделаем из вас котлету.

— Вы с ума сошли, — проговорил Орчиковский.

— Не тяните, сдавайте оружие. Нас здесь тысяча, а вас всего горстка.

— Нас не горстка, а вас далеко не тысяча, — пробовал поправить дело Орчиковский.

— Ладно, хватит. — Жбик махнул рукой. — Мы хорошо знаем, сколько вас... Вот проверим, кто вы, и, возможно, вернем оружие. Согласны?

— Я должен посоветоваться со своими, — ответил Орчиковский.

— Даю вам десять минут, — согласился Жбик.

Орчиковский вернулся с кислой миной на лице. Рассказал, как обстоят дела.

— Что предлагаешь? — спросили его.

— Другого пути нет. Надо принимать их условия. — Командир безнадежно развел руками.

— Отдать оружие?

— Вернут его нам, когда убедятся, что мы из Батальонов Хлопских...

— Жди от них, — заметил Бещанин.

— Ты им веришь? — спросил Сятко.

— Ведь это свои, — неуверенно настаивал на своем Орчиковский.

— Как же, свои! — усмехнулся Бещанин. — Хотят перестрелять нас, как уток. Ненавижу таких «своих».

— Отдать отличное оружие? — вслух размышлял Сятко. — Только что его получили, а теперь отдавай?! И кому отдавать-то? Бандитам!

— Другого выхода у нас нет, — повторил Орчиковский. — Мы окружены.

— Нет! — решил Бещанин. — Ни за что не сдам оружие. Если уж им так захотелось, пусть попробуют прийти и взять. Посмотрим, что у них получится!

— Сумасшедший! — доказывал Орчиковский. — Хочешь начать братоубийство?

— Это я? — удивился Бещанин.

— Их целая армия! Почти тысяча человек! — доказывал Орчиковский. — Раздавят нас одним махом.

— Не дело говоришь, — не успокаивался Бещанин. — Я на милость этих бандитов сдаваться не буду.

— Я тоже, — поддержал его Сятко. — У нас отличное оружие, пусть эти прохвосты испытают его силу.

— Хлопцы! — обратился Орчиковский к отряду. — Не соглашайтесь пролить кровь наших братьев. Поверьте их офицерскому слову!

Партизаны, недавно получившие советское оружие, неодобрительно загудели.

— Не устоять против них, перестреляют всех! — продолжал Орчиковский.

— Никто тебя не держит, — заметил Бещанин. — Чего ждешь?

Нескольких человек Орчиковскому удалось уговорить.

Небольшую группу людей с командиром энэсзетовцы приняли с некоторым удивлением.

— Где остальные?

Вопрос этот оказался неуместным. Остальные окапывались, и энэсзетовцы видели это. Они с бешенством набросились на партизан, отобрали оружие и даже одежду и, наградив пленников подзатыльниками, приказали убираться в лес. Только Орчиковскому оставили пистолет без патронов. Командир пытался было протестовать, но его высмеяли.

Позиции беховцев были окружены, и им вторично приказали сдать оружие.

— Придите и возьмите! — последовал ответ.

— Даем вам пять минут на размышление!

К Бещанину подползла партизанка Ядвига, дочь Масляники.

— Попробую выйти из окружения, — предложила она. — В Кухарах есть наши.

— Давай, — согласился Бещанин. — Быстрее, пока не стреляют.

Храбрая партизанка добралась до кустарника и, минуя позиции энэсзетовцев, помчалась что было сил в сторону Кухар.

Через пять минут сильный огонь прижал партизан к земле. Позиции для обороны были выбраны довольно удачно. Искусно использовались неровности местности и паскоро открытые окопы. И как только по ровному лугу с севера двинулась в атаку первая штурмовая группа энэсзетовцев, ее встретили меткие автоматные и пулеметные очереди. Партизаны были лучше вооружены, однако численное превосходство нападающих было очевидным — и рассчитывать на длительное удержание позиций не приходилось. Бещанин и Сятко решили дешево не отдавать свою жизнь. В глубине души они надеялись, что энэсзетовцы, натолкнувшись на сильный огонь

и решительное сопротивление, не захотят нести большие потери и оставят их в покое.

Но этого не случилось. Энэсзетовцы уверовали в свое преимущество, пришли в бешенство от первого неуспеха и начали яростно поливать огнем позиции обороняющихся. Наконец они перегруппировали свои силы, явно намереваясь окружить оборонявшихся.

Атака началась одновременно с двух сторон. Но на этот раз им не повезло. Позиции окруженных были более выгодными. Несколько атакующих осталось лежать на мокрой траве. Остальные отступили. Пойди они в атаку всей массой (несколько сот человек), половина, видимо, достигла бы цели и уничтожила бы группу из нескольких десятков человек, защищающихся с упорством обреченных. Но для этого нужно было верить в правоту начатого дела. А среди рядовых энэсзетовцев было много таких, кого следовало долго убеждать, прежде чем они направили бы оружие против своих братьев.

Внезапно в рядах атакующих, тех, что находились у самого леса, возникло замешательство. Десяток стволов очередями поливал свинцом тылы нападающих... Это вернулся Маслянка с двенадцатью товарищами. Выйдя на опушку рощи, они сориентировались в обстановке и открыли огонь по не ожидавшим нападения энэсзетовцам. В рядах врага поднялась паника. Энэсзетовские офицеры, навели порядок, но их подстерегала новая неожиданность, теперь уже с западной стороны...

Комендант гмины¹ БХ Юзеф Молисак, которому запыхавшаяся Ядвига сообщила о случившемся, собрал всех своих людей, оказавшихся под рукой, и двинулся с ними в направлении Ястшембца. Были оповещены и отряды в деревнях, находящихся по соседству с Кухарами: Щитники, Колачковице, Котки, Стшалкув, Фаленцин, Скробачув. Слова «Банда НСЗ напала на Маслянку!» подняли на ноги даже самых уравновешенных крестьян. Слишком велика была ненависть к фашистам из НСЗ и очень большим миролюбием славился в окруже Маслянка, чтобы крестьяне могли спокойно оставаться дома или продолжать работу в поле. Каждый брал

¹ Гмина — волость.

в руки что попало: топор, косу, вилы. И это ополчение шло на выручку своим. «Вот бандиты! — говорили в народе про энэсзетовцев. — Мало бед терпели мы от немцев, а тут еще эти — как будто и поляки, а смотрите, какая сволочь».

Пока Молисак подходил к месту боя, возле него собирались около сотни вооруженных огнестрельным оружием беховцев и добровольцев. В Скробацком лесу отряд ударили в тыл энэсзетовской группе и поднял в ее рядах такую панику, что командиры банды долго не могли понять, кто и какими силами им угрожает. Через некоторое время отряд Маслянки стал действовать активнее; на помощь ему пришли крестьяне из соседних деревень.

Бещанин понял, что неожиданно подоспела помощь, однако рассчитывать на уничтожение отряда энэсзетовцев даже общими силами было нереально: противник представлял слишком серьезную силу.

Цепь энэсзетовцев поднялась в атаку еще раз, но бойцы действовали нерешительно. Несколько длинных очередей вновь прижали их к земле. Бещанин теперь уже не ждал. Воспользовавшись замешательством в лагере нападающих, командир отдал приказ оторваться от противника. Отряд разделился на две группы; одну повел Бещанин, другую — Сятко. Перебежками, не прекращая огня, отряд отошел на безопасное расстояние.

Теперь можно было как следует оценить обстановку и подсчитать потери. Четверо убитых и пятеро раненых. Потери значительные, досадные. Единственным утешением могло служить то, что нападающие потеряли больше: двадцать два убитых и примерно столько же раненых.

Энэсзетовцы вынуждены были убраться. И хотя они были значительно сильнее народного ополчения, их командиры понимали: стоит им напасть на крестьян, как против них немедленно выступит не одна гмина, а весь повят. Незадачливым воякам пришлось спешно отступить в сторону Олесницы и там залечивать свои раны и хоронить убитых.

Урок, полученный энэсзетовцами, был горьким и поучительным. Они еще раз убедились, что классовый инстинкт крестьян значительно сильнее, чем им казалось. Крестьяне представляют серьезную силу, и тот, кто

пресмыкается перед оккупантами, не может рассчитывать на их милосердие.

Крестьянские массы уже не были безоружными, они имели военную силу в лице отрядов АЛ и БХ, а эти отряды, в свою очередь, могли рассчитывать на полную поддержку тех, кого защищали.

С тех пор всякий раз, когда Жбик, Казимеж или Кмицци оказывались на территории Стопницкого повята, они старались как можно дальше обойти район, что севернее Стопницы. Там однажды у деревни Ястшембец им здорово надавали по шее.

Все крепче смыкалось на Келецкой земле кольцо вокруг местных фашистов. Преступления, которые они совершили против своего народа, вынуждали их еще теснее сотрудничать с немцами, вплоть до позорного бегства вместе с гитлеровцами.

МАНИФЕСТ ПКНО

В этот день, около полудня, ко мне примчался возбужденный радиост и доложил о получении из эфира новостей исключительной важности.

— Какие еще новости? — удивился я.

— Новости чрезвычайные, — твердил запыхавшийся юноша.

— Что же наконец?

— В Хелме, товарищ майор... — запинался радиост, — новое что-то...

Я знал, что в Хелме создается народная власть. Значит, если новости оттуда, они должны быть очень важными. Вместе с радиостом мы побежали на радиоузел.

Там уже собрался почти весь штаб во главе с Рыковским и Левецким, а также несколько руководителей народного движения. Среди них были Озга Михальский и Ян Александр Круль. Когда собираются вместе старые друзья, тихо не бывает, но на этот раз все молчали. Голос диктора был торжественным. Сомнений не было — через минуту мы наверняка услышим волнующую новость. Придет она к нам с востока, со свободнойпольской земли. Хелм, Люблин и другие города были уже свободными... Значит, и дорогие моему сердцу земли... мать, отец... Все дышат теперь свободным воздухом, если живы...

— Польский Комитет Национального Освобождения, — читал диктор, — берет в свои руки власть на освобожденных землях страны...

Всех охватило волнение: мы — свидетели зарождения нового польского государства. Да разве только свидетели? Диктор продолжал:

— Польский Комитет Национального Освобождения обращается к народу с Манифестом... Мы призываем всех бороться с лютым врагом польского народа — фашизмом, изгнать оккупантов с нашей земли... Национализация промышленности и земельная реформа — основа нашей народной экономики. Разделение помещичьих земель и безвозмездная передача их в руки крестьян...

Я посмотрел на лица друзей. Сосредоточенные, вдумчивые, одухотворенные. Озга склонился над тетрадью и старательно записывал.

Диктор кончил, мы стали поздравлять друг друга. Может, это покажется нескромным, но мы считали себя причастными к тому, что произошло в Хелме. Все свои силы мы отдавали этому делу. Именно этого добивались угнетенные трудящиеся, и мы гарантировали им это нашей совместной борьбой.

Скажу откровенно, больше всего меня обрадовала земельная реформа. Хотелось, чтобы она стала основой грядущих изменений. Здесь давало о себе знать мое происхождение. Я родился и рос в деревне. Знал ее нужды. Всем своим существом я понимал, что больше всего беспокоят крестьянин. Да и моя партизанская судьба была связана с теми, кого я защищал и кто поддерживал нас всегда и везде: раньше — на Волыни, теперь — на Келецкой земле. Без этой поддержки, без органического слияния с крестьянством наша борьба с фашизмом не имела бы успеха. Крестьяне составляли восемьдесят процентов нашей бригады. Крестьяне кормили нас, когда мы голодали. Крестьяне укрывали нас от преследователей. Они же являлись наиболее ценным звеном наших разведчиков. Их дела были моими делами, а их делом номер один был вопрос о земельной реформе.

Нет, в крестьянской партии я не состоял. Мои политические взгляды были тесно связаны с довоенной КПП, с рабочим движением. Иногда я прислушивался к спорам о земле, которые велись представителями крестьянской партии. Отдельные их теории были мне чужды, но

требования крестьян, касающиеся их права на землю, являлись неотъемлемой частью моего мировоззрения.

Наконец-то! Наши заверения, что в свободной Польше справедливость восторжествует, приобретали реальные черты. Только бы скорее прогнать фашистских оккупантов.

По деревням пошли группы пропагандистов. Следовало быстрее сообщить крестьянам важное известие. Народ ждал этого. Так пусть быстрее узнает. «Так, значит, землю все получат?» — спрашивали повсюду. «В Манифесте ясно говорится, — повторяли мы на память, — раздел помещичьей земли среди малоземельных и среднеземельных крестьян». «В восемнадцатом году тоже так говорили, — жаловался кто-то, — и что же? Ничего. У кого были деньги на выкуп земли?» Мы отвечали: «Земля будет передаваться крестьянам безвозмездно». Теперь мы чувствовали себя увереннее: наши мечты стали действительностью. Правда, это произошло только на востоке, на свободной земле Люблинского воеводства, но мы верили — скоро фашизму будет нанесен последний удар и вся Польша станет свободной.

Для ускорения победы следовало усилить борьбу с оккупантами и подготовить народные массы к взятию власти. В Варшаве уже давно конспиративно действовала Крайова Рада Народова. Во многих городах рождались местные рады народов. В Келецком воеводстве, в частности в Ченстохове, Опатуве, Пиньчеве, Буске, уже действовали повятовые и городские рады народов. Для координации их деятельности необходимо было организовать воеводские органы демократических сил Келецкой земли. Это произошло вскоре после славного Манифеста.

ВСТРЕЧА В ХАНЬЧЕ

Дождь лил с самого утра. В лесу, неподалеку от Курозвенок, двадцать семь делегатов, собравшихся на первый конституционный съезд воеводской рады народовой, беспокойно поглядывали на небо. Тяжелые свинцовые тучи не предвещали хорошей погоды. Ругался Рак — один из организаторов встречи. Ругался Доман (Гарнчарчик) — представитель Крайовой Рады Народовой. Не

затем собрали людей со всего воеводства, чтобы мокнуть в лесу. Это не простая товарищеская беседа, которую можно перенести на другой день «из-за неблагоприятных метеорологических условий». Люди собрались здесь с большим трудом. И гестапо, и фашисты из отрядов НСЗ яростно преследовали левые элементы. Съезд проходил в строгой тайне, и, чтобы до конца сохранить ее, конференцию нужно было провести как можно быстрее.

— Пойдемте в Ханьчу, — предложил Рак. — Разместимся у меня в сарае.

Предложение приняли. Обстановка в этом районе была довольно спокойная. Местное население в основном симпатизировало левым элементам. В районе было много наших партизан, что позволяло организовать нормальное вооруженное прикрытие, обеспечивающее безопасность совещания. После того как место совещания было выбрано, отряды Гураля, Бжозы, Вжоса и Маслянки оцепили район Ханьчи. Мы сознавали, что для фашистов такое собрание видных левых политических деятелей было бы лакомым куском. Поэтому мы с бригадой перешли ближе к Ракуву и приняли все возможные меры предосторожности. Делегатом на съезд от штаба бригады был избран Рыковский. Некоторые делегаты не верили, что заседание удастся провести в назначенное время, однако оно началось в Ханьче, в сарае Яна Рака, ровно в одиннадцать, как и было намечено. Домаш, открывший его от имени Крайовой Рады Народовой, передал председательство Маслянке, который сказал, что Келецкую землю представляют повяты: Пиньчевский, Мехувский, Енджеевский, Стопницкий, Опатувский, Сандомирский, Келецкий, Илжецкий и Ченстоховский. Шестнадцать делегатов прибыли от Стронництва Людового, восемь — от ППР, один — от РППС и два — от партизанских отрядов. Это были лучшие представители народа. Вот их имена: Вильгельм Гарнцарчик, Мариан Барыла, Юзеф Маслянка, Генрик Половняк, Пщулковский, Иванчик (Висьлич), Мариан Станник, Ян Рак, Францишек Куцибала, Феликс Покуса, Юзеф Озга Михальский, Ян Липец, Ян Куля, Станислав Орловский, Войцех Марчевский, Ян Вуйчик, Станислав Дзедзиц, Стефан Дыбовский, Ян Александр Круль, Станислав Бембен, Аугустын Ольшевский, Зигмунт Станишевский,

Ян Вуйцикевич, Зигмунт Кшесыняк, Станислав Ольшевский, Францишек Михальский, Петр Соя и Феликс — преподаватель из Елджеевского повята, который втайне от своего командования представлял левое крыло Армии Крайовой.

Сразу же после вступительных речей, определяющих политические взгляды отдельных партий, слова попросил Тадеуш Рыковский. Он коротко сказал о нашем отношении к создаваемой народной власти.

— От имени командования бригады «Грюнвальд» сердечно поздравляю собравшихся здесь делегатов. Мы полностью поддерживаем усилия патриотов Келецкого воеводства, направленные на то, чтобы организовать народную власть на местах. Бригада «Грюнвальд» активно включится в работу на этом участке и окажет максимальную помощь воеводской ради народовой. Мы уверены, что, выполнив программу Польской рабочей партии, Крайовой Рады Народовой и Польского Комитета Национального Освобождения, мы способствуем освобождению наших земель от гитлеровской оккупации. Желаю собравшимся больших успехов в работе.

Это заявление было встречено аплодисментами. Собравшиеся воспользовались моментом и направили в адрес бригады просьбу: по мере возможности довооружить отряды БХ. Откровенно говоря, просьба была формальной. Мы уже хорошо ориентировались в местной политической обстановке и знали, что количество отрядов БХ, связавших свою судьбу с Армией Людовой, растет, поэтому помогали как АЛ, так и БХ. Маслянка напомнил собравшимся об этом, рассказав о памятной для нас выброске в районе Шумска.

Вторым заданием, которое нам поручили, была помощь в организации типографии для журнала. Решение о его издании приняли на совещании. Главным редактором назначили Я. А. Круля. Одной из важнейших задач решили считать информирование общественности о происходящих изменениях, о судьбе нашей страны, о ее общественно-политическом положении, а также об обстановке на фронте. В связи с этим нам предложили представить будущей редакции возможность пользоваться сведениями, принимаемыми нашей радиостанцией.

Когда делегаты обедали, на шоссе Хмельник — Ракув показались немцы. Большая колонна автомашин прибли-

жалась к Рудкам, и было ясно, что она раньше чем в Ракуве не остановится. Разведчики, доложившие об этом, были возбуждены. Чувствовалось, что они понимают грозящую делегатам опасность. Бригаду подняли на ноги. Подразделения, расположенные поблизости от шоссе, получили приказ немедленно занять оборонительные позиции в лесу за Потоком. Я послал связного в отряд, непосредственно обеспечивающий безопасность совещания, чтобы без объявления тревоги все были в полной боевой готовности. Последующие сообщения разведки были неутешительными. Два батальона вооруженных до зубов немцев двигались в нашем направлении. Сильные патрули мотоциклистов прикрывали колонну, состоящую из бронетранспортеров, на которых отчетливо были видны стволы тяжелых пулеметов.

Организовать сильную засаду не хватало времени. Немцы приближались, и о том, чтобы перерезать шоссе, думать не приходилось. Нужно было любыми средствами задержать немцев, которые, по-видимому, двигались на Ракув с определенной целью: разгромить сессию вновь создающейся воеводской рады народовой.

Я взбежал на холм. Дождь не переставал. Сквозь мокрые стекла бинокля шоссе различалось с трудом. Справа доносился гул моторов. Командиру взвода Фурголу, подошедшему ко мне, объяснять долго не пришлось: нужно сделать все возможное, чтобы немцы не прошли, вся надежда на мины.

— Да, майор! — ответил Фургол.

Выходец из Опольской земли, он много выстрадал. Отсюда его ненависть к фашистам и упорство, которого на первый взгляд никто бы и не заметил в этом невзрачном на вид человеке.

Фургол свистнул своим ребятам и взялся за дело... Немцы не прошли. Правда, в этом наша заслуга невелика. Бой не завязался. Первый мотоциклист подорвался на мине. Другой, прошитый автоматной очередью, свалился. Остальные тотчас же повернули назад. Через минуту вся колонна под аккомпанемент пулеметных очередей двигалась в обратном направлении. В описываемый период многие потрепанные немецкие части на правом берегу Вислы спешно отходили на запад. По-видимому, это был один из таких полков.

После обеда делегаты продолжили работу. Сначала они принесли торжественную присягу представителю Крайовой Рады Народовой, затем начались выборы в президиум воеводской рады народовой. Председателем избрали Домана, заместителем Яна Александра Круля, секретарем Озгу Михальского. Делегатами в КРН были избраны Юзеф Маслянка и Я. А. Круль.

Теперь внимание собравшихся приковали текущие проблемы. На повестке дня стояли следующие вопросы: издание газеты, связь, пропаганда, организация сельской молодежи, разделение воеводства на районы и, наконец, финансы. Приближался вечер, а конца дискуссии не было видно. Первое заседание проходило в трудных условиях, связанных с риском, а решить предстояло очень важные вопросы. Делегаты решили обратиться к Крайовой Раде Народовой с письмом, в котором говорилось бы об исключительно трудном положении деятелей рабочего и крестьянского движения в связи с террором, чинимым АК и НСЗ, и высказывалась бы просьба разрешить воеводской раде народовой предпринимать против этих организаций ответные действия.

В резолюции по второму вопросу было написано: «В целях создания (в рамках АЛ) местных отрядов, обеспечивающих безопасность нашей администрации и населения, воеводская рада народова призывает бригаду «Грюнвальд» вооружить организованные отряды АЛ при повятовых рadaх народовых в радиусе их действия». Наконец третий вопрос, вытекающий из объявленного накануне декрета ПКНО о национализации промышленности и о земельной реформе, требовал начать широкую кампанию по информации населения. Надлежало осуществить первые подготовительные шаги, направленные на проведение этих исторических решений ПКНО в жизнь.

Было около восьми часов вечера, когда первая сессия Келецкой воеводской рады народовой закончила свою работу. Отдельные делегации под охраной партизанских отрядов были доставлены в населенные пункты.

Перед нами встали новые задачи. Мы стремились выполнить их как можно лучше. Много пришлось потрудиться, чтобы Озга Михальский и Я. А. Круль могли выполнять свои редакторские обязанности. Хорошо мы поработали и при организации доставки оружия и бое-

припасов отрядам безопасности, создаваемым при по-
вятовых и гминных радах.

Однако новые задачи являлись лишь дополнением к основной цели нашей деятельности -- бить гитлеровцев где только возможно.

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Итак, борьба с гитлеровцами являлась нашей главной задачей. Это означало налеты на гитлеровские гарнизоны, уничтожение сооружений стратегического значения, засады немецким колоннам, направляющимся на восток, уничтожение железнодорожных линий, сеяние паники среди немецкой администрации, противодействие гитлеровской политике истребления польского населения, уничтожение врага всегда и везде.

Чтобы выполнить эти задачи, необходимо было прежде всего до конца понять обстановку, в которой нам приходилось действовать. Понять до конца — значит видеть не только врагов, но и в равной степени сочувствующих и друзей. Для коммунистов и для всей польской левицы¹ борьба с оккупантами явилась борьбой не только за национальное, но и за социальное освобождение.

Некоторые элементы, пытавшиеся повернуть колесо истории вспять, забеспокоились. Поражение фашизма и освобождение Польши были делом решенным, поэтому на первый план выдвигалась проблема: какой общественно-политический строй примет будущее государство? Взгляды на этот счет оказались прямо противоположными. Призыв к национальному единству и прекращению партийно-политических споров на период борьбы с оккупантами, брошенный коммунистами, нашел взаимопонимание только у левицы. Правица же развязала внутреннюю политическую борьбу, а ее крайнее крыло, или ультра, как мы теперь говорим, окончательно предав национальные интересы, встало на путь коллаборационизма и направило оружие против поляков.

В действительности это выглядело так. Район, где высадился наш отряд, был типично крестьянским. Зем-

¹ Левое крыло польского демократического движения. Правица — правое крыло.— *Прим. ред.*

ли здесь небогатые, песчаные. Трудно прокормиться, имея такую землю, и людям приходилось изворачиваться. В те времена и без того тяжелое положение крестьян усугублялось войной. Возможно, такая трудная жизнь и все усиливающаяся пауперизация привели к тому, что местные жители, мужественные и честные, выше подняли голову и начали наконец искать решение вопроса не в безнадежной борьбе с нищенским наделом земли, а с общественной системой. Волнения начались еще задолго до войны. Наиболее сознательные элементы начали вступать в КПП и в Стронництво Людове, в котором они всегда представляли радикальное крыло. В годы оккупации, когда волна народного сопротивления гитлеровцам охватила польскую общественность, эта часть населения взялась за оружие. Но его не хватало. Возникли первые Батальоны Хлопске. Однако их действия сдерживали недостаток оружия и слабая боевая подготовка. Не хватало организаторского опыта. Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что в первый период своей деятельности Батальоны Хлопске призывали руководящую роль командования АК как организации, имеющей большой опыт и лучшее вооружение. Использование знаний офицерского состава Армии Крайовой гарантировало Батальонам Хлопским значительное преимущество перед другими отрядами в организационном отношении.

Крестьянские массы, среди которых не было полного политического единства, привлекали общенациональные лозунги Армии Крайовой и ее связь с единственным в тот период официальным польским правительством, сидевшим в Лондоне.

Это хорошо известно всем. Однако немногие знают о том, что отряды БХ никогда не признавались командованием АК равноправным союзником. Их крестьянское, радикальное происхождение (в большинстве это были люди из бедных деревень) вызывали у командования АК серьезное беспокойство. Положение обострялось еще и тем, что беховцы не соглашались с включением их в уже существующие формирования АК и стремились сохранить (в рамках АК) свою автономию. Недоразумения не ограничивались только практической стороной дела. Беховцы требовали оружия, хорошо зная, что АК получает его от союзников. Руководители АК

выкручивались как могли. Вооружить крестьян? Не слишком ли это рискованно? Кончится война, а что будет дальше? Позволят ли крестьяне их эксплуатировать? Не направят ли они оружие против своих эксплуататоров?

И вот первое столкновение. Весной сорок четвертого года в районе Оцесенок аковцы по воздуху получили значительное количество оружия. Отряд, который обеспечивал выброску груза, и другие отряды, действовавшие поблизости, острой нужды в вооружении не ощущали. Кроме того, в тот период аковцы выполняли приказ своего командования о пассивной обороне — стоять с оружием у ноги. Оружие пришлось законсервировать и закопать во дворе Яна Фортуньского в Оцесенках. Фортуньскому приказали молчать и ни в коем случае не отдавать оружия другим отрядам. «Придет время, — сказали ему, — оно нам еще пригодится». Когда это будет, никто не знал. Дело происходило ночью, и казалось, что свидетелей нет, но молодежь нашла тайник. Озга Михальский встретился с дедом Маслянкой и между прочим заметил, что грех, если оружие пропадет. Маслянка согласился. Этот популярный деятель народного движения на Келецкой земле, несмотря на преклонный возраст и подорванное здоровье, был исключительно энергичным и смелым. За год до этого случая он уже организовал партизанский отряд БХ. Он никогда не мирился с лозунгом АК о пассивной обороне и решительно боролся с теми, кто призывал отказаться от автономии народного движения, кто поддерживал более правые взгляды руководителей АК. Свой отряд Маслянка создавал для борьбы с гитлеровцами, и поэтому, когда судьба свела его с людьми из ППР и АЛ, он сразу же начал сотрудничать с ними. Его отряд почти не имел оружия, а тут вдруг такая возможность получить его. Маслянка решил, что медлить нельзя. Он договорился с Яном Раком, Яном Кулей и командиром другого отряда БХ — Александром, и они поделили между собой оружие. Часть его отдали лесным отрядам, часть вместе с другим оснащением передали отрядам БХ, действующим в селах. Александр ушел на юг, за Ракув.

Командование АК, узнав, что оружие бесследно исчезло, отдало специальный приказ найти его любой ценой. Выполнять приказ поручили Барабашу. Это

было нелегкое дело. В деревне действовал учитель местной школы Качоха, который не мог жить без общественной работы и пользовался у населения заслуженным уважением. Он-то и провел работу среди крестьян: никто даже словом не обмолвился об оружии, когда люди Барабаша пытались выявить активистов. Наконец кто-то донес Барабашу о подводах, которые ночью выехали с оружием со двора Фортуньского в сторону Ракува. Отряд Барабаша, насчитывавший около ста человек, двинулся к Ракуву. За Ракувом, в Жичинах, отряду удалось напасть на более свежий след: у крестьянинца нашли части от контейнеров, в которых сбрасывалось оружие. След вел в Корытницу и дальше под Сташув, в Оглендув. Но дело осложнилось. Несколько крестьян из добрых побуждений признались, что новое английское оружие они получили от Александра и отдавать его не собираются. Под давлением Катажины Барабаш выпорол мужиков и вскоре убедился в неправильности своего поступка. Крестьяне быстро организовались в отряды и открыли огонь по непрошеным гостям. Барабаш потерял одного человека и вынужден был отступить. Теперь и ему все стало ясно: оружие не украдено бандой, а изъято отрядами БХ. «Все в порядке», — подумал Барабаш. Но Катажина не унимался: «Это самонправство! Виновных наказать, всех расстрелять!» Не только Катажина так считал. «Наверху» этот случай тоже расценили как неповиновение отрядов БХ командованию Армии Крайовой. Командование АК отдало приказ уничтожить Александра, и вскоре он был подло убит. Предполагалось жестокостью запугать других руководителей БХ, но из этого ничего не вышло. Наоборот, у крестьян открылись глаза. Келецкая деревня всколыхнулась. И уже не было такой силы, которая могла бы сохранить хотя бы формальное единство взглядов БХ и АК. Больше того, это преступление заставило многих руководителей БХ пересмотреть свои взгляды не в пользу АК. Делегатура лондонского правительства перестала для них что-либо значить. Лозунги о появлении на востоке второго врага расценивались как преступные. Подтверждением коварных замыслов АК явились многочисленные преступления отрядов НСЗ, сотрудничающих с АК, в отношении революционных деятелей рабочего и крестьянского движения. Крестьяне начали всту-

пать в ряды ГПР, АЛ и других организаций, которые решительно боролись с оккупантами и хотели видеть будущую Польшу демократической. Рабоче-крестьянский союз укреплялся с каждым днем. Повсюду, где было возможно, командиры-беховцы начинали тесно сотрудничать с частями Армии Людовой. Безусловно, верхушку народного движения все еще раздирали внутренние противоречия. Отдельные ее представители открыто переходили на позиции правиц и пытались потянуть за собой часть Батальонов Хлопских, однако низы все чаще выбирали единственно правильный путь братского союза с революционным рабочим движением. Так зарождались и росли новые кадры народных деятелей. Родили новые крестьянские руководители. Ряды руководящих деятелей расслаивались. Многие из них в ходе борьбы отказывались от своих неверных, устаревших концепций. Острота борьбы и трудные условия ее ведения все чаще срывали маски с политических интриганов, помогали честным людям сделать правильный выбор.

Однако создание единого фронта борьбы с оккупантами не везде проходило гладко. Например, район нашей выброски в середине сорок четвертого года был в значительной степени насыщен отрядами АК и НСЗ. Отряды БХ, которые уже начали разбираться в двурушнической аковской политике и открыто выступали против нее, не всегда находили непосредственную поддержку АЛ, боевые отряды которой в это время вели активную борьбу в других районах Келецкой земли. А обстановка здесь была напряженной. Каждую минуту могла вспыхнуть местная гражданская война. Этого трагического и бессмысличного акта нельзя было допустить. Не говоря уже о значительном уроне, который могла понести от этого борьба с оккупантами: погибли бы честные люди обеих сторон, меньше всего отвечающие за преступную политику своих вождей. Можно только радоваться, что с прибытием на Келецкую землю бригады «Грюнвальд» левые силы нашли поддержку со стороны хорошо вооруженного формирования, боровшегося за правое дело. Идейная настроенность нашего отряда, представлявшего в какой-то степени новые силы, пришедшие с востока, действовала на разрозненные силы крестьянского движения Сопротивления, как магнит.

С самого начала мы лояльно относились к местному населению, любой ценой избегали братоубийственной войны. Наша последовательность поведения успокоила беховцев, нейтрализовала аковский отряд Барабаша и в определенной степени парализовала деятельность НСЗ.

Приходится говорить «в определенной степени», потому что оружие, направленное до этого в сторону БХ и АЛ, повернулось теперь против нас. Убийца Жбик — атаман из энэсзетовской бригады Богуна — позднее писал: «Гарбатый из АЛ по-прежнему бушует в районе. Власти АК обратились ко мне с просьбой ликвидировать его, ибо сами они, как я уже писал, не могли нарушить приказ из Лондона. Гарбатому, однако, везло. Он всегда вовремя смывался». И далее: «...Вокруг полка (так называемого 202-го полка НСЗ под командованием майора Казимежа. — Ю. С.) кружил сильный, прибывший из России отряд «берлинговцев». Отряд был полностью обмундирован в польскую форму, вооружен советскими пулеметами и насчитывал 120 человек, преимущественно большевиков и польских коммунистов... Мы поставили себе задачу стереть с лица земли весь отряд, но сделать это было не так легко. Отряд был хорошо обучен, имел отличное вооружение, был бдителен, что сильно затрудняло выполнение нашей задачи. При его ликвидации следовало ждать больших потерь с нашей стороны».

Можно до бесконечности комментировать эти циничные признания, однако две вещи кажутся симптоматичными.

Первая — двойная игра аковской верхушки. Прикрываясь официальными инструкциями польского эмигрантского правительства в Лондоне, согласно которым запрещалось открытое уничтожение левых политических деятелей, аковцы для осуществления своих коварных замыслов использовали фашистских наемников, предателей народа. К счастью, эта двойная игра довольно быстро была раскрыта.

Вторая — слабость, которую признает энэсзетовский главарь, жалуясь на нашу бдительность. По понятым соображениям он не пишет, что бдительность была характерной чертой не только нашей, но и всех людей, на которых мы могли опереться. Это в первую очередь крестьяне — наша лучшая разведка. Они считали нас

своими и предупреждали о каждом подозрительном движении энэсзетовских банд. Доверие, оказанное нам келецкой деревней, было, пожалуй, нашим первым и самым ценным завоеванием. Благодаря ему мы здорово окрепли в течение двух недель, и в результате позднее уже не мы избегали энэсзетовцев, а они боялись встречи с нами.

Но помочь не упала с неба. Одних мундиров и орлов на фуражках было недостаточно. Своими делами мы доказали, что пришли друзья. НСЗ и АК развернули широкую пропаганду против бригады. Хотели изолировать ее от крестьянских масс. Первое время к нам присматривались. И это понятно: мы были новыми людьми, «ребятами с неба», прилетевшими с востока. А сведения с той стороны доходили в страну различным путем и часто искались. На востоке происходили важные для Польши события, но какие именно? Проще было ориентироваться на ППР и АЛ. Их члены были хорошо известны населению. Поддерживали ли мы их взгляды? Безусловно. Но это нужно было доказать. В сравнительно короткое время нам удалось опровергнуть клевету, сочиняемую против нас пропагандой НСЗ, и завоевать не только симпатии, но и полную поддержку келецкой деревни.

К нам стали приходить добровольцы. Была установлена связь со многими отрядами БХ, и вскоре нас действительно перестали считать пришельцами. Мы стали органической частью этой земли. Нас уже было несколько сот.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ППР И АЛ

Скажу прямо, мы испытали разочарование, когда в первую неделю пребывания на Келецкой земле нам не удалось наладить связь с отрядами АЛ. Нам эта связь была необходима, особенно в первые дни, когда еще ощущались одиночество и напряжение. Мы тогда сильно нуждались в союзнике и друге. Еще на Волыни, перед отлтом, в партизанском штабе нам много говорили о подлинно революционных силах, которые вели бескомпромиссную вооруженную борьбу с оккупантами.

Эти силы под руководством ППР смело решали задачи сегодняшнего дня, делали все возможное, чтобы будущая Польша стала независимой.

Но не успели мы осуществить первые диверсии против немцев, как над нами нависла угроза со стороны тех, кто тоже именовал себя польскими партизанами. Мы знали о существовании НСЗ, которые выступали против левого революционного движения, но не предполагали, что эти предатели ведут борьбу не против фашистов, а против коммунистов, крестьян и всех тех, кто стоит в антифашистских рядах, и даже против прогрессивныхakovцев.

Вначале мы переоценивали эти силы. Позднее обстановка прояснилась, но на то, чтобы разобраться в ней, нам понадобилось около десяти дней. Изучение велось активным методом. Нам помогало в этом сельское население и Батальоны Хлопске, которые тянулись к нам с нескрываемым доверием.

Вскоре мое несколько преждевременное беспокойство полностью рассеялось. Однажды (кажется, 10 июля) в нашем лагере под Смыкувом появился Бартек (Мариан Барыла), который в тот период входил в состав ЦК ППР. Его сопровождали два молодых поручника: Гураль (Шиманьский) и Вжос. Мы получили от Бартека много ценной и интересной информации о политической обстановке в стране. Бартек и оба поручника изложили нам свои взгляды и дали оценку вооруженной борьбе, которую вели отряды Армии Людовой. Оказалось, что подобные отряды действуют на территории всей страны и даже в таких трудных районах, которые включены гитлеровской администрацией в состав рейха. Наших гостей больше всего беспокоила двойственная позиция руководства АК, позволявшая безнаказанно разбойничать антинародным бандам НСЗ. Эти последние любой ценой, не исключая сотрудничества с оккупантами и убийства деятелей левого крыла, хотели задержать развитие усиливающегося со дня на день антифашистского революционного движения. Нас познакомили с организационной структурой АЛ. Оказалось, что ее отряды, действующие на территории Келецкого воеводства, сведены в так называемый 3-й округ Армии Людовой, которым руководил Метек (Мечислав Мочар).

О Метеке говорили как о стойком руководителе народного движения, закаленном в боях с фашизмом. Отряды АЛ действовали в районах Ченстохова, Островца, Влошовы и других городов.

Теперь мы уже верили в возможность непосредственной связи с командованием округа и рассчитывали получить более полную информацию. Хотелось знать, какую роль нам придется играть в вооруженной борьбе. По моему приказу поручникам показали лагерь. Гости встретили предложение с нескрываемой радостью. Наши ребята приняли их радушно. Вооружение и обмундирование партизан произвели на гостей сильное впечатление.

— Чертяки, — жаловался шутя Гураль. — Уйдем от вас с недобрый чувством...

— Почему? — удивился я.

— Завидно. — Гураль улыбнулся и кивком головы указал на замаскированные в кустах станковые пулеметы.

Так в лице Армии Людовой мы нашли хорошо вооруженного и политически сильного союзника, на которого могли рассчитывать в тяжелую минуту. Польская рабочая партия и АЛ были хозяевами положения в этом районе, и, безусловно, наша деятельность была подчинена осуществляемому ею общему плану борьбы с оккупантами. С Гуралем и Вжосом мы обменялись мнениями о деятельности НСЗ и дислокации немецких гарнизонов. Условились, что штаб округа будет информирован о наших действиях. Тогда в случае необходимости он сможет установить с нами непосредственную связь.

Ребята из АЛ выполнили свое обещание, и через некоторое время такая связь была налажена. Мы снова находились на нашей базе под Смыкувом. Нам здесь нравилось: местность была подходящей, хотя мы и находились в непосредственной близости от Кельце, где располагался сильный гитлеровский гарнизон. Свентокшиеские горы, а точнее их юго-восточные отроги, называемые Орловинской цепью, покрыты густым лесом и надежно прикрывают подступы к лагерю. Красавица Белянка поила нас своей чистой и холодной водой. Могучие ели оберегали от зноя. Смелые люди из Смыкува, Оцесенок, Коженне и других деревень составляли передовой отряд, выдвинутый к дорогам.

Однажды, когда мы находились на отдыхе (правда, не все — несколько диверсионных групп действовали на линии Кельце — Хмельник и Кельце — Лагув — Опатув), мне доложили о прибытии людей из АЛ. Я пригласил их к себе. Наконец-то мы могли установить личное знакомство с командованием Келецкого округа АЛ. Мы радовались приезду друзей, о которых уже немало слышали. Это были Мечислав Мочар, Гиляры Хелховский, Мариан Яниц, Ренрик Половняк. Наши партизаны смотрели на них с интересом, а они изучали нас.

Нам понравились эти простые люди в выгоревших на солнце офицерских мундирах. Ранние морщины заостряли черты их лиц и придавали им выражение крайней сосредоточенности. Состоялся задушевный разговор.

Гости уселись на траве под высокой елью. Вскоре мы разговаривали, как старые знакомые. Оказалось, что наши цели полностью совпадают с целями деятельности АЛ. Вспоминая довоенные годы, мы нашли много общих знакомых: Юзеф Малецкий, Томаш Заремба, Генрик Зелиньский... Потом говорили гости. Они информировали нас об обстановке в оккупированной стране, рассказали о роли Польской рабочей партии, продолжающей лучшие традиции КПП, и Армии Людовой — вооруженного отряда партии.

В данный момент, говорили товарищи, главной задачей партии является вовлечение в вооруженную борьбу с оккупантами самых широких масс польской общественности. На этой основе следует объединить всех поляков.

Борьбу за новое народно-демократическое общество в зарождающейся новой Польше следует вести одновременно с борьбой против оккупантов. Оба вопроса важны в равной степени. Делегатура лондонского правительства, представляющая интересы помещиков, капиталистов и довоенной государственной администрации, противопоставила себя народным массам, скомпрометировала себя, потеряла их доверие. Несмотря на это ее представители не хотят уйти с дороги. Все их усилия направлены на разобщение сильного патриотического течения и противопоставление его нам. Перед нами хитрый и коварный враг, который для достижения своих низменных целей не остановится ни перед чем, даже перед братоубийственной войной. Уже не единичны случаи

убийства наших деятелей и даже выдачи их в руки гестапо. Боевым ядром, несущим основную тяжесть вооруженной борьбы против оккупантов, является Армия Людова, созданная из отрядов Гвардии Людовой и Милиции Людовой РППС (Левица)¹, с которой сотрудничают отдельные отряды БХ. Это явный успех политики партии. Не следует, однако, забывать, что раскол, наметившийся в народном движении, повлиял на позицию отдельных беховских руководителей, которые встали на путь автономии или сотрудничества с АК. О том, что движение в поддержку АЛ в Келецком воеводстве развивалось успешно, свидетельствовало появление новых отрядов АЛ. Наряду с отрядами Бжозы, Гураля, Локетека (Тадеуша Мая), батальоном имени генерала Бема и другими формированиями создавалась сильная партизанская бригада имени Земи Келецкой. Намечалось создание других бригад. План поддержали партийные организации в городах и деревнях. Это дало положительные результаты — все больше беховцев высказывалось за тесное сотрудничество или объединение с АЛ. Деятельность АК в значительной степени удалось нейтрализовать, а с некоторыми ее отрядами даже установить боевое сотрудничество. Именно в этом направлении должна проводиться политическая работа в отношении АК. Рядовые члены АК неохотно подчиняются своим командирам, которые запрещают им помогать коммунистам. Они хотят честно бороться с оккупантами. Поэтому-то они и вступили в АК. Их следует уважать. Зато нельзя терпеть преступные действия бандитов из НСЗ, которые охотятся за левыми политическими деятелями и сотрудничают с гитлеровцами. Правда, АЛ не намерена пока вести с ними борьбу. Она избегает братоубийственной войны, но и не позволит плевать себе в лицо. Отпетых преступников надо карать. Политика трудная, рассчитанная на огромную выдержку партизан, но в данный момент единственно возможная. Для

¹ В период гитлеровской оккупации из левых сил Польской социалистической партии (ППС) образовалась Рабочая партия польских социалистов (РППС), сотрудничавшая с ППР и поддерживавшая идею создания новой Польши как народного государства, которое будет опираться на союз и сотрудничество с СССР. Левые социалисты создали для борьбы с гитлеровскими оккупантами свои отряды народной милиции, сотрудничавшие с АЛ. — Прим. ред.

объединения всех демократических сил в стране в Варшаве нелегально создана народная власть в лице Крайовой Рады Народовой. Одна из ее задач — создание подпольной демократической администрации на оккупированной территории страны. Недолго осталось сидеть гитлеровцам в Польше. Свобода приближается с каждым днем. Нам следует создать такие органы власти, которые непосредственно после освобождения могли бы обеспечить демократическое развитие будущего государства.

Освобождение придет с востока. Но нельзя всю тяжесть борьбы возлагать на плечи восточного союзника. За свободу нужно в первую очередь бороться самим. Поляки в СССР объединились, взялись за оружие и с помощью советских друзей создали армию. ППР и АЛ стремятся объединить всех поляков в стране, всех, кому дорога судьба родины и кто готов с оружием в руках бороться против оккупантов. Учитывая историческую обстановку, в которой до сих пор формировалось мировоззрение польского народа, — это очень трудное, но выполнимое дело. Коммунисты, как наиболее сознательная общественно-политическая сила, должны встать во главе этого движения и показать пример патриотизма.

Многое, о чем говорили гости, мне было понятно. Именно такими в своем большинстве были основные принципы нашей политической и вооруженной борьбы. Еще там, на востоке, они были усвоены нами в огне боев с фашизмом, а здесь вновь проверялись на практике. Мы радовались, видя подтверждение правильности этих принципов. Я сказал об этом гостям.

— Это можно понимать, — спросил Мочар, — как ваше согласие объединиться с нами и занять должность начальника штаба округа или заместителя?

Мне не удалось скрыть удивления.

— Мы еще не говорили об этом, — заметил я. — Должность — не самое главное. Есть более важные вопросы.

— Давайте поговорим о них, — предложил Мочар.

— Можно, — ответил я, — но пока разве теоретически.

— Почему? Вы против этого?

— Совсем нет. Наше сотрудничество могло бы дать хорошие результаты. Я целиком за это. Но вот немедленное формальное подчинение...

Я подробно обрисовал Мочару нашу организационную структуру. Рассказал, что мы являемся как бы частью Первой армии Войска Польского и подчиняемся непосредственно партизанскому штабу этой армии, что накладывает на нас определенные обязанности. Без согласования со своим штабом мы не можем подчиняться командованию округа. Ясно, что для общего дела выгоднее объединиться, сосредоточить усилия. Досадно, что командование Армии Людовой и партизанский штаб не имеют тесной связи. Если бы она существовала, то, наверное, все партизанские группы, направляемые в борющуюся страну из Советского Союза, получали бы указание по прибытии на место подчиняться командованию АЛ. У нас одни политические взгляды, одна цель, поэтому вопрос нашего объединения носит чисто формальный характер и решение его зависит от нашего штаба. Однако обойти эту формальность невозможно.

— Мне кажется, — заметил я, — положительный ответ придет скоро, тогда мы войдем в состав сил округа.

— Попробуем договориться с ними, — предложил Мочар.

Итак, если в штабе признают возможным подчинить бригаду «Грюнвальд» командованию Келецкого округа АЛ, я немедленно выполню этот приказ.

Мы решили, что наша группа будет поддерживать тесный контакт с АЛ. Сосредоточивать отряды пока не станем. Это было мое предложение, я всегда был против скопления крупных партизанских сил в одном районе. Это, с моей точки зрения, противоречило основным принципам партизанской борьбы. Только особые обстоятельства могли привести к такого рода тактическому шагу.

В штаб послали шифровку. Я почувствовал себя еще ближе к новой партии.

ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ

Это был обычный день. Мы базировались под Козелем, за Оцесенками. В лагере, как и всегда, было мало народа: большая часть диверсионных групп находилась на заданиях.

Но спокойствие было только кажущимся. Сначала пришло донесение из Ракува: «В городе появились нем-

цы. Творят бесчинства». Этого допустить мы не могли. Гитлеровцев следовало проучить. Рыковский взял с собой Петелицкого, Зелиславского, Цыбульского, Дубенского и двинулся к Ракуву. В городе немцев уже не оказалось. По привычке наши ребята заглянули перекусить к Верушевской, хозяйке небольшого ресторанчика. Не успели они сесть за стол, как на улице послышалось: «Немцы!» Ребята выскочили во двор. Три автомашины с гитлеровцами стояли невдалеке. Немецкий шофер распрашивал о дороге. Партизаны открыли огонь. Один немец упал. Остальные моментально забрались в автомашину. Завыли моторы. Грузовики исчезли. Только легковую машину занесло на повороте. Прошитая пулеметными очередями, она остановилась у мельницы.

Внезапное появление немцев в этом районе насторожило нас. Но все быстро выяснилось. Ребята, оказывается, наткнулись на разведку подразделения, которое вышло из Кельце на рекогносцировку в направлении Далешице — Ракув. Вскоре, однако, мы встретились с другой, более сильной группой.

Началось с того, что наши разведчики донесли о появлении немцев в количестве роты, сопровождающих несколько телег с заложниками из близлежащих к Ракуву деревень. Телеги двигались проселочными дорогами в направлении Далешице — Кельце. Жизнь сидящих в них людей должна была, по-видимому, оборваться в немецком гестапо. Времени оставалось очень мало. Собрали всех, кто мог держать оружие. Набралось около тридцати человек. Маловато, чтобы разбить немецкую роту. Но все же решили попытаться. Мы полагали, что немцы испугаются и не примут бой из-за заложников, но просчитались...

Левецкий с группой в тридцать человек дошел до дороги, по которой двигались телеги с заложниками. Пыль на какой-то момент закрыла медленно двигающуюся колонну, а когда рассеялась, то оказалось, что немцы прочесывают придорожные заросли специально высланным во все стороны боевым охранением. Как только партизаны открыли ураганный огонь, немцы ответили им. Вскоре они поняли: партизаны не так сильны, как это им показалось сначала, и решили окружить смелчаков.

Левецкий понял опасность положения, когда увидел,

что немцы переходят в контратаку. Нельзя было допустить окружения отряда. Это грозило бы гибелью всем людям! Он уже хотел передать по цепи, чтобы партизаны начали отходить, и в этот момент с другой стороны дороги по фашистам ударили пулеметные очереди. Гитлеровцы не ожидали такого оборота дела. Используя неожиданную помощь и растерянность в рядах врага, Левецкий приказал атаковать. Теперь уже немцы отка-зались от боя и начали отступать, оставив у дороги уби-тых, раненых и двадцать заложников, которые поте-ряли для них всякую ценность. Нужно было спасать свою шкуру...

Левецкий с удивлением рассматривал людей, вышед-ших из леса по ту сторону дороги.

Левецкий поблагодарил за помощь и спросил:

— Кто такие?

— Взвод отряда Барабаша Армии Крайовой... — по-следовал ответ.

Жизнь часто бывает изобретательнее самого опыт-ного режиссера. Она нередко поворачивает события са-мым неожиданным образом. Почти в то же самое вре-мя, когда Левецкий узнал, кто пришел ему на помощь, к нам в лагерь прискакал на взмыленной лошади уста-лый всадник. Увидев меня, он с трудом сполз с седла и представился.

— Откуда? — переспросил я.

— От поручника Барабаша. Он просит помочь...

— Что случилось?

— Немцы напали на Далешице... Убивают, жгут... Мы были рядом, хотели помочь, но... немцев много, с батальон будет... теснят нас...

Я почувствовал себя беспомощным. Речь шла о спасении людей, и мы должны были во что бы то ни стало помочь им. Но чем? В лагере пусто. Едва наберется че-ловек двадцать, вместе с ранеными.

— Минометы! — приказал я.

Решение принято. Пустили в дело минометы. Риск огромный, без прикрытия их легко потерять, но выбора нет. Минометы погрузили на телеги.

— Если окажется, что возможности использовать их нет, — поучал я, — или если наткнетесь на немцев, при-нимайте решение самостоятельно...

Отряд усилили несколькими офицерами из штаба.

— Берегите минометы как зеницу ока, — не унимался я, — не рискуйте!

Связной от Барабаша повел отряд галопом в направлении Далешице.

Немцы силой до батальона прибыли в Далешице на автомашинах. С небольшой возвышенности, где остановились подводы с минометами, было видно пылающую деревню и место, где стояли автомашины. Около них суетились группы немцев. Часть бегала по деревне, остальные пытались потеснить укрывшийся в лесу отряд Барабаша. Оттуда доносилась непрерывная стрельба. Стучали, как дятлы, станковые пулеметы. К шуму боя примешивался треск пылающих домов, которые извергали в небо снопы искр, клубы дыма и языки пламени. Слышались отдельные выстрелы. Это немцы охотились за теми, кто не успел убежать.

Командир минометной батареи долго не раздумывал. Ребята быстро развернули ее и ударили по машинам. Две из них загорелись, несколько солдат свалилось замертво. Переполох в стане врага воодушевил партизан. Последовал еще один залп — и новые взрывы всколыхнули землю под ногами немцев. Их крики доносились до высотки. Грузовики начали спешно разъезжаться в разные стороны, а цепь атакующих отряд Барабаша дрогнула. Тогда минометы ударили по цепи...

Правда, немцы предприняли попытку перегруппироваться. Их подразделение пыталось атаковать возвышенность, с которой били минометы, а другие — найти надежное прикрытие, но все это делалось хаотично, неуверенно. Паника, возникшая после первых залпов минометов, не уменьшалась. Для подразделения, бросившегося в направлении минометов, было достаточно очереди станкового пулемета. Оно распалось. Немецкий тяжелый пулемет, грозно застучавший со стороны стоянки грузовиков, внезапно замолчал. Гитлеровцы оставили деревню быстрее, чем мы предполагали.

А в это время ребята из отряда Барабаша, заметив переполох в рядах врага, так поднажали, что фашисты со всех ног бросились к уцелевшим машинам. Минометы ударили еще несколько раз по удиравшим карательям.

Жизнь многих жителей деревни была спасена. Удалось уберечь от огня часть домов. Барабаш обнимал

наших ребят, как братьев. Новые, недавно полученные нами «с неба» минометы выполнили свое первое задание на «пятерку».

День кончился благополучно. Действия гитлеровских карателей были пресечены. После такого урока фашисты стали реже появляться в нашем районе.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПАРТИЗАНСКОЙ ТАКТИКЕ

Приведенные выше примеры наших диверсионно-боевых операций позволяют сделать вывод о характере избранной нами тактики. Из трех основных тактических приемов, применявшихся партизанами в тот период: ведение боя силами крупных группировок в заданном районе, рейдовые действия таких же группировок и ведение боя силами мелких маневренных групп — мы выбрали последний. Мы систематически высылали на задания мелкие подвижные диверсионно-боевые группы, обнаружить которые было трудно. Такие группы могли действовать на большой территории, появляться там, где враг ждал их меньше всего. Не обремененные излишним грузом, они после выполнения задания бесследно исчезали. Таким образом, бригада действовала одновременно в нескольких местах. Случалось так, что в один день почти в одно и то же время партизаны подрывали эшелон с грузом для Восточного фронта, обстреливали военные колонны на шоссе, уничтожали из засады отряд эсэсовцев, направляющийся грабить деревню, сжигали склады. Так, по нашему мнению, лучше всего можно было выполнять основную задачу: всеми силами дезорганизовывать тыл врага. Безусловно, это не значило, что мы полностью отказались от возможности сосредоточивать крупные силы для проведения значительных операций. Определяя принцип действия, мы не возводили его в «шаблон». Умение использовать особенности обстановки не менее важно, чем умение остановиться на определенном принципе ведения боевых действий. Всякий раз, когда наш незаменимый Левецкий разрабатывал план операции, я просил его учитывать быстро изменяющиеся условия, личную инициативу командиров, подразделений и даже отдельных партизан.

Основной принцип, однако, оставался неизменным. Правильный ли выбор мы сделали? Более двух с полови-

виной лет мы партизанили. И испытать нам пришлось самые различные приемы. С уверенностью могу сказать: в наших условиях это был единственно правильный метод.

Сосредоточение крупного партизанского соединения в одном месте и нахождение его там в течение длительного времени всегда вызывало естественную реакцию со стороны врага. Гитлеровцы стягивали в этот район значительные силы. Дело кончалось неравным боем, из которого партизаны с большим трудом могли выйти без потерь. В таких случаях преимущество регулярных войск противника было бесспорным. Особенно в условиях Польши, где, как известно, мало мест, недоступных для войск современной армии. Преимущество противника было многосторонним. Во-первых, гитлеровцы каждую минуту могли подтянуть подкрепление. Во-вторых, ввести в бой тяжелое оружие: минометы, артиллерию и даже самолеты и танки. В-третьих, гитлеровцы имели возможность нормально снабжать свои части боеприпасами, продовольствием и водой. В-четвертых, что имеет значение для морального состояния солдат, противник мог спокойно эвакуировать раненых в хорошо оборудованные госпитали. Безусловно, происходили крупные бои, когда партизаны принимали неравный бой с пре-восходящими силами врага. Опытные партизанские командиры по возможности избегали таких сражений. Известный своим геройством майор Хубаля был разбит гитлеровцами, так как не имел опыта ведения партизанской борьбы и простого партизанского чутья. Правда, ему пришлось вести борьбу в исключительно неблагоприятных условиях: сильные немецкие войска, не связанные еще полностью крупными действиями на востоке, в то время были хозяевами в Польше.

Только югославские партизаны могли позволить себе применить тактику, предусматривающую формирование полков, дивизий и даже корпусов. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, чем это обуславливалось. Гористая, дикая местность, слабая сеть дорог. Немецкие танки в таких условиях были бессильны. Кроме того, Югославия, в противоположность Польше, через которую сорок первого года двигались крупные силы немцев, не представляла стратегического моста для гитлеровского командования. В Польше не было места

для крупных партизанских соединений, если не считать лесов, невысокие Светокшицкие горы и Бескидо-Татранскую гряду. Нужно было уметь использовать незначительные складки местности, обладать ловкостью и изворотливостью ужа, чтобы ускользать от вооруженных до зубов гитлеровцев и наносить по ним чувствительные удары. Такую тактику применяли первые отряды Гвардии Людовой. Позднее ее использовали известные командиры округов АЛ Мечислав Мочар, Гжегож Корчиньский, Францишек Ксенжарчик. Благодаря такой тактике продержался до конца действовавший под Варшавой в особенно трудных условиях партизанский отряд Кубы (Станислава Гаца).

Могут спросить: а как же Ковпак? Ведь у него было крупное соединение! Его действия — это как раз и есть применение второго, рейдового варианта партизанской тактики. Это соединение как в период, когда им непосредственно командовал Ковпак, так и позднее, когда им командовал Вершигора, находилось в постоянном движении. Группировка совершила рейд по местности со слабо развитой системой дорог, атаковала на марше и немедленно отходила в недоступные леса. Такой характер боевых действий значительно повлиял на организационную структуру партизанского соединения. Одну треть его составляли сильные разведывательные отряды. Они прочесывали местность по маршруту движения в радиусе пятидесяти километров. Это давало возможность командирам избегать непредвиденных столкновений с противником, а заблаговременная разведка сил противника давала возможность применять такой маневр, который приводил к бою только в благоприятных для соединения условиях. Следует помнить также, что эта группировка (позднее Первая украинская партизанская дивизия) поддерживала постоянную радиосвязь с центром в Москве и, при необходимости, всякий раз получала по воздуху оружие, боеприпасы, медикаменты. Воздушным путем эвакуировались из соединения тяжелораненые. Это обеспечивало партизанам значительно большую подвижность, чем нашей бригаде, когда мы действовали на Болыни и в южной части Полесья. Нам необходима была своя база со складами, госпиталем, оружейными, сапожными, портновскими и другими мастерскими. Мы имели такую базу, действуя в труд-

нодоступной, лесисто-болотистой местности, однако радиус нашей деятельности не уменьшился: диверсионные группы по пять—десять человек проникали далеко и действовали иногда на расстоянии двухсот и даже трехсот километров, от базы. Безусловно, этим наша деятельность не ограничивалась. При благоприятных условиях проводилась крупная операция и удар наносился всем отрядом. Умение выбрать наиболее выгодный вид боя с учетом данных разведки, умение осуществить сложный маневр под носом у врага, нешаблонность решения — все это, безусловно, только некоторые из основных качеств, которыми должен обладать партизанский командир.

А вот пример того, как не надо командовать. В первые дни августа сорок четвертого года Келецкое воеводство охватил небывалый патриотический подъем. В городах, селах, деревнях и в первую очередь в лесах можно было наблюдать оживление. Невидимая сильная пружина выталкивала на лесные тропинки даже тех, кто не принимал до этого времени никакого участия в вооруженной борьбе с оккупантами. Этой пружиной было вспыхнувшее в Варшаве восстание. Командование АК использовало его и объявило повсеместную мобилизацию с целью оказания помощи Варшаве. На первый взгляд это был благородный поступок. Да, это был благородный порыв тысяч молодых людей, следивших за борющейся столицей с чувством патриотической гордости. Мы все сильно переживали это событие. Только в наших думах было больше беспокойства, чем гордости. Во всяком случае, стремление протянуть руку помощи землякам было всеобщим, понятным и достойным уважения. Однако способ использования этих стремлений командованием АК не имел ничего общего с патриотическим подъемом молодежи. Настоящая трагедия началась, когда командование АК двинуло собранные в районе сосредоточения отряды в направлении Варшавы как народное ополчение. Только некоторые из этих отрядов можно было считать подготовленными в военном отношении. Остальные участвовали в борьбе впервые. Все шли с большим желанием: наконец-то отменили возмутительный приказ «стоять с оружием у ноги», наконец-то можно будет насмерть сразиться с ненавистным врагом! Надежды быстро рассеялись. На-

скоро сколоченное формирование, состоящее в большинстве своем из людей неопытных и плохо вооруженных, руководимое офицерами запаса старшего поколения, не имевшими понятия о партизанской тактике и о тактике современной армии, едва дошло до реки Пилицы далеко не в полном составе. Марш многочисленных отрядов, плохо подготовленных к длительному переходу по почти открытой местности, кончился полным провалом. Должен замечать, что мы предвидели такой конец столь шумного мероприятия. К нашему великому сожалению, мы вынуждены были выступить в роли злых пророков. Кому из нас не хотелось, чтобы варшавское восстание закончилось победой? Но романтические порывы должны всегда контролироваться рассудком, реальной оценкой фактов. А этого командованию АК уже давно и довольно очевидно начинало не хватать. Накануне выступления в наш лагерь пришел Барабаш и заявил с пафосом:

— Пробил час для выполнения нашего патриотического и солдатского долга. Кто не пойдет на Варшаву — тот не поляк...

— Всем хочется помочь борющимся в Варшаве братьям, — ответил я. — Но как вы, поручник, предполагаете к ним пробиться?

— Мы собрали несколько тысяч людей. Пойдем лавиной! — возбужденно кричал Барабаш.

— Хочется, чтобы вы были правы. Сомневаюсь, однако, что будет по-вашему. Лавина рассыплется, едва вы спуститесь с гор и выйдете из леса. До Варшавы не дойти за одну или за две ночи... Несколько тысяч людей невозможно укрыть в роще. Немцы вас быстро обнаружат и уничтожат с помощью танков и самолетов. Что вы им противопоставите на открытой местности?

После таких рассуждений мне сделалось немного неприятно. Барабаш заметно помрачнел, а от его энтузиазма не осталось и следа. На его вопрос, что же нужно делать, я ответил так: «Необходимо активизировать борьбу здесь, на месте, и это, по-моему, единственно разумная помощь борющимся в Варшаве».

— Даже плохой приказ есть приказ, — ответил Барабаш с горькой усмешкой. — Не сердитесь на меня, я должен его выполнить...

Да я и не имел права на него сердиться. Но серьезный счет хотелось предъявить тем, кто придумал эту безумную затею, кто так легкомысленно распоряжался жизнью тысяч людей.

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

Гитлеровские полчища откатывались на запад. Их оборонительные линии трещали по швам. Советские войска с каждым днем приближались к Висле. Восточные районы Келецкой земли оказались в непосредственной близости от фронта. Враг метался в агонии, и наша разведка едва успевала следить за постоянно меняющейся обстановкой. Колонны разгромленной гитлеровской армии хаотично отступали на запад, а их место спешно занимали таявшие на глазах резервы. Части вермахта, СС, жандармерии и полиции, останавливавшиеся на отдых в близлежащих от дорог деревнях, не походили на части той «победоносной» армии, которая год назад пыталась наступать на Курской дуге. Неудачи бесили гитлеровцев. Свою злобу они вымешивали прежде всего на мирном населении, убивая людей, сжигая деревни, грабя.

У нас наступила страдная пора. Ни одно преступление не сходило гитлеровцам с рук. Мы были уже достаточно сильны, чтобы наносить по ним чувствительные удары. Увеличилось число засад на дорогах, диверсионные группы почти непрерывно действовали на железных дорогах, подрывая мосты, пуская под откос эшелоны. Теперь уже не было необходимости обращаться в партизанский штаб за оружием и боеприпасами. Мы пользовались немецким. Фашистов мы уничтожали с небывалым упорством. Если раньше бригада только росла и созревала, то теперь она собирала обильный урожай. «Наступила жатва», — заметил кто-то из партизан.

Мы ежедневно высыпали доклады о наших успехах в штаб. Но ответы приходили на редкость сухие. «В чем дело? — думал я. — Может, мы уже не нужны?» Я был близок к истине. По сравнению с решающими успехами на фронте, наша деятельность в немецком тылу была не так заметна, казалась многим менее значительной. В штабе решили, что на данном этапе борьбы с фашиз-

мом нас можно использовать в других целях. Наконец задачу сформулировали так: «Необходимы разведданные. Как можно больше».

Сообщение это мы приняли без энтузиазма. Никому не хотелось ограничивать нашу деятельность ведением разведки. Особенно сейчас, когда мы боролись в полную силу и наносили по врагу чувствительные удары. Несмотря на внутреннее несогласие, пришлось браться за выполнение новых задач. Правда, полностью от диверсионной деятельности мы не отказались. Но мы были вынуждены, однако, еще больше дробить наши боевые группы, чтобы больше видеть, собирать информацию у крестьян, сотрудничающих с нами, доставать «языков». Даже Барабаша удалось использовать для этих целей. Не без колебаний он согласился передавать нам данные его разведки при условии, что мы сохраним это в строгой тайне от аковского руководства. Осторожность Барабаша была понятна: за сотрудничество с нами он мог поплатиться головой.

И вот полетели в эфир наши донесения нового содержания: гитлеровская регулярная армия очищает районы вдоль прифронтовых дорог, расстреливает мирное население, сжигает деревни; местная администрация, полиция, жандармерия сбежали в Кельце; всю полноту власти берет в свои руки раздраженное поражением за Вислой командование вермахта; с каждым днем увеличивается скопление фронтовых войск на территории Келецкого воеводства; с востока бегут остатки разбитых частей, дислоцировавшихся ранее в районе между Западным Бугом и Вислой; с запада подходят резервные дивизии; главные силы немцев концентрируются на линии Скаржиско — Кельце — Енджеюв... Далее следовали подробности: в Сухеднюве около тысячи солдат с зенитной батареей; на вооружении — стрелковое оружие; в Загнаньске около батальона пехоты; в Хенцинах мотопехота — около тысячи; в Бодзентыне 71-й пехотный полк с ротой охраны; в Кельце — около двух тысяч человек, вероятно, пехотный полк, один батальон которого с несколькими танками типа «тигр» сосредоточился на Букувке; в городе спешно готовятся к обороне; в деревне Сукув остановился штаб 4-й танковой (Баварской) дивизии во главе с генералом фон Типпельскирхом; дивизии сильно досталось на фронте, и, используя пере-

дышку, она готовится к обороне на западном берегу Любжанки; создается что-то вроде передовой линии обороны Кельце... В Бжегах, в Бялогоне, в Ситкувце... Десятки названий, сотни очень важных подробностей...

Бригада действовала в квадрате Сташув — Лагув — Белины — Хмельник. Севернее и несколько западнее этого квадрата находилась сильная группировка АЛ под командованием Метека (Мечислава Мочара), южнее — группировка Краковского округа под командованием Ксенжарчика. Отряды АЛ быстро росли. Снабжение их оружием, боеприпасами, взрывчаткой и рациями улучшилось, и они могли успешно проводить операции на значительной территории. Их все чаще поддерживали отряды БХ, которые уже тогда без колебаний подчинились общему руководству, а также население, откликнувшееся на призывы ПКНО. Не вызывает сомнения, что и мы, партизаны, сделали все возможное, чтобы гитлеровцы после ощутимых ударов, полученных на Люблинской земле, не сразу решились на создание оборонительных рубежей вдоль естественной водной преграды, какой являлась Висла. Немецко-фашистское командование вынуждено было преодолевать дополнительные трудности, чтобы привести в порядок свои войска, отходившие из-за Вислы к районам, насыщенным партизанскими формированиями. На железных дорогах царил беспорядок, вызванный пробками у взорванных мостов, виадуков, переездов. Колонны, двигавшиеся по шоссейным дорогам, ни на минуту не имели покоя: мины, засады и другие «сюрпризы» изматывали и без того деморализованные неудачами гитлеровские части, усиливали беспорядок. Оперативные резервы, поспешно подходившие сюда, тоже не могли в сжатые сроки организовать линию обороны, так как в тылу действовали сильные партизанские группировки. Нужно было сначала очистить тыл, а это оказалось нелегким делом, потому что гитлеровцев по пятам преследовали части 1-го Украинского фронта.

Советские войска форсировали Вислу южнее Сандомира. В погожий августовский день разведчики доложили о появлении советских танков в Сташуве. Фашисты, видимо, не ожидали такого броска советских передовых отрядов и бросились наутек. Вот здесь и поддали фашистам жару наши ребята...

Мы остановились под Оцесенками и как бы оказались в мертвой зоне. Гитлеровцы отступили на запад, а передовые части Советской Армии укреплялись на Сандомирском плацдарме. Наши диверсионные группы все дальше уходили на запад. Из донесений разведки следовало, что в радиусе нескольких десятков километров нет ни одного отряда НСЗ. Все эти богуны, кмицизы, жбики, казимежи и прочие, считавшие себя поляками и бросавшие патриотические лозунги, бегут вместе с немцами. Совсем недавно они кормили крестьян баснями об Андерсе на белом коне, который придет вместе с американцами и наведет порядок, и вот теперь они удирали с гитлеровцами, поджав хвост. Конец прозрачному обману. У врат земли Келецкой стояла Советская Армия.

Через два дня после получения донесения из Сташува запыхавшийся разведчик доложил: «На дороге в Оцесенки замечен бронетранспортер».

Объявили тревогу. Собрали всех, кто был в лагере (остальные ушли на задания). Левецкий расположил людей на заранее подготовленных позициях у дороги.

— Огонь без приказа не открывать, — передали по цепи команду.

Я взобрался на высотку и посмотрел в бинокль. Бронетранспортер был заметен по облаку пыли, поднимавшемуся над деревьями. Вот он исчез на миг в долине и снова вынырнул, но на этот раз значительно ближе. За транспортером подпрыгивало на неровностях дороги противотанковое орудие. Отчетливо виднелись фигуры солдат. Было их около двадцати. Вели они себя (хотя это могло только показаться) спокойно. Да, что-то уж слишком спокойно для удирающих гитлеровских солдат. Но мы сейчас проучим их. А если.. Не может быть! Я впился взглядом в солдатские гимнастерки. Какого они цвета? Разве разглядишь в такой пыли? А каски? Форма знакомая... С волнением изучал я каждую мелочь... Солдат уже видно было невооруженным глазом, но бинокль я не опускал... Я выскошил на дорогу в нескольких метрах от бронетранспортера.

— Стой! — крикнул я. — Кто такие?

Я поднял руку. Машина резко затормозила. На какую-то долю секунды в голове пронеслась мысль: «Не

рано ли выбежал?» Голос из машины развеял все сомнения:

— Черт побери! Ребята, да это же партизаны!

Из бронетранспортера выпрыгнул майор и направился ко мне с широко раскрытыми объятиями. На сером от пыли лице отчетливо выделялись белки глаз и крепкие зубы. Мы обнялись. От волнения я так прижал майора к груди, что он охнул:

— Крепкий парень! — Освободившись из моих объятий, представился: — Майор Петров! А это мои разведчики!

— Здравствуйте, — ответил я. — Мы польские партизаны.

— Ну и прекрасно, — засмеялся майор.

Наши ребята повыскакивали из кустов, русские прыгали с бронетранспортера. Встречали нас как друзей. Некоторые наши парни, особенно местные, были даже немого разочарованы: ведь почти пять лет ждали минуты, когда можно сказать: «Конец оккупации! Мы свободны!» Для меня и моих десантников это была третья встреча с частями Советской Армии. Для них — первая, решающая. Нетрудно догадаться, что эту минуту освобождения они представляли себе как нечто торжественное. А здесь запыленные, в пропитанных потом гимнастерках парни хлопали их по плечу, как своих, и, улыбаясь, говорили что-то непонятное, но очень простое и доходчивое.

Мы решили отметить эту встречу и пригласили советских воинов на обед. Они согласились. Бронетранспортер замаскировали в придорожных кустах и вошли в лес, где Добровольский приготовил королевскую еду. На столе оказался самогон.

Майор Петров был командиром батальона. Отряд проводил рекогносцировку местности, и, естественно, его командир очень детально интересовался обстановкой перед фронтом советских войск. Торжественную часть по случаю нашей встречи пришлось быстро закончить. Левецкий разложил карту и стал тщательно наносить на нее обстановку, интересующую Петрова. А интересовало его все: и состав немецких гарнизонов в населенных пунктах, и номера воинских частей, и состояние оборонительных укреплений, и покрытие дорог, и грузоподъемность мостов, и возможности польских партизан на

Келецкой земле. Я приказал привести пленных (одного офицера и двух унтер-офицеров), захваченных нами недавно во время проведения крупной разведывательной операции. Гитлеровцы были словоохотливы. Отвечали на вопросы Петрова смело, без колебаний. Они уже понимали, что нас интересует, и для собственного спасения были готовы на все. Рассчитывать на победу гитлеровской армии им уже не приходилось.

Весть о форсировании Вислы советскими войсками севернее Сандомира пронеслась над Келецкой землей, как животворный ветер. Люди поднимали головы и с надеждой смотрели на восток. «Теперь уж скоро», — повторяли они и прислушивались, рассчитывая услышать голос фронтовой канонады. Фронт, между тем, стоял на месте. Советские войска после длительного наступления вынуждены были перевести дух и укрепить занятые позиции. Только население юго-восточного района Келецкого воеводства, Сташувского повята, имело возможность встретить цветами советских воинов и испытать радость долгожданной свободы. Но война пока не кончилась, и этой земле предстояло пережить еще многое...

Солдаты Армии Крайовой, которых ее командованию не удалось оболванить, а точнее, настоящие патриоты, с радостью ждали прихода друзей, которые были совсем рядом, — советских войск и своих братьев из Первой польской армии. Среди них было много таких, кто вопреки приказам командования АК самостоятельно искал связи с нами. Однажды к нам в лагерь прибыл из Ракува молодой, примерно лет тридцати, парень. Одет он был в гражданский костюм, но представился по-военному: «Поручник Казимеж Красонь, командир роты довоенного Краковского пехотного полка». Поручник просил уделить ему полчаса. Получив мое согласие, он начал рассказывать:

— В тридцать девятом году я пошел на фронт. Командовал ротой, был ранен, попал в плен, потом бежал... Когда народ начал борьбу с немцами, я вступил в Союз вооруженной борьбы. Когда же начала организовываться АК, я одним из первых подхватил ее патриотические лозунги. Это был мой долг. Так поступали тысячи других молодых парней, которые не колеблясь отдали свои

силы борьбе с оккупантами. Политика меня не интересовала, но я внимательно наблюдал за всем, что творилось вокруг, и сделал выводы... Я их не скрываю... Это было в сорок третьем, немцы здорово получили под Сталинградом... Я написал тогда в нашу подпольную газету следующее: «...Несмотря на предположения и ожидания многих из нас, большевики являются главной силой, уничтожающей гитлеровские войска... Народу говорят: освобождение придет с запада... Факты говорят о другом. Уже сегодня следует сказать об этом открыто, изменить курс, подготовить народ к мысли, что нашу страну будет освобождать Советская Армия. Если мы этого не сделаем, народ будет обманут, и нам придется за это отвечать... Нужно рассказать народу правду о Советском Союзе и перестать пугать народ коммунизмом». Так думал я, — продолжал поручник, — но мои начальники рассудили иначе. Наш второй отдел передал меня в руки гестапо... как коммуниста. Я не коммунист, и мне далеко до них... Но тем не менее я сидел в Пиньчеве, меня пытали. Мне бы не вырваться из рук гестапо, если бы не помогли партизаны. Обратно в АК я не вернулся. Сотрудничал с БХ и думал, что меня снова арестуют, ведь отступничество не прощается. Я оказался прав... В политике я профан, а здесь все политически подкованы, считают себя патриотами... Скажите, разве нет такого места, где человек может бороться только потому, что он честен?..

Задай он мне этот вопрос сразу, я посчитал бы его наивным, риторическим. Наверное, я предложил бы ему нашу бригаду. Сейчас я колебался и решил по-другому.

— Поручник, делайте так, как подсказывает вам ваша совесть. Идите в Войско Польское. Проберитесь в Люблин. Там вас примут. Никто не спросит — коммунист вы или нет. Войску Польскому нужны честные польки, ненавидящие фашизм. Опытные офицеры сейчас на вес золота. Я убежден, именно там ваше место.

Красонь послушал меня. Осенью 1945 года я встретил его в звании майора. Он был начальником оперативного отдела 7-й Лужицкой пехотной дивизии.

Мы поддерживали постоянную связь с советскими войсками на Сандомирском плацдарме. Их передовые

части находились в нескольких километрах от нашего лагеря. Характер деятельности войск свидетельствовал о создании оборонительной линии. Наступления пока не предвиделось. Меня, откровенно говоря, это удивляло. Казалось, что именно сейчас, когда немцы еще не успели опомниться от поражения на правом берегу Вислы, существует прекрасная возможность продолжать наступление. Наконец пришлось согласиться с тем, что у меня слишком мало данных, чтобы строить планы о наступлении по всему фронту. Советское командование располагает такими данными и может правильно решить этот вопрос.

Между тем немцы подтягивали силы и готовились, по-видимому, ликвидировать плацдарм. Однажды, встретившись с Петровым, который теперь часто приезжал к нам в лагерь, я сказал ему:

— Мы передали вам все необходимые сведения, теперь постарайтесь обойтись без нас. Уходим в тыл к немцам.

Петров поблагодарил за помощь и пожелал дальнейших успехов в борьбе за общее дело. Накануне был получен ответ из Люблина о необходимости объединения с АЛ. Мы разработали маршрут, по которому должны были двигаться на встречу с Мочаром. Лагерь сворачивался, когда передо мной выросла фигура радиста с удивленным лицом.

— В чем дело? — спросил я.

В ответ он протянул лист с радиограммой: «Командиру бригады «Грюнвальд». Вместе с вверенными вам подразделениями перейти линию фронта и через Сандомирский плацдарм выйти на территорию Люблинского воеводства. Явиться в штаб командования Войска Польского в Люблине».

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Можно было предполагать все, но такое... Только что мы получили приказ соединиться с АЛ, и вдруг, как гром с ясного неба, пришел второй, иного содержания. Здесь что-то не так! Мы только изучили местность, сколотили бригаду! Возвращаться, когда мы представляем серьезную силу и накопили опыт, когда можем бить гитлеровцев, что называется, и в хвост и в гриву, когда,

наконец, можем развернуть диверсионную деятельность в крупном масштабе.

Я распорядился не разглашать содержание радиограммы, а сам сочинил шифровку: «Ничего не понял. Наше присутствие здесь необходимо. Прошу изменить решение». Вскоре пришел ответ: «Выполняйте приказ».

Можно было ругаться и проклинать все на свете, но приказ следовало выполнять. Приказ прочитали перед строем бригады. Ребята реагировали так же, как и я. Пришлось, скрепя сердце, объяснить необходимость возвращения и таким образом поддержать престиж старших начальников. Однако мои доводы и ссылки на правоту начальства были, видимо, неубедительны. Оставалось призвать на помощь дисциплину.

На совещании в штабе бригады вопрос обсуждался обстоятельно. Безусловно, меньше говорилось о целесообразности приказа (хотя и об этом тоже говорилось), а больше о способе его выполнения. Было решено, что на другой день я отправлюсь к представителю советского командования и договорюсь о проходе бригады через Сандомирский плацдарм. Исходя из численности бригады (нас было более шестисот), мы решили часть людей, особенно из местных, с собой не брать. Не хотелось лишать население опоры, какой мы были для него. Около сотни хорошо вооруженных, способных продолжать борьбу ребят осталось на месте.

На следующий день я верхом поехал в Ракув. Оттуда командир данного участка отвез меня в штаб дивизии, разместившийся в лесах за Курозвенками. Принял меня молодой, энергичный генерал. Я представился и слова свои подкрепил предъявлением документа, на котором мелкими буквами было написано:

«Удостоверение. Майор Собесяк Юзеф является командиром партизанской бригады «Грюнвальд». Зам. начальника ППШ полковник Притыцкий». Рядом с подписью красовалась огромная круглая печать с пястовским орлом и надписью на польском и русском языках: «Польский партизанский штаб».

Генерал с интересом изучил документ и испытующе посмотрел на меня.

— Выкладывайте, — сказал он, — чем могу быть полезен?

Я объяснил. Генерал подумал и согласился:

— Хорошо, дам вам офицера связи. Будете переходить через мост под Барапувом. У вас все готово?

— Так точно! — ответил я. Поблагодарил и собрался уходить, но генерал остановил меня.

— Куда? — хитро улыбнулся он. — Как вам не стыдно? Ведь мы даже не познакомились.

Генерал вызвал адъютанта, и через минуту на столе появилась «Московская» и закуска.

Генерал поблагодарил меня за разведданные, которые он получал от нас через Петрова. Затем я отважился спросить о наступлении:

— Это правда, что вы здесь еще долго простоните и не предполагаете закрепить успех на правом берегу Вислы? Немцы не выдержат сильного удара, а народ так ждет освобождения...

— Послушайте, — сказал генерал. — Я знаю, сколько бед перенес ваш народ. Ему надоела война. Он борется за освобождение и мир. Нам тоже надоела война, нам хочется поскорее ее закончить. Уничтожить фашистов — и по домам, к женам, детям и матерям... Но пока дальше не пойдем. — Генерал обратился к карте. — У нас есть людские ресурсы и вооружение. Мы готовы выйти на рубеж Радомско, Ченстохов, Катовице. Но нельзя! Нельзя наступать, не имея обеспеченного тыла. Это вы сами знаете. У нас тылы остались далеко позади. Не хватает боеприпасов, продовольствия, горючего. Далеко позади остались наши авиационные базы. Отступая, немцы уничтожают все. После них нужно строить новые аэродромы, восстанавливать дороги для переброски боевого обеспечения. Вы ведь помните, нам пришлось совершить бросок на несколько сот километров, а это нелегко. Фронт поглотил огромное количество снарядов, военной техники, горючего. Не говоря уже о людях, которых погибло немало. Захваченный нами плацдарм на левом берегу Вислы мы используем для дальнейшего наступления, но пока не подтянем тылы, дальше не движемся. Повторяю, люди у нас есть, но мы научились дорожить ими. Операция на авось равнозначна поражению. У нас их было достаточно, сами знаете... Что же касается немцев, то они уже опомнились, и, как видно по вашим данным, у них уже подготовлена очередная линия обороны. Придется приложить большие усилия, чтобы ее прорвать. Впрочем, они могут решиться и на

контраступление. Мне кажется, на нашем участке без этого не обойдется...

То, что я услышал, было для меня новостью. Но от генерала я уходил убежденным в том, что именно трезвому образу мышления Советская Армия обязана мастерством своих операций...

В тот же день мы выступили. Крестьяне, поспешно убирающие хлеб, тоскливо смотрели нам вслед. Мужики еще крепились, а бабы на виду у всех вытирали слезы. Мне было их жаль. Я не мог побороть чувства вины перед этими людьми, с таким самозабвением помогавшими нам, относившимся к нам с первого дня встречи, как к друзьям и братьям. В трудную минуту они делились с нами последним куском хлеба, а если требовалось, брались за вилы и топоры, чтобы встать плечом к плечу с нами. Не будь этих людей, наша бригада не продержалась бы, не выросла бы и не развернула бы своих действий. Война еще не кончилась, а мы, солдаты-партизаны, должны были уйти отсюда.

Длинная колонна телег и пеших втиснулась в советские позиции. Офицер связи командира дивизии вел нас на Сташув. Повсюду — войска и военная техника. Вдоль дороги спешно велись работы по укреплению позиций, сооружались противотанковые рвы, убежища. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, поэтому в течение дня на дорогах было спокойно. Только иногда мимо нас проезжали «газики». Зато с наступлением темноты дороги были забиты настолько, что нам пришлось войти в лес и расположиться на отдых до следующей ночи. Преселочными дорогами мы рассчитывали дойти до Осецка и там подождать переправы.

Мы остановились в Сташувских лесах. Советский офицер сообщил, что поблизости находится штаб танкового корпуса, и предложил навестить командира.

Приход наш оказался некстати. Светало, а в штабе кипела работа. Офицеры входили к командиру. Пулей выскакивали от него. Телефонисты кричали в трубки. Штабные офицеры нервно вычерчивали на картах кривые линии, кружочки, стрелы.

— Прислушайтесь, — предложил начальник штаба корпуса, пожилой, с седыми висками полковник. Он поднял вверх палец и с минуту стоял неподвижно, прикрыв покрасневшие от усталости глаза.

Не сразу можно было определить, откуда доносятся глухие неумолкающие удары.

Полковник обратился к одному из склонившихся над картой офицеров, который быстро направился к сидящему в углу телефонисту.

— Началось наступление вдоль Вислы, — проговорил полковник и пригласил нас сесть. — Немцы бросили несколько дивизий с юга и севера. Замышляют отрезать нас от моста и реки, сокинуть кольцо и по частям, как лепешку, проглотить. На этом участке мы глубоко вклинились в их позиции. Создался опасный для немцев клин, который они во что бы то ни стало постараются ликвидировать. Нашим наиболее уязвимым участком является узкая «горловина» — мост в Баракуве и далеко отставшие тылы. Переправляясь на плацдарм мы имеем возможность только ночью, но и тогда немцы непрерывно атакуют с воздуха, а наша зенитная артиллерия молчит — нет боеприпасов. Снабжение войск осуществляется с трудом. Получаем в первую очередь продовольствие. Пока поступают транспорты с боеприпасами, которые уже в пути, может создаться очень тяжелая обстановка.

— Есть сведения с передовой?

— Есть, — ответил полковник. — Плохие...

На столе зазвонил телефон. Полковник поднял трубку.

— Поймите меня, — ответил он, выслушав просьбу с другого конца провода, — у нас нет возможности. Подержитесь еще два дня, подойдут боеприпасы... Что? Как? Спятил? Да, спятил, здесь трудно не спать, но танков дать не могу... Ни одного...

Полковник положил трубку.

— Проклятье! — продолжал полковник. — Они там едва держатся, а мы не в состоянии...

— Если нужна помощь, — заметил я, — мы готовы...

Полковник пристально посмотрел на меня и поднялся.

— Смотрите, — показал он в сторону леса, — люди у нас есть, танков более трехсот! Понимаете? Триста! А горючего нет! Нет боеприпасов! Витошкин! — обратился он к офицеру штаба. — Есть мысль! Идемте со мной к командиру... Простите, — обратился он ко мне, — дело очень срочное...

Дело действительно не терпело отлагательств. Каждый из трехсот танков имел по два-три резервных снаряда и по несколько литров бензина в баке. Для всего корпуса это ноль, но собранное вместе давало возможность заправить и снарядить около сорока танков, что представляло в тех условиях значительную силу. К полудню сорок танков двинулись к передовой на помощь пехоте.

Тяжелый бой продолжался до позднего вечера. Немцы не продвинулись вперед ни на шаг. Самый трудный период кончился. Немецкий удар, который должен был решить судьбу многотысячной советской армии, сосредоточенной на плацдарме, был парирован. Поздно вечером с передовой пришло донесение: контратака войск с плацдарма имела успех, решающую роль сыграли танки, введенные в бой в критическую минуту... Легко представить состояние танкистов: с одной стороны — радость, с другой — беспокойство за сохранение в тайне от немцев приема, благодаря которому удалось спасти положение. Продлился бой еще несколько часов — и с таким трудом приведенные в движение танки могли остановиться — горючего и боеприпасов в резерве не оставалось. Однако кризис удалось пережить.

На переправе в Барануве, несмотря на день, царило оживление. Зенитная артиллерия начала действовать активнее, а в небе кружили советские истребители. Под таким прикрытием можно было пропускать войска через мост круглосуточно. Посреди забитой войсками дороги приятно было встретить колонну цистерн, быстро движавшуюся в направлении Сташува.

Офицер связи договорился с начальником переправы, который поблизости от моста назначил нам выживательный район. Нам предложили подождать, пока пропустят колонны и мост освободится.

Прошел день, а через мост непрерывным потоком тянулись пехота, артиллерия. Подтягивались тылы. Однажды, когда мост ненадолго освободился, на него притиснулась с этой стороны колонна санитарных машин с тяжелоранеными.

Когда стемнело, пришел офицер и сообщил, что дорога освободилась. Регулировщики у моста еще некоторое время поддержали нас, пропуская хозяйственные подразделения с полевыми кухнями. Стало совсем темно,

когда голова нашей колонны вошла на мост. И в этот момент началось...

Вначале налет не казался страшным. Едва послышался рев немецких самолетов, как затянули длинными очередями скорострельные пушки, застучали зенитные пулеметы. Гул покрывали восьмидесятипяти миллиметровые пушки. Стрельба не прекращалась ни на минуту. Можно было ожидать, что поток огня отпугнет немцев. Но этого не случилось. Я был на середине моста, когда небо над нами стало светлым от медленно опускавшихся осветительных бомб. Неожиданный свет, сознание того, что тебя видят враг, свист падающих бомб поразили колонну паническим страхом. Испуганные лошади начали метаться. Люди бросались вперед — подальше от пекла, от деревянной ловушки. Огромные столбы воды, разрывы бомб по обеим сторонам моста лишали хладнокровия даже самых мужественных. Колонна превратилась в бесформенную массу людей. Перила моста начали ломаться...

«Конец, — подумал я. — Сейчас все полетят в воду». Бешенство овладело мной. Еще минута — и я готов был броситься вперед вместе со всеми... Но здравый смысл восторжествовал. Я соскочил с лошади, взобрался на перила и заорал что было сил:

— Спокойно! Мы кто, войско или банда? Успокойтесь! Партизаны, успокойтесь!

Я изо всех сил старался заглушить вой падающих бомб и свой собственный испуг, но сомневаюсь, чтобы, кроме нескольких партизан, оказавшихся рядом, меня мог кто-нибудь услышать. Бомбы не менее чем с двадцати самолетов продолжали сыпаться вниз. Несколько советских батарей с обоих берегов реки, захлебываясь, били в небо.

Люди успокоились. Видно, командиры навели порядок. Перила моста перестали трещать. Колонна продвигалась вперед напористо, но без паники. Я покинул мост последним.

Но и на берегу не было спокойствия — борьба земли с воздухом продолжалась. Дубенский с лошадью уже ждал меня. Мы поехали за быстро удаляющейся колонной, и только тогда я заметил, что промок до нитки...

Находясь далеко за пределами ада, мы провели проверку личного состава. Каково же было мое удивление,

когда я узнал, что потеря у нас нет. Несколько незначительных ранений в счет можно было не принимать.

— Досадно, — сказал кто-то из партизан, — когда человек слышит над головой гул стервятников, он чувствует себя совершенно беспомощным.

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Все было позади. Мы находились на восточном берегу Вислы, за линией фронта, на освобожденной земле. Все испытывали несколько необычное чувство. Трудно было поверить, что не нужно обдумывать каждый шаг, не нужно высыпать во все стороны разведчиков. Впервые это чувство я пережил в Волынских лесах.

Из Баранова мы не пошли прямо на север, хотя это была самая короткая дорога на Люблин. Наш путь лежал через Тарнобжег и далее вдоль Вислы до Завихоста. Тогда это была фронтовая дорога, и советские регулировщики направили нас на юго-восток, на Майдан. Мы успели несколько изменить порядок построения колонны: отказались от боевого порядка, который тормозил наше продвижение. Я отдал своего коня и пересел в коляскую трофеиного мотоцикла. Так добрались мы до Майдана и остановились на короткий отдых.

В городке нас радостно встретили жители. Цветы, улыбки, объятия... Мы предполагали выступить через четыре часа, но после официальной части, устроенной на главной площади, где один из отцов города¹ выступил с волнующей речью, я понял: народ впервые с тридцати девятого года видит польские мундиры и нас так быстро отсюда не отпустят.

— Дайте наглядеться на вас... — просили меня.

Спешно накрывались столы. Вечером во многих домах надрывались гармони да трещали половицы под ногами танцующих. Четыре часа отдыха превратились в двадцать четыре. Девушки провожали партизан со слезами на глазах.

— Напиши!.. Приезжай!.. — неслось со всех сторон, а ребята в ответ ласково кивали головой.

Мне хотелось как можно быстрее добраться до Люб-

¹ Так в Польше принято называть председателя и членов горсовета. — Прим. ред.

лина. Я решил больше не делать длительных привалов. Ведь война еще не кончилась. Ребята сначала немного помрачнели, узнав мое решение, но потом успокоились, понимая, что мы прибыли сюда не на зимнюю спячку. Скорость нашего марша увеличилась, но, признаюсь, в этом немалую роль сыграли мои личные интересы. Я с нетерпением ждал минуты, когда смогу дойти до родной деревни Пиляшковице и узнать, что с родными: всю войну от них не было известий.

Вначале я решил пойти для доклада к товарищу Завадскому. Едва мы прошли Красник, я передал командование бригадой начальнику штаба и на мотоцикле помчался в Люблин.

Было воскресенье. На улицах шум и оживление. Я с волнением смотрел по сторонам. Как давно мне не доводилось бывать в большом городе, а в Люблине тем более. Я знал город хорошо и часто мечтал, как пойду после войны по его улицам, буду смотреть на бело-красные флаги, развевающиеся в окнах домов... Город показался мне сильно разрушенным.

Мне сказали, что генерал Завадский находится в здании главнокомандующего Войском Польским и является его заместителем. Несколько смущенный столь высокой должностью моего непосредственного начальника, я представился дежурному офицеру. Он критически осмотрел меня и сказал, что генерал очень занят. Однако я настоял, чтобы он доложил обо мне.

Долго ждать не пришлось. Генерал Завадский принял меня сердечно. Он искренне обрадовался встрече со мной. Генерал буквально засыпал меня вопросами о бригаде, о подробностях событий, пережитых нами на Келецкой земле. Я рассказал о наших делах, о победах и неудачах. Об отношении келецкой деревни, о мужестве жителей Келецкого, Пиньчевского, Опатувского, Стопницкого, Сандомирского повятов, которые, несмотря на репрессии оккупантов и местных фашистов из НСЗ, оказывали нам неоценимую помощь. Генерал поинтересовался деятельностью ППР и АЛ в Келецком воеводстве. Я доложил, что влияние партии в воеводстве увеличивается, растут отряды АЛ, которые поддерживают БХ, партизанское движение ширится.

Не упустил случая и пожаловался:

— Едва мы окрепли, начали успешно действовать,

как нам приказали уходить в тыл. Как-то нелепо получается...

Генерал внимательно выслушал меня. Потом сказал, что приказа такого не отдавал. Тот, кто его подписал, видимо, имел в виду, что на освобожденных землях нужно организовывать народную власть, а это нелегкое дело. Здесь без борьбы не обойдешься. Понадобятся новые, преданные правому делу кадры. Люди из бригады «Грюнвальд» не будут бездействовать.

Фронт новой борьбы уже существовал. Революция не кончается захватом власти. Это только ее начало. Мы договорились, что вернемся к этому вопросу после нескольких дней отдыха бригады в Люблине. На прощание генерал просил передать благодарность бригаде «Грюнвальд», которая честно послужила родине...

На улице меня захватила волна праздничного настроения освобожденного города.

Бригада была еще в пути, и я решил съездить в Пиляшковице. При этой мысли меня охватило беспокойство: живы ли родители, братья, сестры...

Я все время поторапливал водителя. Первое время мотоцикл летел птицей, но потом скорость пришлось сбавить — начались ухабы, крутые повороты. Медленно проплывали знакомые пейзажи. Сердце забилось тревожней...

Деревня появилась из-за поворота неожиданно. Вот и знакомые дома... Уцелели. Война их пощадила. На горе дом, самый знакомый, самый дорогой. Дом, где я родился и рос. Он выглядел заброшенным. Сердце еще раз сжалось: может, и нет там никого. В этот момент из дома вышла женщина. Мать! Я оставил мотоцикл и бросился к матери. Она смотрела в мою сторону, прикрываясь ладонью от солнца, потом узнала и поспешила навстречу:

— Юзек!

На пороге показался отец, а я от волнения не мог вымолвить ни слова.

Родители не слышали обо мне с сентября тридцать девятого года. Голова отца побелела. Он заметно состарился. Видно, трудно было ему прокормиться на скучном клочке земли. Сыновья разлетелись: один партизанил в Литве, другого немцы вывезли в Освенцим, а затем в Маутхаузен-Гузен. Моя сестра — вдова с дочкой —

жила с родителями. Другая — у родственников мужа.. Мы долго сидели: нам было о чем поговорить. Оказалось, что отца преследовали не только немцы, но и свои — за то, что «сыновей коммунистами воспитал».

— Теперь все должно измениться, — заметил я, — ведь у власти народ.

Соседи пытались разубедить меня:

— Народная власть есть, но еще слабая. Те — из леса — не боятся ее.

— Кто это «те из леса»? — спросил я. — Оккупация кончилась.

— Есть такие, кому народная власть очень не по душе, — объясняли мне соседи. — Ты, Юзек, будь поосторожней!

Все это не укладывалось в моей голове. Хотелось радоваться свободе. Не верилось, что могут найтись люди, которые не разделяют со мной радости, даже среди тех, кому «народная власть очень не по душе». Прятаться в лесах с оружием, когда гитлеровцы летят ко всем чертям? Это казалось неправдоподобным.

Вскоре мне пришлось убедиться в обратном. На следующий день, когда мы возвращались из Пиляшковице в Люблин, в Бореке перед Пясками нас обстреляли из автоматов. Радость лопнула как мыльный пузырь. Вот он, второй фронт, на котором предстоит бороться! Самый неприятный из фронтов, потому что внутренний, братоубийственный. Пока не добьешься на нем победы, не наступит мир для измученной родины. Горькая правда!..

Нас ждали новые трудные задания. Коммунисты, как всегда, должны были идти впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Рождение бригады «Грюнвальд»	5
Выступление	15
Первая армия и Польский партизанский штаб	29
Новые приготовления	39
В неизвестное	52
Ночной прыжок	66
В разведке	79
Капрал Винярчик	102
В западне	111
Ищем союзников	125
Первые диверсии	132
Бой у реки	143
Конфликт с энэсэшниками	148
Операция в Щецино	162
Урок патриотизма	180
Братоубийственная борьба	187
Манифест ПКНО	194
Встреча в Ханьче	196
Главное направление	201
Первая встреча с представителями ППР и АЛ	207
Горячий день	213
Несколько слов о партизанской тактике	217
Встречи с друзьями	222
Сандомирский плацдарм	229
На освобожденной земле	236

Юзеф Собесяк

БРИГАДА «ГРЮНВАЛЬД»

Перевод с польского

Редактор А. П. Пономарев

Художественный редактор Г. В. Гречиха

Технический редактор Е. Н. Слепцова

Художник Г. А. Сотников

Корректор Ф. М. Горелкин

Сдано в набор 1.3.67 г.

Подписано к печати 17.4.67 г.

Формат 64×108^{1/4}. Печ. л. 7^{1/2}. (Усл. печ. л. 12,3) Уч.-изд. л. 12,739

Бумага типографская № 2.

Тираж 65 030 экз.

Изд. № 10/7521.

Цена 79 коп.

Зак. 662.

Военное издательство Министерства обороны СССР

Москва, К-160

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3